

ВВЕДЕНИЕ

Современное российское общество находится в поиске наиболее эффективной социально-экономической модели развития. И прежде всего в аграрной сфере. Все попытки в XX столетии реформировать земельный строй не дали желаемых результатов. Незавершенной, из-за первой мировой войны, осталась столыпинская реформа — за-ложившая основу института крестьян — земельных собственников. Иллюзорным оказался и такой притягательный для сельских жителей большевистский лозунг: «Земля крестьянам!» Но они так и не получили ее в личное владение. Не оправдались надежды деревни на благоустроенную жизнь после поворота к нэпу. Наладившееся было в условиях рынка индивидуальное хозяйство, сохранявшее многие традиционные черты крестьянственности, не устраивало власти. Деревне дали понять, что путь к росту единоличного хозяйствования бесперспективен. Рыночные вольности противоречили новому курсу большевистского руководства на форсированное строительство социализма. Поэтому механизм нэпа был демонтирован.

В деревне начался очередной эксперимент — сплошная коллективизация: сталинский «великий перелом», «революция сверху при поддержке снизу», а затем и «головокружение от успехов», которое продолжалось многие десятилетия...

В 90-е годы в стране произошли коренные перемены. Стала складываться рыночная экономика. Аграрный вопрос вновь оказался в центре внимания. Принятая 12 декабря 1993 г. всенародным голосованием Конституция России в ст. 36 провозгласила право граждан и их объединений иметь землю в частной собственности. Однако конституционный акт не был введен в действие. Тормозил груз прошлого. Только в

отдельных регионах страны наиболее решительные руководители (Саратовской, Самарской, Калининградской областях, Татарстане и др.) предпринимали попытки реализовать права граждан на владение землей и добились заметных успехов.

Наконец, в октябре 2001 г. Государственная Дума приняла Земельный кодекс, легализовавший частную собственность на землю, а 27 января 2003 года вступил в действие Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», разрешивший гражданам куплю-продажу пашни, пастбищ, сенокосов. Понятно, практика потребует разработки дополнительных актов детализирующих механизм частного землевладения. Но теперь уже совершенно очевидно: вопрос о земле решен. Очень важно, чтобы на новом витке истории свободно состязались, конкурировали многообразные формы и типы землевладения и землепользования. Жизнь сама сделает выбор.

России потребовалось, начиная с реформ П.А. Столыпина, почти сто лет, чтобы у земли мог появиться настоящий хозяин. Дума-ется, с рубежей сегодняшнего дня будет небесполезным вновь взглянуть на сложную, а порой и драматичную историю российской деревни, особенно, первой трети XX века.

I. АГРАРНЫЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ 1917 ГОДА

В начале XX столетия российская деревня, еще недавно сбро-сившая крепостное ярмо, стояла на пороге радикальных перемен. Архаичные общинные порядки уже перестали удовлетворять наи-более инициативных, предприимчивых землепашцев. Многим из них надоело «ходить в общинном табуне», они стремились вы-рваться из этих пут и обрести право единоличного владения землей.

Столыпинская аграрная реформа, заложившая основу институ-та крестьян — собственников, лишь отражала веление времени. В сравнительно короткий срок, после Указа от 9 ноября 1906 года, 2 478 тысяч крестьянских дворов с 16,9 млн. десятин земли вышли из общины.¹ К февралю 1916 года в Европейской России было соз-дано около двух миллионов хуторских и отрубных хозяйств.» 3 500 тысяч общинников — или более половины из тех, кто подал заявле-ния о землеустройстве — завершили к этому времени все землеуст-роительные работы, сделав решительный шаг к закреплению земли в личное владение.» В итоге, к 1916 году, с учетом старых крестьян — подворников, с общиной порвали 33 % крестьянских дворов.⁴

Одновременно шел рост крестьянской запашки. По данным В.Г. Тюкавкина крестьянское сословие через крестьянский банк или самостоятельно купило с 1883 по 1916 год 34,4 млн. десятин земли и прибавило, таким образом, к 138 млн. десятин наделной земли солидный массив частных угодий, увеличив свое землепользование на 24,9 %.⁵

Начавшееся в начале XX века аграрное реформирование суще-ственно меняло ситуацию в сельском хозяйстве страны. В процесс производства энергично включались миллионы крестьян — земель-ных собственников, все более интенсивно внедрялись новые прие-мы и достижения агрономической науки. Увеличивались посевы трав и корнеплодов; в ряде регионов переходили к правильным, многопольным системам полеводства. С 1900 по 1913 год почти в четыре раза возросло применение сельхозмашин.⁶ Все эти и другие прогрессивные начинания в земледелии привели к подъему урожай-ности зерновых с 39 до 43 пудов с десятины в 1909 году. На 24 % увеличился общий сбор хлебов и достиг накануне Первой мировой войны 5 млрд. 637 млн. пудов (90 млн. тонн), превысив сбор 1912 г.на 565 млн. пудов. Экспорт зерновых составил в 1913 году 647, 8 млн. пудов — на 100 млн. пудов больше 1912 года.⁷ Заметно увели-чились сборы других культур: картофеля на 31,6 %, сахарной свек-лы на 42 %, табака, подсолнечника, конопли.⁸ Особенно поднялось производство льна. За 1909 — 1912 годы по 27 льноводческими гу-берниями было собрано 24 млн. пудов льноволокна (80 % процен-тов мировой добычи). Из них 3,4 млн. пудов поступило на россий-ские текстильные фабрики, 6 млн. пудов использовано в крестьян-ских хозяйствах, а 14,7 млн. пудов пошло на экспорт. В результате Россия стала абсолютным монополистом в экспорте этого ценней-шего продукта.⁹ Она обеспечивала так же около 50 % мировых по-ставок яиц, а по производству сахара заняла второе место, давая пя-тую часть его

мирового производства.10 К 1914 г. увеличилось поголовье лошадей до 22,8 млн. голов, крупного рогатого скота до 31,9 млн., свиней до 13,5 млн. голов.11

С вступлением в строй Великой сибирской железнодорожной магистрали впечатляющих успехов добился аграрный сектор азиатской России, куда переселялись сотни тысяч русских пахарей. Там шло интенсивное освоение новых посевных площадей. К 1909 году они составляли 6 млн. десятин. В крестьянских хозяйствах росло применение машин: жаток, молотилок, сенокосилок. Наличие обширных естественных пастбищ позволило добиться прорыва в молочном животноводстве. Возникает ряд крупных маслодельческих районов, охватывающих Тобольскую, Томскую, частично Пермскую и Енисейскую губернии, а так же Семипалатинскую область.12 По свидетельству знаменитого норвежского полярного исследователя Фритьофа Нансена, совершившего в 1913 году длительное путешествие по Сибири, там в короткий срок произошел настоящий переворот в молочном хозяйстве, и производство масла поднялось до 8 млн. 600 тыс. пудов в год. Резко возрос экспорт. «Ежедневно, — писал Ф. Нансен в своей замечательной книге «В страну будущего», — отправляется целый поезд, везущий в холодильниках масло из Ново-Николаевска (ныне Новосибирск В.А.) с реки Оби на берега Балтийского моря. Оттуда масло на пароходах пересылается в Англию и Париж».13 Россия стала крупнейшим, после Дании, поставщиком сливочного масла на мировые рынки. Вывоз сибирского масла давал стране золота вдвое больше, чем российская золото-промышленность.14 А в целом сельское хозяйство к 1914 году давало 52 % национального дохода государства.

Фактически по главнейшим сельхозкультурам наша страна занимала первое место, выращивая более половины мирового производства ржи, более четверти пшеницы и овса, около двух пятых ячменя, около четверти картофеля. Россия, по словам О.А. Платонова, стала главным экспортером сельскохозяйственной продукции, первой «житницей Европы», на которую приходилось две пятых всего мирового экспорта крестьянской продукции.15

Все это стало возможным благодаря модернизации аграрного сектора, притока в азиатские владения трех миллионов крестьян — новоселов, получивших здесь на правах собственности или аренды большие массивы плодородных земель. И, главное, этот прорыв в значительной степени был обусловлен появлением в земледелии новой крупной фигуры: крестьянина, — собственника, способного трудолюбивого хозяина, который мог стать прочной социальной опорой демократического порядка и политической стабильности в стране.

Высокотоварные хозяйства фермерского типа Европейской России и Сибири, объединявшие не более 20 % крестьянского населения, давали к 1913 г. около 40 % валового сбора и 50 % товарного хлеба.¹⁶ В то же время поставки помещиков, владевших 40 % всех земель, составляли лишь пятую часть (21,6 %).¹⁷ И это далеко не рачительное использование помещиками земли, а также растущее малоземелье в Центральной России, связанное с динамичным ростом числа едоков в крестьянских семьях при прежнем количестве земли, несомненно создавало социальную напряженность; становилось важным фактором, подталкивающим деревню к активным действиям за «черный передел».

Февральская революция 1917 г. открыла новые реальные перспективы для справедливого решения аграрной проблемы. Все основные политические партии, стремясь заручиться поддержкой многомиллионного сельского населения, обещали, каждая по-своему, осчастливить деревню. Сразу же объявилось много знатоков деревенской жизни. «Кто не хватается сейчас за разрешение аграрной программы? — с иронией вопрошал тогда Н.Н. Львов. — Даже люди, которые никогда не видели, как сеют и убирают хлеб, которые едва ли могут отличить пшеницу от риса».

Ближе всех к сельским труженикам стояли, конечно, социалисты — революционеры — самая многочисленная и влиятельная в деревне политическая партия (около 600 тыс. человек, лидеры Авксентьев Н.Д., Чернов В.М.). Их аграрная программа предусматривала конфискацию кабинетской, удельной, монастырской, церковной, частично владельческой и прочей земли, ликвидацию помещичьих латифундий. Опираясь на исторически сложившиеся общинные традиции и представления многих крестьян, что «земля Божья, земля ничья» и что она не может быть чьей-то собственностью, ни отдельных лиц, ни государства, эсеры предлагали всю конфискованную землю превратить в общенародное достояние — провести «социализацию». Земледелие строить на трудовых началах. Наемный труд запретить. В собственности крестьян оставить постройки, скот, технику, произведенную продукцию.

Эсерами объявлялась уравнилельно-трудовое пользование землей с применением собственного труда — единоличного или в товариществе. Декларировалось экономическое и юридическое содействие переходу от индивидуального к коллективному хозяйствованию. За пострадавшими от имущественного переворота признавалось право на общественную поддержку. Прежним крупным земельным собственникам оставлялся участок в размере не свыше трудовой нормы, а также усадьба с возведенными постройками, на время необходимое для приспособления к новым условиям.

Эсеры считали так же, что впредь до законодательных актов Учредительного собрания земля должна находиться в ведении центральных и местных органов народного самоуправления (земельных комитетов), которые обязаны были заботиться о поддержании на надлежащем уровне сельхозпроизводство, равномерно и справедливо распределять землю между отдельными трудовыми хозяйствами.¹⁹ Эсеры оставались последовательными противниками выделения крестьян из общины на хутора и отруба.²⁰

Близкой по духу к эсеровской была аграрная программа анархистов — коммунистов («хлебовольцев»). Лидер партии Кропоткин П.А. и его соратники считали необходимым передать всю землю, захваченную в результате социальной революции, народу, тем, кто сам ее обрабатывает. Но не в личное владение, а в общинное. И в этих вольных общинах (коммунах), добровольно объединенных в союз или федерацию, каждая личность, избавленная от опеки государства, и смогла бы, по мысли анархо — коммунистов, получить неограниченные возможности для развития.

Более либеральной и реалистической представляется земельная программа партии меньшевиков (50 тыс. человек, лидеры — Плеханов Г.В., Маслов П.П. и др.). Она предполагала «муниципализацию» — то есть конфискацию земли (кроме мелкого, прежде всего, крестьянского землевладения) и передачу ее в распоряжение выбранных демократическим путем органов местного самоуправления — муниципалитетов, которые и стали бы собственниками этой земли.» Крестьяне же получали право, при сохранении своих надежд, дополнительно арендовать муниципальную землю. Предусматривалась так же передача части конфискованных земель в руки государства для создания переселенческого фонда. Меньшевики были решительными противниками национализации всех земель, опасаясь государственно — бюрократического диктата в сфере аграрных отношений. Более того, партия меньшевиков допускала возможность пустить часть конфискованной помещичьей земли в раздел среди крестьян на правах собственности, за что подверглась резкой критике со стороны Ленина еще в 1907 году. Лидер большевиков считал такую программу «делкой с реакцией».

Довольно демократической и взвешенной была программа по земельному вопросу у партии кадетов (численность около 70 тыс. человек, лидеры Милюков П.Н., Шингарев А.И. и др.). Многие ее положения перекликались с реформаторскими идеями и практикой Столыпина П.А. Кадеты считали незыблемым правом собственности на землю для всех слоев российского общества. В целях расширения землепользования населения, в первую очередь безземельных и малоземельных крестьян, а так же других разрядов мелких хозяев — землевладельцев, они предлагали отчуждение государственных, удельных и кабинетских земель. Являясь сторонниками ограничения

крупного землевладения, кадеты считали необходимым отчуждение и части помещичьих земель в пользу крестьян, но с выплатой пострадавшим владельцам умеренной (не рыночной) цены за счет государства. Кроме того, они полагали, что без принудительного отчуждения части помещичьих земель решение аграрно-крестьянского вопроса в России невозможно.»

Все отчуждаемые земли, по замыслу кадетов, должны были перейти в государственный фонд. А из него уже передаваться определенным хозяевам — землевладельцам, общинам и другим союзам в полную собственность или только в пользование, в зависимости от особенностей тех или иных регионов страны. Реализация аграрной программы поручалась местным всесословным земельным комитетам, состоящим из представителей помещиков, крестьян и чиновников. «Предполагалась широкая государственная помощь переселенцам: для устройства их хозяйственного быта, упорядочения арендной платы и удовлетворения других нужд с целью улучшения сельхозпроизводства и подъема благосостояния землевладельцев — новоселов. Все вышеназванные политические партии в качестве главного арбитра по разрешению всех сложностей аграрной проблемы в России считали — Учредительное собрание.

У партии большевиков после февраля 1917 года (численность 24 тыс. человек, лидер В.И. Ленин) было свое видение решения аграрного вопроса. Они разделяли требование умеренных социалистов о ликвидации частной собственности, но шли значительно дальше. Ленин еще в начале века увидел большую опасность в столыпинской земельной реформе. В 1908 г. он разъяснял своим единомышленникам, что судьба революции в России «зависит больше всего от успеха или неуспеха этой политики». И еще тогда призывал «пропагандировать, бросать в массы лозунг крестьянского восстания вместе с пролетариатом, как единственного возможного средства помешать столыпинскому методу «обновления» России».27 В своих апрельских тезисах в 1917 году вождь настаивал на национализации всех земель в стране, а не только помещичьих. Причем, полагал, что реализацию этого плана должны осуществлять не просто крестьянские, а, главным образом, батрацкие Советы депутатов. Разъяснял, что в аграрной программе большевиков «центр тяжести» теперь переносится «на Советы батрацких депутатов». И предлагал «создание из каждого крупного имения (в размере около 100 дес. до 300 по местным и прочим условиям и по определению местных учреждений) образцового хозяйства под контролем Совета батрацких депутатов и на общественный счет».

Если внимательно вчитаться в ленинские выступления апреля-мая 1917 года, то вырисовывается совершенно четкая линия: никакого приращения индивидуальной надельной крестьянской земли по аграрной программе большевиков не предполагалось. Им, в общем-то, было совершенно безразлично мало земли у крестьян или нет.29 Большевики и не собирались дать больше. Для них главное заключалось в отмене

любого частного землевладения. А отсюда и стратегическая установка — борьба крестьянства не только против помещиков за землю, но и раскол в деревне, подталкивание батрацких, люмпенских элементов к борьбе с крестьянами — собственниками, хуторянами, отрубниками. Ленина крайне беспокоило, что «крестьяне отнимут землю у помещиков, — как он заметил на Петро-градской общегородской конференции РСДРП (б) в середине апреля 1917 г. — а борьбы между деревенским пролетариатом и зажиточным крестьянством не вспыхнет!» «Если они землю возьмут, — будьте уверены, что они вам ее не отдадут, нас не спросят» — разъяснял он в апрельских тезисах.» Отсюда и постановление седьмой (апрельской) конференции РСДРП(б): «чем решительнее и последовательнее будет ломка и устранение помещичьего землевладения..., тем с большей силой и быстротой будет развиваться классовая борьба сельскохозяйственного пролетариата против зажиточного крестьянства»³² И призыв к крестьянам — брать помещичью землю немедленно.

Ленин в то же время наставляет деревенских жителей, как им впредь воспользоваться землей. «Если крестьяне возьмут землю, — растолковывает он, — мы как пролетарская партия должны сказать, что одна земля еще не прокормит! Для обработки ее нужно будет, следовательно, устроить коммуну». Вождь и не собирался считаться с крестьянами, хотя они или нет. Он категоричен: «Коммуна крестьянству вполне подходит», на девять десятых крестьянство должно в коммуну пойти.»

Итак, после падения монархии все основные политические силы России развернули активную борьбу за влияние на деревню. «Началось, — как писал современник, — соперничество партий из-за сердца загадочного крестьянского сфинкса».³⁴

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII — XX вв.). М., 1995. С. 90.

2. Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 210.

3. Там же. С. 204.

4. История крестьянства СССР. История советского крестьянства. Т. 1. М, 1986. С. 28.

5. Тюкавкин В.Г. Указ. соч. С. 82.

6. Советская историческая энциклопедия., Т. 1.М., 1961. С. 178.

7. Дмитренко В.П. История России XX век. М., 1996. С. 107.

8. Судьбы российского крестьянства. Под общей редакцией академика Ю.Н. Афанасьева. М., 1996. С. 465.

9. Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII — XX вв.). М, 1995. С. 83; Личман Б.В. История России: XX век. Екатеринбург. 1993. С. 50; Платонов О.А. Терновый венец России. История Русского народа в XX веке. Т. 1. М, 1997. С. 32.

10. Платонов О.А. Указ. соч., Т. 1. С. 30.

11. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1948. Т. 2. С. 275.

12. Платонов О.А. Указ. соч., Т. 1. С. 31.

13. Фритьоф Нансен. В страну будущего. Магаданское книжное издательство. 1969. С. 205.

14. Платонов О.А. Указ. соч., С. 31.

15. Там же. С. 32.

16. Советская историческая энциклопедия. Т. 1. М., 1961. С. 178; Новейшая история отечества. XX век. Т. 1. Под редакцией А.Ф. Киселева, Э.М. Шагина. — М. 1998. С. 52.

17. Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М, 1997. С. 72; Анфимов А.Н. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917). М., 1962. С. 91.

18. Вестник Московского областного союза кооперативных объединений. № 3 — 4. 1919. С. 7; Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации. Том первый. Часть II. М., 1929. С. 164.

19. Никонов А.А. Указ. соч., С. 96, 97, 100, 103; История политических партий России. Под редакцией А.И. Завелова. М. 1994. С. 189.

20. Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001. С. 13.

21. История политических партий России. Указ. соч., С. 202.

22. Никонов А.А. Указ. соч., С. 104.

23. История политических партий России. Указ. соч., С. 226; См. Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.16. С. 351; Т. 13. С. 20.
24. История политических партий России. Указ. соч., С. 117; Советская историческая энциклопедия. Т. 1. М., 1961. С. 178 — 179.
25. История политических партий России... С. 117.
26. Никонов А.А. Указ. соч., С. 92.
27. Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 16. С. 423, 425.
28. Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 31. С. 109.
29. Там же. С. 419.
30. Там же. С. 241.
31. Там же. С. ПО.
32. Там же. С.426.
33. Там же. С. 249.

34. Вестник Московского областного союза кооперативных объединений. №3-4. 1919. С. 7.

II. КРЕСТЬЯНЕ И ПОМЕЩИКИ: ДИНАМИКА КОНФЛИКТА

Деревня встретила февральскую революцию весьма настороженно. Хотя крестьяне и поругивали царя-батюшку под горячую руку, для них было как-то неожиданно и странно вдруг остаться без государя. Глубинные монархические представления о власти оказались довольно крепкими.

Растерянность и беспокойство, вызванные отречением царя, нашли отражение в оценках самих деревенских жителей — современниках и очевидцах бурных событий весны 1917 года. Крестьянин И.А. Григорьев из Окуловской волости Новгородской губернии позже вспоминал: «Наш забитый мужик с ужасом узнал о случившемся. Что же это, мол, Господи Боже, царя-батюшку сместили! И что теперь только будет? О каких-то большевиках слух доносится, недоброе которые задумали».1 Тревожное настроение деревни передает и А.В. Заморин из села Никольского Симбирской губернии: «Крестьяне находились в неведении, что сотворилось в русской земле. «Сам черт не разберет, — говорили они. — Кто говорит: царя сменили и посадили его сына, а кто

говорит, что революционеры захватили власть в свои руки».2 Сумбур в головах был большой.

Однако вскоре в деревню зачастили посланцы различных по-литических партий; всем им хотелось понравиться мужику, зару-читься его поддержкой.

Сельские жители сразу же уловили заинтересованность город-ских эмиссаров. Со свойственным им прагматизмом и хитрецей стремились распознать цели и, прежде всего, позицию «гостей» по земельному вопросу. Охотнее слушали эсеров, обещавших поме-щичьи владения, и даже записывались к ним в партию «ежедневно десятками и больше», как вспоминал Е.К. Кузьмичев из Волоко-ламского уезда Московской губернии.3 В селе Вишневе Курской губернии только и слышно было от приезжих городских агитаторов на сходах: «Надо голосовать за партию социалреволюционеров».4 А в селе Телековке Николаевского уезда Самарской губернии, по сло-вам крестьянина В. Захарова, «в то время все называли себя социа-листами-революционерами».5 «Не дремали и большевики, — писал Федор Кузнецов из деревни Гадыши Новгородской губернии, — Они сразу заинтересовали бедняков и середняков. Те были в восторге от речей большевиков. Только кулаки не очень-то радовались».6 А кто-то симпатизировал народным социалистам и даже анархистам.

Сельских жителей уговаривали, обольщали сладкими речами. «Крестьяне совершенно терялись в недоумении, — сетовал волоко-ламский мужик, — не зная, кто враг наш, кто друг».7 А одному из крестьян-толстовцев, напротив, эсеры и большевики виделись со-вершенно определено, ибо выдавали себя «спасителями и благоде-телями». «Они — рассуждал он, — вроде горячо любят народ и даже порой за это сами шли на самопожертвование, но любовь эта фаль-шивая... Для них люди были пешками в политической игре, в стремлении к власти над людьми... хотя это и прикрывалось хоро-шими целями — как будущее благо человечества».8

В деревню наведывались представители и других партий, приво-зили вороха листовок, произносили витиеватые речи, что еще больше разжигало страсти людей. Однако основная масса их, по справедли-вому замечанию В. Булдакова, реагировала «не на партии как тако-вые, а на выгодные им, или соответственно интерпретированные ло-зунги».9 Для крестьян важно было — кто и когда даст землю.

Одновременно деревенское общество все более непримиримо относилось к старым

местным органам власти. Забитое, на первый взгляд, сословие проявило исключительную оперативность к само-организации; сравнительно быстро во многих губерниях стали возникать сельские органы власти под различными названиями: коми-теты народной власти, союзы, советы и др. В противовес Временному правительству деревня стремилась убрать прежних волостных старшин и сельских старост. В Вологодской губернии, например, большинство волостных комитетов — 75 % — было создано по инициативе самих крестьян и только 25 % по указке властей. Подобное наблюдалось и в других регионах.¹⁰

Однако в крестьянской среде, социально неоднородной, не было, как и среди политических партий, цельного и четкого представления о справедливом решении вопроса о земле. Серьезное беспокойство за свою собственность на землю проявляли не только хуторяне, отрубники, подворники, но и другие категории сельского населения, боявшиеся потерять хотя бы и небольшой клочок земли.

Большинство историков сейчас сходится во мнении, что деревня в первые месяцы после февральской революции 1917 года не торопилась осуществить «черный передел»; она терпеливо и законопослушно ожидала объективного решения аграрной проблемы новой властью. Тем более, что Временное правительство в начале мая стало коалиционным и значительно полевело. Наряду с кадетами в него вошли эсеры и меньшевики, а лидер партии эсеров В.М. Чернов стал министром земледелия. На Первом Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов, проходившем в Петрограде с 4 по 8 мая 1917 года, доминировали тоже социалисты-революционеры. Из 1115 делегатов эсеров было 537, социал-демократов 103, народных социалистов — 4, беспартийных 136. Не назвали свою партийную принадлежность 329 делегатов.¹¹ Значительная часть делегатов высказалась против немедленной передачи помещичьей земли крестьянам, считала целесообразным отложить решение этого вопроса до Учредительного собрания.

Но на съезде прозвучали и другие требования. В частности, Ленин в своей речи призывал крестьян «брать всю землю на местах немедленно», «не теряя ни одной недели, ни одного дня», «не в собственность, не в раздел, а только в общее пользование». ¹² Он пытался убедить делегатов, что хозяйствование на отдельных участках, хотя бы вольным трудом, не спасет, что «необходима всеобщая трудовая повинность», нужен переход «к общей обработке земли в крупных образцовых хозяйствах» и т.п.¹³ К захватному образу действий призывал делегатов и большевик Зиновьев.¹⁴

Однако эти и подобные им призывы и предложения не нашли поддержки на

крестьянском съезде. Более того, при выступлении ораторов-ленинцев, из зала неслись протестные выкрики и оскорбительные реплики.¹⁵

Решение Первого съезда Советов крестьянских депутатов, принятое 25 мая 1917 г., было выдержано в эсеровском духе: взять на учет все помещичьи угодья Земельным комитетом; превратить их в общенародное достояние для уравнительного трудового пользования без всякого выкупа; все дело подготовки, окончательного решения земельного вопроса на Учредительном собрании передать в руки самого трудового населения.¹⁶ В одном из документов съезда подчеркивалось: «До окончательного установления нового закона о земле захват частновладельческих земель отдельными лицами и обществами не целесообразен и не желателен, а потому недопустим».¹⁷

Схожую с решениями Первого крестьянского съезда советов позицию по аграрному вопросу занял и Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, заседавший с 3 по 24 июня 1917 г.

Он поддержал разработанную аграрной секцией идею всеобъемлющего решения земельной проблемы Учредительным собранием. Подчеркнул, что верховное право распоряжения землей должно принадлежать народу (а не государству, на чем настаивали большевики), порядок пользования землей устанавливается самим трудовым земледельческим населением. Съезд высказался против немедленной ликвидации помещичьего землевладения, считая недопустимым самочинные захваты и разделы земли. Пока же до Учредительного собрания съезд предлагал частичное реформирование аграрных отношений: регулирование арендных цен, уничтожение отработочной системы, предоставление крестьянам права на обработку пустующих земель и временное пользование помещичьим инвентарем, семенами через земельные комитеты. Санкционировано также изъятие земли из сферы товарного оборота и пр. Большевистская программа национализации земли была отвергнута.¹⁸

Таким образом, и очередной представительный форум — Первый съезд Советов рабочих и солдатских депутатов — поддержал умеренные шаги аграрного реформирования, выступил против безответственных призывов о немедленном всеобщем переделе земли. Любопытно, что Ленин, дважды выступавший на пленарных заседаниях съезда и касавшийся многих вопросов, о земле ни разу не обмолвился. Скорее всего из тактических соображений, чтобы не раздражать лишним раз деревню чуждыми для нее идеями о национализации земли и коммунизации землепользования. Не случайно большевики в своей пропагандистской работе стали ограничиваться призывами общего характера: «земля должна принадлежать народу», «землю

крестьянам без выкупа» и пр.

Сельский мир, понятно, требовал помещичью землю все решительнее, но к скоропалительному «черному переделу» пока не прибегал, не решался «из-за греха» — как позже объяснял Я.Д. Наумченков — крестьянин из Калужской губернии.¹⁹ Деревня ограничивалась в основном паллиативными действиями. В первую очередь стала явочным порядком сокращать плату за арендованную у помещиков землю. В селе Никольском Симбирской губернии, к примеру, помещику Казакову, который брал за аренду десятины по 15 — 16 рублей, крестьяне предъявили ультиматум — «не больше одного рубля» и припугнули, что «и совсем не будут платить». И барину пришлось уступить.²⁰ Жители села Милеева Калужской губернии, арендовавшие у землевладельца Скворцова 300 десятин заливных лугов, вообще отказались вносить плату, несмотря на уговоры зажиточных односельчан. Их примеру последовала соседняя деревня Новинки-Иноча.²¹ А там, где помещики проявляли упорную несговорчивость, крестьяне просто их игнорировали: самовольно выпасали скот на барских лугах, скашивали траву, рубили лес, прибирали к рукам пустующие земли, а иногда и засеянные.²² Распри деревни с помещиками нарастали. Но на более радикальные захватно-погромные акции крестьяне не решались.

В довольно сложном положении, в складывающейся ситуации, оказались хуторяне, отрубники — собственники земли. С одной стороны они тоже были не прочь получить прибавку к своим участкам за счет передела барских угодий, но их серьезно пугали эсеровские проекты социализации и особенно большевистские призывы к национализации всей земли. К тому же, хуторяне уже на себе испытывали недовольство и давление крестьян-общинников. В ряде губерний (Казанской, Самарской, Саратовской и др.) участились требования о передаче отрубных и хуторских участков всему деревенскому миру, а кое-где наблюдались и самочинные захваты хуторских владений. Для крестьян, имевших землю в подворном владении, возникала опасность лишиться той самостоятельности, которую они с немалым трудом обрели. А таких крестьянских хозяйств по 47 губерниям Европейской России к 1917 году было 51 %.²³

Но оказалось, что их интересы, за исключением кадетов и частично меньшевиков, никто не защищал. Удивляет и то обстоятельство, что Первый съезд крестьянских депутатов, проходивший в мае 1917 года, просто проигнорировал чаяния крестьян-собственников. В известных 242-х крестьянских наказах, утвержденных съездом, не нашлось ни одного пункта, отражающего права этого значительного слоя деревни. Создается впечатление, что эсеровская верхушка сознательно «просеивала» наказания с целью исключить из окончательного документа любые притязания крестьян на земельную собственность. А ведь известно, что на сельских и волостных съездах в

наказах нередко звучали требования оставить землю в собственность крестьянам. Так, по подсчетам Т.В. Осиповой, в 203 крестьянских наказах волостных и сельских сходах, деревенские жители отстаивали право собственности на землю.²⁴ Но, к сожалению, их голос не был услышан. По существу, крестьяне-собственники оказались заложниками идеологических амбиций политиканствующих партий.

Все это подталкивало мелких земельных собственников к консолидации с целью защиты своих прав. И когда в Москве в середине мая 1917 г. состоялось учредительное собрание Всероссийского съезда земельных собственников, в нем приняли участие свыше 300 землевладельцев, в том числе, хуторян и отрубников из 31 губернии. Собрание высказалось за объединение собственников без различия сословий, вероисповедания, принадлежности к политическим партиям и размера земельных владений с целью сохранения частного землевладения и земледельческой культуры.²⁵ 1 июня 1917 г. прошел Всероссийский съезд земельных собственников также с участием крестьян-владельцев земли. Конечно, на этом съезде крупные землевладельцы защищали, прежде всего, свои эгоистические интересы. Но одновременно они поддерживали и всех крестьян-собственников, а их были миллионы. Более того, съезд сделал шаг навстречу всему крестьянству, высказав намерение принять меры к увеличению размеров землевладения крестьян, имеющих малые земельные участки, не позволяющие ведение интенсивного хозяйства. Правда, это мыслилось осуществить за счет казенных и удельных земель. В случае же их недостаточности, предполагалось отчуждение в пользу малоземельных и части владений крупных собственников «на добровольной, соответствующей их действительной стоимости оценке». На собрании также подчеркивалось, что «земли, принадлежащие трудящемуся населению, отчуждению не подлежат».²⁶

Вскоре, в июне-июле, прошли съезды земельных собственников по регионам. Съезд земельных собственников Московского уезда, где из двухсот делегатов более четверти составляли хуторяне и отрубники, подчеркнул в своих решениях, что частная собственность «является залогом экономического благосостояния»; «хуторяне и отрубники считают недопустимым самую мысль о социализации земли». Рязанский съезд собственников, на котором присутствовало 300 делегатов, главным образом хуторян, постановил присоединиться к Всероссийскому союзу земельных собственников, поддержать его программные требования и даже признал необходимым основать свою газету.²⁷ Поддержала крестьян-собственников и партия народных социалистов.²⁸

Это движение, направленное на объединение собственников и борьбу за свои земельные права, распространилось и по другим губерниям. Одновременно оно вносило и раскол в среду крестьянства, отдаляя общинников от крестьян-собственников, все

более попа-давших в сферу влияния помещиков, что, несомненно, усложняло внутридеревенские отношения.

А между тем конфликт с помещиками все более разрастался. Вскоре в деревню стали возвращаться фронтовики, солдаты-дезертиры, отпускники из лазаретов и тыловых гарнизонов. На-строенные крайне радикально и даже агрессивно, они еще больше разжигали, будоражили односельчан, подталкивали их к захватным действиям. В июле 1917 г. участились хищения урожаев хлебов с полей, засеянных помещиками. В Погромской волости Воронеж-ской губернии, по свидетельству самих же крестьян, они «стали по ночам нападать на имения и понемногу тянуть с полей посевы, а потом стали добираться и до запасов хлеба в амбарах».29 Разверну-лись массовые порубки барского леса. Крестьянин Ф.Ф. Карташев из села Синие Липяги, той же губернии, так описывал воровские набеги на хозяйский лес: «организовалось несколько крестьян и по-ехали самовольно рубить лес у помещика Елика. На них глядя и другие крестьяне начали присоединяться к рубке леса. Таким обра-зом один по одному присоединялись и, наконец, поехало рубить лес все село».30 Верховодили чаще всего солдаты. В селе Темновке Са-марской губернии все его жители, организованные воином-земляком, за три дня вырубали целую рощу, принадлежавшую по-мещикам Лебедеву и Соплякову.31

Обстановка в деревне в августе — сентябре 1917 г. резко ос-ложнилась. Сроки выборов в Учредительное собрание оказались отодвинутыми на ноябрь, аграрные страсти накалялись, недоволь-ство крестьян стало перерастать в неповиновение. На уездных и гу-бернских съездах Советов, несмотря на уговоры эсеров и эмиссаров Временного правительства, все чаще звучали требования крестьян «не ждать до Учредительного собрания, земля нужна сейчас».32 По-ложение помещиков становилось рискованным, несмотря на под-держку части зажиточных мужиков. Чаще всего помещики, как это было в Любегощской волости Тверской губернии, тайно распрода-вали свой сельхозинвентарь доверенным лицам, прятали ценное имущество и покидали усадьбы, надеясь переждать смутное время подальше от своих владений. Другие еще надеялись договориться с сельским обществом, пытались использовать свою землю путем ис-польщины на льготных для крестьян условиях; заигрывали на сель-ских сходах, «курили махорку с мужиками» даже принимали их у себя дома.33

Однако деревня уже выходила из повиновения. Поутихшие было на время полевых работ антипомещичьи выступления, вспых-нули в конце лета — начале осени с новой силой. Они приобретали более острые формы: поджоги, вооруженные захваты, погромы, из-гнание помещиков. В Сычовском уезде Смоленской губернии в короткий срок были сожжены и разграблены усадьбы Ермакова, Синягина, Крымова, Безобразова, князя Лобанова и других.34 Из Тулы в сентябре писали: «В Ефремовском уезде полному разгрому под-вергаются от 10 до 20 имений в день». В Раненбургском уезде Ря-занской

губернии обычными становились «ежедневные систематические уничтожения и разгромы усадеб. Каждую ночь несколько пожаров».35 Из Нижегородской губернии сообщалось: «Широкие волны анархии земельных беспорядков, погромов и пожаров полились по лицу родной земли. Темный народ, подстрекаемый своими врагами, уничтожает свое достояние, свое добро. Крестьяне громят имения, ломают сельхозинвентарь, режут скот, жгут постройки, разрушают сельхозшколы, разбивают склады спирта, толпы народа перепиваются, звереют и затевают братоубийство».36 В Козловском уезде Тамбовской губернии крестьяне уничтожили более 20 имений, сожгли хозяйственные постройки, хлеба, разгромили даже сельское опытное поле, на котором сами учились по-настоящему хозяйствовать.37

В сентябре — октябре 1917 года в Центральной России произошли 3500 крестьянских выступлений.38 Раздражение крестьян, копившееся десятилетиями, выплескивалось в самых крайних формах, вплоть до физических расправ над владельцами имений. Сказывались и застарелая злоба, ненависть к «барину-шкурнику», прошлые обиды, да и подстрекательство анархизирующих элементов. Имение княгини Голицыной в Гжатском уезде Смоленской губернии разъяренная толпа окружила темной ночью. Голицына была убита, а имение сожжено.39 В селе Ново-Макарове Воронежской губернии батраки ворвались в дом старой помещицы в ее отсутствие. Сопротивление им пыталась оказать молодая женщина, видимо, родственница, но была зарублена топорами.40 На станции Грязи Тамбовской губернии крестьяне расправились с князем Вяземским...41

Конечно, было бы ошибочным считать, что большинство деревни участвовало в погромах, грабежах и, тем более, в физических расправах. «Самую активную роль, — по свидетельству жителя села Новорепное Самарской губернии В.Т. Захарова, — играли батраки и беднейшие крестьяне, которые считали, что они в борьбе ничего материального не потеряют, так как у них ничего нет. Середняки же были ни за, ни против, а зажиточные... все время боролись за помещиков».42

В подмосковной деревне крестьяне вели себя спокойнее. К прямым захватам частной земли в августе 1917 г., за редким исключением, не прибегали. Ограничивались снижением арендной платы за помещичью землю, запрещением владельцам имений порубки леса в своих угодьях, повышением подесятинного обложения господских и церковных земель и т.д. Видимо, сказывалось влияние социалистов-революционеров, особенно в западной земледельческой части губернии (Можайском, Верейском, Звенигородском уездах), где целые деревни считали себя эсеровскими. Это обстоятельство в известной мере сдерживало нетерпение сельского общества. Эсеры входили в коалиционное правительство, и среди крестьян все еще популярной оставалась идея созыва Учредительного собрания, способного, по мнению многих,

справедливо решить земельный вопрос. Но в конце сентября, убедившись в беспомощности центральной и местной власти, подстрекаемые леворадикальными элементами, крестьяне и здесь преступили закон: начали растаскивать инвентарь и скот, громить усадьбы. В Сухановской волости Подольского уезда в короткий срок оказались захваченными все земли князей Волконских, в Московской уезде, в селах Малаховка и Маркове, поделены угодья графа Шереметьева. Крестьяне деревни Турово Серпуховско-го уезда постановили «реквизировать землю княгини Мещерской».43 А в Можайском уезде в раздел между жителями деревень Мажутино и Уварово пошли земли и покосы Владимиро-Екатерининского женского монастыря.44 Еще агрессивнее действовали крестьяне в Волоколамском уезде. Там не только отобрали и поделили землю и инвентарь княгини Шаховской, но и разорили усадьбу. Такая же участь постигла имение графа Чернышева-Крутикова в Яропольце. Волоколамский крестьянин Е.Г. Кузьмичев уже после октябрьских событий 1917 г. так излагал сложившуюся в уезде ситуацию: «Видя хотя и бескровный, но такой всеобщий захват их земли, помещики день ото дня становились все трусливее. И, наконец, стали совсем исчезать с горизонта революции».45

Настойчиво подталкивали деревню к радикальным действиям большевики. В.И. Ленин в конце июля 1917 г. предрекал: «переход земли к крестьянам невозможен теперь без вооруженного восстания».46 А чуть раньше, в январе этого же года, рассуждая об одной из коренных причин поражения революции в 1905-ом, вождь констатировал: крестьяне тогда «сожгли до 2 тысяч усадеб и распределили между собой жизненные средства... К сожалению, крестьяне уничтожали тогда только пятнадцатую долю общего количества дворянских усадеб, только пятнадцатую часть того, что должны были уничтожить ...».47 Выводы напрашивались сами собой. Погромы и грабежи барских имений приобретали в октябре 1917 года широкий размах. Воинские команды, направляемые из губернских и уездных центров для пресечения беспорядков, действовали неуверенно, а иногда принимали сторону крестьян. Это порождало вседозволенность и еще более развращало деревню. Наряду с разграблением помещичьих усадеб наблюдались повсеместные погромы хуторских хозяйств, расхищение скота, инвентаря, хлебных запасов. Эти акции еще более разжигали рознь в деревне и прямо препятствовали общекрестьянской борьбе за земельную реформу, порождали на местах сумятицу, анархичность действий, тормозили выработку демократических законодательных актов о земле. Помимо прочего, разгромы хуторских и отрубных хозяйств наносили удар по зарождавшемуся, но еще не окрепшему фермерству - новому институту деревни.

Все эти негативные процессы усугублялись тем, что нередко местные крестьянские Советы под нажимом люмпенской части деревни старались узаконить подобные погромные действия. Большевики в этой ситуации, не имея притягательной для крестьян программы по земельному вопросу, все чаще прибегали к декларативно-демагогическому лозунгу — «Вся земля крестьянам» и находили отклик.

Беспредел нарастал.

Перспективный, демократический путь развития экономики российской деревни оказался прерванным не только из-за бездеятельности и нерешительности Временного правительства, но и под напором большевиков и других левых партий, видевших в крестьянах-собственниках серьезную преграду для реализации своих утопических идей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. 1917 г. в деревне (воспоминания крестьян). М., 1967. С. 187.

2. Там же. С. 87.

3. 1917 г. в деревне. Указ. соч. М., 1967. С. 154.

4. Там же. С. 35.

5. Там же. С. 221.

6. Феноменов М.Я. Современная деревня. Опыт краеведческого обследования одной деревни (д. Гадыши Валдайского уезда Новгородской губ.). Л. М., 1925. С. 37.

7. 1917 год в деревне. Указ. соч. С. 154.

8. Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М, 1997. С.106.

9. Там же. С. 106.

10. Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской вой-не. М., 2001. С. 15.

11. Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации. Том первый. Часть 1 (март — октябрь 1917 г.). М., 1929. С. 132.

12. См. В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т.32. С. 165, 174, 180.

13. Там же. С. 188.

14. Булдаков В. Указ. соч. С. 106.

15. Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации. Указ. соч. С. 134.

16. Там же. С. 122.

17. Там же. С. 129.

18. Злоказов Г.И. Материалы 1 Всероссийского съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов.// Отечественная история. № 6. 1993. С. 145-146.

19. 1917 год в деревне. Указ. соч. С. 148.

20. Там же. С. 86.

21. Там же. С. 147.

22. Академик Минц И.И. История Великого октября. Т. 2. Свержение временного правительства. Установление диктатуры пролетариата. М., 1968. С. 504.

23. Судьбы российского крестьянства. Под редакцией академика Ю.Н. Афанасьева. М., 1996. С. 465.

24. Осипова Т.В. Указ. соч. С. 19.

25. Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации. Том первый. Часть II. (март — октябрь 1917 г.). М., 1929. С. 150.

26. Там же. С. 167-168.

27. Там же. С. 157.

28. Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. Указ. соч. С. 34.

29.1917 год в деревне. Указ. соч. С. 65.

30. Там же. С. 31.

31. Там же. С. 223-224.

32. Советы крестьянских депутатов. Указ. соч. Т.1. Ч.1. С. 109.

33.1917 год в деревне. Указ. соч. С. 168, 158, 170.

34.Там же. С. 104.

35. Академик Минц И.И. История Великого октября. Указ. соч. Т. 2. С. 839.

36. Першин П. Н. Очерки земельной политики русской революции.М., 1918. С.95.

37. Там же. С. 94.

38. Осипова Т.В. Указ. соч. С. 52.

39. 1917 год в деревне. Указ. соч. С. 105

40. Там же. С. 67. 41. Там же. С. 59.

42. Там же. С. 228.

43. Учёные записки МОПИ им. Н. К. Крупской. Т. СХVIII. 1962. ?. 83.

44. Борьба Московской большевистской организации за крестьянские массы в 1917 г. М, 1957. С. 82-84. 45. 1917 год в деревне. Указ. соч. С. 155.

46. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 5.

47. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 322.

III. ПОД ГИПНОЗОМ УТОПИИ

Большинство крестьянства, замороженного популистскими лозунгами большевиков: «Мир — народам!», «Земля — крестьянам!», несомненно, поддержало октябрьский переворот 1917 года. Еще накануне деревня открыто преступила черту закона: начался захват земли собственников, растаскивание инвентаря и скота. По свидетельству очевидцев, уже тогда «заполыхали, как свечи, помещичьи усадьбы».1 Новая власть на Втором Всероссийском съезде Советов фактически узаконила, юридически оправдала эти самовольные захваты частнособственнического имущества и поощряла подобные акции на будущее. Ободренные крестьяне уже с головой окунулись в дележку барской земли и добра.

Фактически большевики отбросили свою малопривлекательную для крестьянства аграрную программу и начали реализовывать эсеровскую, в основе которой лежал раздел помещичьей земли по уравнильно-трудовой норме. Однако Ленин не просто позаимствовал эсеровскую программу, он взял ее лишь «напрокат», на время, чтобы угодить крестьянам, в расчете при удобном случае вновь вернуться к коммунистической идее решения аграрной проблемы. Кстати, Ленин этого и не скрывал. «Здесь раздаются голоса, — заметил вождь на втором съезде Советов, — что сам декрет и наказ составлен социалистами-революционерами. Пусть так. Не все ли равно, кем он составлен, но, как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были несогласны». И тут же недвусмысленно намекнул: «в огне жизни... крестьяне сами поймут, где правда»,2 понимая, конечно, под правдой только коммунизацию аграрной сферы.

Известно, что Ленин еще в 1905 году призывал большевиков поддерживать крестьянское движение и всячески помогать ему, но лишь до конфискации помещичьих земель. Что касается вопроса — кому и как отдать землю — тоже не делал секрета: «мы не обещали никакой гармонии, никакой уравнильности, никакой «социализации»... напротив, мы обещали новую борьбу». А по сути — обещали национализацию земли без «всяких мелкобуржуазных пережитков».3 Это вылилось в четкую и ясную ленинскую формулу: «Мы сначала поддерживаем до конца, всеми мерами, до конфискации, — крестьянина вообще против помещика, а потом (и даже не потом, а в то же самое время) мы поддерживаем пролетариат против крестьянства вообще».4

Этих принципов Ленин и его единомышленники придерживались захватив власть, и

лишь в конъюнктурных целях, опасаясь потерять поддержку крестьян, ухватились за эсеровскую программу «социализации». Крестьянам, естественно, трудно было сразу разобраться во всех тонкостях большевистской тактики по земельному вопросу. Увлеченная заманчивыми лозунгами и обещаниями сразу же получить землю, деревня поддержала новую власть и с еще большим энтузиазмом ринулась на захват помещичьей собственности.

Прозрение пришло позже, когда разгорелся пожар братоубийственной гражданской войны; установилась военно-коммунистическая диктатура с продотрядами и продразверсткой, и когда не только земля, но и плоды ее превратились в государственную собственность. Но это было позже. А пока новый режим, еще недостаточно отвердевший, не особенно вмешивался в развернувшийся передел барской собственности; ограничивался лишь общими инструктивными указаниями или отправкой на места своих эмиссаров.

В этой до предела взвинченной и наряженной обстановке, выстраданная крестьянами идея — справедливого раздела земли — нередко отступала на задний план. А необузданная деревенская стихия, лишившись всяких тормозов, торопливо удовлетворяла свои сиюминутные эгоистические желания и низменные страсти.

Характерно, что крестьяне в первую очередь бросились даже не землю помещичью делить, а кинулись грабить господское добро. Верховодили чаще всего вооруженные солдаты-фронтовики. Об этом свидетельствуют сами участники погромных акций. Крестьянин Я. Наумченков из Жиздринского уезда Калужской губернии писал позже: «Целыми деревнями и даже по несколько деревень народ двинулся к помещичьим усадьбам с подводами, и верхами, и пешком, вооруженные кто чем мог; тут были трехлинейные винтовки, и старые берданы и наганы, и гражданские револьверы, и бомбы, и дробовики и т. д. — вплоть до дубины... Некоторые помещики обратились с просьбой — только не убивать их. Вот где и пошла, как говорится, метелица. Все имущество: инвентарь, скот, упряжь — живо было разобрано в имениях крестьянами...»⁵ «Как только дошел слух до наших глухих уголков, что Керенский свергнут, — вспомнила крестьянка К. Шмарова из Макаровской волости Новохоперского уезда Воронежской губернии, — вечером это было услышано, а утром из ближайших деревень потянулись крестьяне с флагами «поздравить» помещика, — его и следа не было в усадьбе. Тут крестьяне приступили к барскому добру. Кто что сумел, тот то и брал. Забрали лошадей, плуги, косилки и т. д., добрались до крыш, постянули железо с сараев, поувозили из стогов сено».⁶

Именно на послеоктябрьский период приходится, по данным В. Булдакова, «основная масса погромных антипомещичьих действий крестьян».7 Сдерживающие деревню факторы значительно ослабели. Исчез страх перед помещиками, да и новую власть пока не особенно жаловали. Все это подпитывало безнаказанность и даже разнузданность. Крестьянин Ф. Антипов из деревни Никулино Псковской губернии объяснял: при Керенском часть крестьян еще побаивалось нарушить закон, а когда «наступила Октябрьская революция вот тут то сразу крестьяне почували что-то иное ... начали, ну, проще сказать, сдирать семь шкур с кулаков и помещиков»8 После бегства хозяина имения Львова, — пояснял он, — «приступили к окончательному разгрому: бери, ломай и жги, — все вещи были разобраны, скот был угнан, винокуренный завод, полный спирта, сожжен. Не в одном нашем селе проходила такая чистка».9 Подтверждает неистовый настрой деревни С. Денисов из Дроздовской волости той же губернии: «У нас в деревне об Октябрьской революции узнали очень быстро. Узнали, что свергнуто правительство Керенского и наступила Советская власть, которая дает крестьянину такие права, которые он никогда и во сне не видал... Сразу же крестьяне почувствовали себя вольными людьми и принялись мстить всем тем, кто наносил им раньше обиды... Стали расправляться с ненавистными помещиками, еще не удравшими по каким-либо причинам из своих насиженных гнезд — имений».10

В большинстве крестьянских воспоминаний доминируют захватно-погромные страсти: «захватили амбары с хлебом, инвентарь, запасы, домашнее имущество», «изломали все усадьбы, переделали хлеб и скот и перевезли к себе в село», «относились к церковной земле так же, как и к помещичьей, попов также поджигали», ... «стали появляться случаи убийства помещиков и их прислужников» и т.п.11 Деревня не оставляла в покое и, своих состоятельных односельчан. Крестьянин И. Бугреев из села Улопшань Нерехтского уезда Костромской губернии так живописал эту акцию: увидел мужик, «что еще не все до конца доведено. Кто-то стоит поперек дороги. А мохнатые корявые руки так и чешутся. И расчесались. Добралась до кулачков и богатеньких беднота. Полетели со двора их овцы, быки и телушки, застонали замки у амбаров. «Сторонись, богачи! Беднота гуляй!..» — Сами все реквизировали».11а

Разгул стихии приводил не только к анархическим действиям, самосудам, но и, по словам С. М. Дубровского, «к псевдоуравнительному идиотизму».12 Он исследовал этот процесс по горячим следам и приводит немало примеров бездумной, примитивной уравнилельной дележки имущества. При разгроме одного из имений в Костромской губернии крестьяне убили племенного быка и распределили поровну мясо, в другом месте разделили по частям жнейку, в третьем уравнилельно поделили всю деревенскую школу вплоть до рам и дверей, наконец, в одном имении разобрали барский дом, а кирпичи раздали по едокам, и т. п.

По признанию крестьянина Д. Бондаренко из Погромской волости Воронежской губернии, участвовавшего в таких реквизициях, «имений разгромили очень много, а пользы от них получили очень мало, потому что разгромленное имущество подвергалось всякой порче при неосторожной его переправе, а также бывали случаи, когда одна вещь попадала двум хозяевам, и от нее не было никакой пользы».13 В результате погибали многие художественные ценности из усадеб. К примеру, при разгроме имения графа Уварова в Поречинской волости Можайского уезда Московской губернии утрачена была часть уникальной коллекции из усадебного музея графа.14 Об агрессивнo-погромных действиях крестьян историк И. А. Кириллов еще в 1922 г. писал: «Прекрасные постройки, редкий племенной скот, сельскохозяйственные машины, все было растащено и разве-зено... Приходилось начинать везде сначала, ничего целого в имениях не было». Только по пяти губерниям (Тульской, Курской, Воронежской, Пензенской и Нижегородской), по подсчетам П. И. Першина, в ноябре-декабре 1917 г. было разгромлено и сожжено 218 помещичьих имений.15

Синдром дележки чужого действовал развращающе. Лишь немногие «боялись прикоснуться к помещичьей земле, считая за грех использовать чужое добро, — писал крестьянин А. Зуморин из села Никольского Симбирской губернии, — со временем и они уже не стали бояться греха».16 Мало кто из деревенских жителей предполагал, что и им самим скоро придется стать жертвой произвола. Только наиболее проникательные говорили тогда: «Ужо подождите, дадут вам большевики братство и равенство».17

А пока деревенская масса, охваченная эйфорией безоглядного дележа чужой собственности, не особенно вникала в тонкости аграрной программы ленинцев. Для нее важным была отмена помещичьей собственности на землю и введение уравнительного землепользования в духе эсеровской программы.

Возникает вопрос: почему крестьяне так легко и доверчиво пошли на передачу помещичьей земли не в их личное, а в общинное владение? Десятилетиями вели борьбу с помещиками, жгли их усадьбы в 1905 году, обострили до предела конфликт с ними в 1917-ом, а когда действительно появилась реальная возможность стать собственниками барской земли — не воспользовались ситуацией. И это в условиях, когда миллионы крестьянских дворов — владельцев земли — уже добились внушительных успехов рационального ведения хозяйства.

Почему это прогрессивный процесс не нашел продолжения ни после февраля, ни после октября 1917 года?

«К сожалению, — писал в 1919 г. известный аграрник И. Мозжу-хин, — русское общество не замечало, что происходило в деревне, ка-кие изменения вносило в жизнь землеустройство и выход из общины. Увлеченное политической борьбой, оно совершенно просмотрело, что крестьянство нашло для себя новые формы хозяйственной жизни, перестраивая старый уклад ее сообразно изменившимся историче-ским условиям; не было замечено также и то, что переход к новым формам землевладения принял массовые размеры».18

Принятое в литературе мнение о большой привязанности де-ревенских жителей к архаичным традициям общины с ее защитны-ми функциями от произвола властей и стихийных бедствий, лишь частично, на наш взгляд, объясняет довольно инертное отношение деревни к частному владению землей. Совершенно игнорируется психолого-идеологический аспект.

Представляется, что важнейшим дезориентирующим крестьян-ство фактором являлась позиция партии социалистов-революционеров по аграрному вопросу. Большевистскую идею на-ционализации земли сельские жители, как известно, отвергли. А вот эсеровская «социализация» заинтересовала их, была им близка по общинной психологии. Пользуясь большой популярностью в сель-ской среде, эсеры не только упорно вдалбливали в сознание крестьян мысль о справедливом уравнильно-трудовом землепользова-нии, но и рисовали радужные перспективы благоденствия общины за счет конфискации барской запашки, скота и инвентаря. Сеяли иллюзии, что взятые деревенским миром помещичьи угодья будут по праву принадлежать и каждому общиннику. Традиционно община была собственником земли и доводы эсеров казались вполне ра-зумными. Поэтому даже их партийные установки о ликвидации ча-стной собственности на землю воспринимались деревней вполне спокойно. Крестьяне, думается, как-то довольно наивно полагали, что эсеровские требования о ликвидации частной собственности на землю относятся исключительно к помещичьим владениям и со-вершенно не касаются их наделных земель в рамках общины-собственницы. Этому способствовала и эсеровская пропаганда: «земли рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуются». Община же, по мысли сельских жителей, округлив владения за счет помещичьих угодий, увеличит таким путем и наделы всех своих членов.

Все это порождало, на наш взгляд, легкоеверие деревенских жи-телей к своим «благодетелям». Им не просто было разобраться во всех хитросплетениях земельной программы эсеров. А те, еще в 1908 году, на своем лондонском съезде не только осудили частную собст-венность на землю и идеализировали общину, но и решительно

вы-ступили против любых «индивидуалистических тяготений крестьян», способных помешать социализации аграрной сферы.¹⁹ Один из лидеров социалистов-революционеров В. Чернов тогда же писал: «для социалиста в деревне нет ничего опаснее, как насаждение частной собственности, приучение мужика к мысли о праве торговать, барышничать землей... поэтому партия эсеров, как социалистическая, должна увеличивать крестьянское землепользование на основе не личной, а социализированной собственности».²⁰ Как видно, на первом плане у эсеров были не интересы тружеников крестьян, а «чистота» их социалистических помыслов. А деревенская община виделась им как реальная база для своих утопических опытов.

Профессор Ил. Чернышев, полемизируя с идеологами подобных сентенций, еще в 1912 г. назвал деревенскую общину «земельным коммунизмом, взлелеянным крепостным правом» и упорно поддерживаемым народниками «как зародышевую ячейку будущего коллективизма». Проповедники левых течений, — по мнению Ил. Чернышева, — сознательно игнорировали настоятельные требования передовых элементов деревни впредь «пользоваться землею под-ворно, вечно», препятствовали тому, чтобы «сельское хозяйство приняло новый оборот к своему преуспеянию».²¹

Летом и осенью 1917 г. у российских крестьян имелся реальный выбор: либо стать обладателем личной земельной собственности и окончательно сбросить оковы опостылевшей многим общины, либо поддаться утопии эсеровской социализации земли, обещавшей благоденствие и процветание деревенскому миру за счет немедленного поглощения общиной долгожданной, а теперь вполне реальной, земельной и прочей собственности помещиков и хуторян. Верх взяла вторая альтернатива, очень простая и заманчивая, как тогда казалось большинству крестьян — одним махом покончить с ненавистными помещиками и всем деревенским миром завладеть их собственностью.

Большевики в октябре 1917г. лишь умело перехватили эсеровскую земельную программу, временно отбросив свою — о национализации — и легко обеспечили себе успех. Деревня только позже осознала, что стала заложницей утопических эсеровских теорий, потеряла ценностные ориентиры по земельному вопросу и упустила уникальную возможность стать, по примеру французских крестьян конца XVIII века, собственниками земли, а не землепользователями.

А пока деревенское общество, увлеченное октябрьским революционным вихрем 1917 года, безоглядно упивалось данной большевиками свободой: захватывало и делило помещичью землю и имущество.

Конечно, новую власть настораживали все более разрастающиеся анархические акции в деревне, и она пытается как-то остановить стихию погромов; но действовала довольно осторожно. Ленин, отвечая на запрос председателя Острогожского Совета Воронежской губернии П. Крюкова, как поступить с ценностями разграбленных крестьянами имений, телеграфирует ему в декабре 1917 г.: «Составить точную опись ценностей, сберечь их в сохранном месте, вы отвечаете за сохранность. Имения — достояние народа. За грабеж привлекайте к суду. Сообщайте приговоры суда нам».22 Каким-то чрезвычайным мерам не зовет. Все законно и корректно. Губернские власти, в свою очередь, в циркулях предписывают привлечь «виновных в расхищении к строжайшему революционному суду», «объявляют врагами революции», требуют «все имения уже разорбанные немедленно восстановить, весь инвентарь (как живой, так и мертвый) немедленно возвратит в усадьбы» и т.п.23 Но действуют вяло, власть еще не отвердела. Угрозы чаще всего не реализуются. Направленные в провинцию из Петрограда, Кронштадта пока еще немногочисленные группы матросов, рабочих, красноармейцев ограничиваются, главным образом, агитационно-пропагандистскими акциями, помогают делить помещичью землю. Прямой конфронтации с деревенским миром стараются избегать, на карательные меры более не идут, ибо совсем недавно призывали прямо к противоположному. Да и большинство деревни относится к новой власти лояльно, объективно способствуя ее укреплению; не жалеет прошлого, за малым исключением, и верит, что господство помещиков кануло в вечность. А большевистское правительство тем временем неустанно дает деревне все новые авансы. «Товарищи крестьяне, говорилось в обращении СНК, подписанном В. И. Лениным в декабре 1917 г., — преступное правительство Керенского, действовавшего в интересах промышленников и помещиков, ничего не сделало для того, чтобы дать трудовому крестьянству орудия производства... Забирая обманным путем хлеб у крестьян... низвергнутое правительство не заботилось о том, чтобы дать крестьянам плуги, бороны, косы, серпы, уборочные машины, молотилки, сеялки, веялки и другие машины и орудия, без которых немисливо никакое сельское хозяйство». Ленин от имени Совнаркома обещал всяческую помощь деревне и заверял, что «для производства сельхозмаши и орудий будут пущены в ход 700 заводов»; что к «началу весенних сельскохозяйственных работ крестьянство будет иметь не-обходимые машины и орудия».24

Убаюканные сладкими обещаниями и заверениями, крестьяне даже и не заметили, как из владельцев надельной земли превратились в землепользователей. Как справедливо заметил А. В. Гордон, «крестьяне, в известной мере, стали жертвой собственного порыва. Воплотивший стремление к воссозданию всеобщей справедливости вместе с классовой ненавистью «шквал общинного права» смел помещичье землевладение, и он же позволил новой власти упразднить институт частной собственности на землю, а затем и крестьянское хозяйствование на земле. Определившийся после 1861 г. естественный ход аграрной эволюции оказался прерванным».25

«Черный передел» 1917 — 1918 годов дал крестьянам не такую уж и значительную прибавку: в среднем на едока по Европейской России земельный надел увеличился с 1, 87 до 2, 26 десятин, т.е. всего на 0, 39 десятины.²⁶ Но деревня как-то сразу успокоилась, 20 тысяч помещичьих хозяйств было разорено, их владельцы в большинстве своем исчезли, страсти «захватные» улеглись.²⁷ Казалось наступило время свободного хозяйствования на земле...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Алтаев А. Как крестьяне отбирали землю. М., 1920 С. 3
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 27.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т 11. С. 222.
4. Там же. С. 221, 222.
5. 1917 год в деревне (воспоминания крестьян). М, 1967. С. 150.
6. Там же. С. 67.

7. Булдаков В.П. Красная смута. Указ. соч. С. 160.

8. 1917 год в деревне. Указ. соч. С. 184.

9. Там же. С. 184-185.

10. Там же. С. 182

11. Там же. С. 226, 227, 181,65.

11а Там же. С. 176.

12. Дубровский С. М. Очерки русской революции. Вып. 1. М., 1922. С. 116.

13. 1917 год в деревне... С. 66.

14. Федоров О. В., Ушаков В. К., Федоров В. Н. Можайск. М., 1981. С. 92.

15. Кириллов И. А. Очерки землеустройства за три года революции. Петро-град, 1922. С. 58; Першин П. И. Аграрная революция в России. Аграр-ные преобразования Великой Октябрьской социалистической револю-ции. Кн. И. М, 1966. С. 177-178.

16. 1917 год в деревне... С. 88.

17. Феноменов М. Я. Современная деревня. Опыт краеведческого об-следования одной деревни. Л. М., 1925. С. 37.

18. Вестник Московского областного союза кооперативных объединений №5-6. 1919. С. 8-9.

19. Мария Бок. П. А. Столыпин. Воспоминания об отце. М., 1992. С. 183-184.

20. Чернов В.М. Пролетариат и трудовое крестьянство. М., 1906. С. 47-48.

21. Чернышев Ил. Крестьяне об общине накануне 9 ноября 1906 года, СПб., 1912. С. 5, 18,8.9, 15, 14,34, 16, 22, III, XVI, 18.

22. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 17.

23. Першин П. Н. Аграрная революция в России»... С. 156, 157, 184, 185, 186, 187; Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 892.

24. Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода. М., 1966. С. 64-65.

25. Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX в.в.). М., 1996. С. 68.

26. О земле. Вып. 1. Сборник статей о прошлом и будущем земельно-хуторского строительства. М. 1921. С. 9; В книге «Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.)» М., 1996. — прибавка земельного крестьянского надела в среднем на душу обозначена как 0,6 десятины. (с. 230).

27.Отечественная история. № 3. 1993. С. 105.

IV. ОТ ПРОДОТРЯДОВ К ВСЕОБЩЕЙ ТРУДОВОЙ ПОВИННОСТИ

Крестьянство, поглощенное дележкой помещичьей собственности, пребывало до весны 1918 г. в сравнительно благодушно-удовлетворенном настроении. «Крестьянин середняк и бедняк, — от-мечал С.М. Дубровский, — брал от революции все, что она ему давала, благо, пока что она ничего от него не требовала».1 Деревенское общество жило как бы само по себе, «переваривая» приобретенное. Процветала свободная торговля, треть зерна шла на самогон.

Поддавшись эйфории, особенно с возвращением фронтовиков с германской войны, сельское население широко «гуляло» масленицу, встречало Пасху, отмечало традиционные престольные праздники; готовилось к полевым работам на добытой земле. Каза-лось, все передраги и невзгоды мировой войны, борьба за долго-жданную землю остались позади. Крепла надежда на устроенную жизнь, щедро обещанную новым режимом. Люди простодушно и заворожено верили красивым словам партийных краснобаев о скором земном рае. «Несчастное людское стадо, — размышлял А. Ан-тонов в своем письме в Совнарком, — как легко тебя одурачить са-мой фантастической сказкой! Стоит только поддакивать твоим страстишкам и низменным инстинктам, стоит поднять в тебе за-висть, злобу и месть, польстить твоей хваленой мудрости, которая века держала тебя в рабстве, заставляя своими же руками душить всякий протест, всякий проблеск свободы, достаточно поманить ки-сельными берегами и молочными реками, и ты пойдешь, страдая и погибая от лишений и невзгод, за любым фантазером-крикуном, за любым проходимцем вновь, душа всякий протест и подготавливая се-бе новое, может быть более тяжелое, ярмо раба».2

Отрезвление для деревни наступило довольно скоро. Одной из сложнейших проблем, с которой большевики столкнулись после захвата власти в октябре 1917 года, была продовольственная. Разрушив и разогнав прежний профессионально действовавший продо-вольственно-заготовительный аппарат, они не сумели найти ему адекватной замены. Предположение, что крестьяне, поправив свои земельные наделы за счет конфискованных помещичьих владений, в знак благодарности новому режиму сами повезут в госзакрома хлеб по символическим твердым ценам, не оправдалось. Деревня проигнорировала хлебную монополию, введенную властью в январе 1918 г. Считала неприемлемыми для себя смехотворно мизерные государственные закупочные цены, назначенные за поставки зерна. Крестьян совершенно не устраивал и введенный в апреле 1918 г. товарообмен с крайне низким обменным эквивалентом промышленных товаров на сельскохозяйственные продукты. Для них предпочтительнее оставалась свободная торговля на рынках, базарах, ярмарках, тем более, что сам Ленин еще в мае 1917 г. на Первом съезде крестьянских депутатов обещал «вольный труд на вольной земле».3

Когда стало совершенно очевидно, что заготовки продо-вольствия срываются, а приемлемый и для деревни и для государства механизм взаимных расчетов по поставкам так и не был найден, центр встал на путь насилия по отношению к держателям хлеба. Деревенская идиллия и сравнительно мягкое, как казалось, правление еще не отвердевшей власти, были неожиданно взорваны в мае 1918 г. грозными декретами о продовольственной диктатуре. Сельский житель и оглянуться не успел, как его союзник — пролетариат, по словам СМ. Дубровского, «далеко зашагал по пути социализма», «началась эпоха крестовых походов пролетариата за хлебом».4 Настало время, по мнению Е. Преображенского, «взять крестьянина за жабры».5

Центр, покончив с помещиком при полной поддержке деревни, теперь нанес удар и по самому крестьянству, с которым только что заигрывал. «Красный Октябрь» пришел и в деревню. И в этом не было ничего неожиданного. Большевики направленно реализовали свою политику по отношению к крестьянству. В апреле 1918 года В.И. Ленин разъяснял: «Да мелкие хозяйчики, мелкие собственники готовы нам, пролетариям, помочь скинуть помещиков и капиталистов. Но дальше пути у нас разные... И тут нам с этими собственниками, с этими хозяйчиками придется вести самую решительную, беспощадную борьбу»6 Председатель ВЦИК Я.М. Свердлов был еще более категоричен: «Если мы в городах можем сказать, что революционная Советская власть в достаточной степени сильна, чтобы противостоять всяким нападениям со стороны буржуазии, то относительно деревни этого сказать ни в коем случае нельзя. Поэтому мы должны самым серьезным образом поставить перед собой вопрос о расслоении в деревне, вопрос о создании в деревне двух противоположных враждебных сил, поставить перед собой задачу противопоставления в деревне беднейших слоев населения кулацким элементам. Только в том случае, — подчеркнул он, — если мы

сможем расколоть деревню на два непримиримых враждебных лагеря, если мы сможем разжечь там ту же гражданскую войну, которая шла не так давно в городах, если нам удастся восстановить деревенскую бедноту против деревенской буржуазии, только в том случае мы сможем сказать, что мы и по отношению к деревне сделаем то, что смогли сделать для городов».7

В мае 1918 года удар по деревне был нанесен — введены чрезвычайные меры. Ленин призывает провести «террористическую борьбу и войну против крестьянской и иной буржуазии, удерживающей излишки хлеба».8

Декрет о продовольственной диктатуре объявляет всех владельцев хлеба, имеющих излишки и не вывозящих их на ссыпные пункты, «врагами народа». Им грозит тюремное заключение не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества.9 В деревню для реквизиции направляются продовольственные отряды. На местах создаются комитеты деревенской бедноты, обязанные за премиальный, даровой хлеб помогать продотрядовцам грабить своих же односельчан. По словам Ленина, это был превосходный план «массового движения с пулеметами за хлебом».10 А главный комиссар и руководитель продармии Г. М. Зусманович предлагал усилить ее артиллерийской бригадой и кавалерийскими частями, предназначенными решать «не только специально продовольственную, сколько уже политическую цель — использование продовольственных отрядов в необходимых случаях для борьбы с контрреволюционными выступлениями на местах и в центре».11

Впрочем, и этого казалось недостаточно. Вождь требовал превратить Военный комиссариат «в военно-продовольственный — т.е. сосредоточить 9/10 работы Военного комиссариата на переделке армии для войны за хлеб и на ведение такой войны». Рекомендовал призвать 19-летних «для систематических военных действий по завоеванию, отвоеванию, сбору и свозу хлеба и топлива».12 Фактически государство объявляло настоящую войну против своих граждан.

Деревня в июне — июле 1918 г. переживает настоящий шок. И в ней начинался социалистический эксперимент. Ее сознательно раскалывают, сея рознь и раздоры, натравливают бедноту на более состоятельных мужиков, обещая ей 20 %-ую хлебную премию из конфискованного. «Час пробил, — призывала Глазовская волостная коммунистическая ячейка Волоколамского уезда Московской губернии. — Мы должны разбить товарищей крестьян на два класса враждебные, как кулаков так и крестьян —

пролетариат. И эти два класса должны бороться не на живот, а на смерть. Эта борьба за-крепляет царство коммунизма и социализма».13 «Коммунистические сельские ячейки и комбеды в 1918 г., — докладывал Яремский уком РКП (б) Ярославской губернии, — в своей работе практически проводили деление деревни, делали Деревенский Октябрь».14

Активным проводником продовольственной диктатуры и «крестового похода» против хлебодержателей был Л.Д. Троцкий, призывавший к «истребительной и беспощадной» борьбе с крестьянством. «Само собой разумеется, — подчеркивал он, — что Советская власть есть организованная война против помещиков, буржуазии и кулаков».15

В деревне началась полоса беззакония и произвола. Крестьянство, возмущенное действиями властей, решительно выступило против продотрядов и насаждения комбедов. «Отклонить открытие в обществе комитета деревенской бедноты, — записали в приговоре собрания граждане Шакарского сельского общества Пензенской губернии, — мы согласны подчиняться только исключительно Советам крестьянских и рабочих депутатов».16 «Считать комбеды излишней организацией»; «не избирать ни волостного, ни сельского комитетов бедноты» — решили крестьяне в другом селе.17 А жители Ново-Акшинского волсовета Пензенской губернии не только отказались создавать комбед, но и осудили его антикрестьянскую суть. «Принимая во внимание, что кулаков и богатеев и вообще эксплуатирующих чужой труд в волости нет, — записали они в постановлении схода, — а есть только трудящиеся граждане, обрабатывающие землю своим трудом, и, следовательно, между ними классовых различий не может быть, раскалывая деревню на два враждебных лагеря — на бедняков и кулаков, тем самым Советская власть разоряет страну, так как этим размножает лодырей, т.е. таких людей, которые вообще ничего не делают и с помощью Советской власти, как, например, организация деревенской бедноты, будут великолепно кормиться со своими за счет тех, кто день и ночь работает, и впоследствии доведут до того, что не будет никто работать».18

Безобразия, чинимые комбедами и продотрядами, консолидировали большую часть деревенского общества. Оно стало бойкотировать приказы сверху. В Дедиловской волости Тульской губернии сельский сход 20 июля 1918 г. пригрозил сжечь весь хлеб. «Если штыками народные комиссары возьмут крохи, — говорилось в резолюции — то крестьяне, возмущенные насилием, раньше времени уничтожат новый урожай». Сход требовал отмены хлебной монополии и свободного вывоза продуктов в город.19 Из Варнавина Ко-стромской губернии 30 августа 1918 г. телеграфировали: «В связи с реквизицией хлеба в одной из волостей кулаки подняли восстание, высланная рота красноармейцев под напором вооруженной толпы отступила, есть убитые с обеих сторон. Высылаем вооруженные отряды из Галича 150 человек при трех пулеметах. Из

Костромы 50 человек при двух пулеметах».20 Шла настоящая война с деревней.

Восстания становятся обычным явлением. Из губернских от-делов Всероссийской чрезвычайной комиссии за июль 1918 года шла информация в Центр: «В Одоевском у. (Тульской губ.) на поч-ве реквизиции излишков хлеба сильнейшее выступление кулаков. Семь членов Одоевского уездного Совета изранены и избиты, двое, по упорным слухам, живыми зарыты в землю»; «В Рязанском у. в Спас-Клепиках произошло волнение, убито несколько милиционе-ров»; «В Самодуровке Шацкого у. (Тамбовской губ.) при реквизи-ции продовольственных запасов было проведено насилие над отря-дом красноармейцев, причем инструктор продовольственного отря-да был арестован крестьянами»; «В двух волостях (Архангельской губ.) произошли бунты и были избиты толпой должностные лица, прогнан революционный отряд»; «Поджежинские Выселки (Туль-ской губ.) восстали против продовольственного отряда, реквизиро-вавшего хлеб. В происходившей перестрелке убит волостной воен-ком Сидов».21

По заявлению Ленина в июле «... кулацкое восстание пробежа-ло по всей России».22 Но вряд ли оправданно все списывать на од-них кулаков. Насилие властей толкало на бунт многих деревенских жителей. К примеру, в деревне Шлыки Оханского уезда Пермской губернии при попытке описи хлебных запасов, как сообщала уезд-ная ЧК, «собралась толпа человек в 700 и убила 8 красноармейцев и советских работников».23 Во Владимирской губернии «все крестья-не с. Высь восстали против ссыпки излишков хлеба и разогнали ко-митет бедноты»; в Вереинской волости Московской губернии «вос-стали четыре волости, восставших около 10 тыс. человек».24 Со-вершенно очевидно, что против реквизиций и комбедов выступали не одни кулаки. По свидетельству одного из партийных функцио-неров комбеды «всюду, положительно везде, оставили уже совсем безрадостные воспоминания в таких их делах, которые иначе, как уголовные, признать нельзя».25 Власти, между тем, не ослабляют давления на деревню и еще более подхлестывают «чрезвычайщи-ну», идут на дальнейшее ужесточение мер. Ленин призывает продработников «быть кнутом» при заготовках хлеба, шлет указания «обобратить и отобратить все излишки у кулаков и богатеев Тульской губернии», «очистить уезд (Елецкий. — В. А.) от излишков дочиста». В Пензу летит телеграмма: «Провести беспощадный массовый тер-рор против кулаков, попов, белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь». Саратовским совработникам дает на-каз взять «в каждой хлебной волости 25 — 30 заложников из богачей, отвечающих жизнью за сбор и ссыпку всех излишков». Уполномо-ченного Наркомпрода в Саратове наставляет: «Временно советую назначать своих начальников и расстреливать заговорщиков и ко-леблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской воло-киты». От нижегородских — требует «действовать всюю: массовые обыски. Расстрелы за хранение оружия» и т.п.26

Впрочем, и расстрелы кажутся уже недостаточной мерой. В телеграмме в Ливенский уезд Орловской губернии вождь, похвалив исполком, военкома Семашко и организацию коммунистов за энергичное подавление восстания, требует не только конфисковать весь хлеб и все имущество у восставших и арестовать заложников из богатей, но и «повесить зачинщиков из кулаков».27 Эта мера, похоже, вполне удовлетворяет руководителя государства, и в очередном послании пензенским коммунистам от 11 августа 1918 г., в связи с восстанием «пяти волостей кулачья», он настаивает не только подавить его беспощадно, но и «дать образец», как в подобных ситуациях поступать впредь: «повесить (непрерменно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц... Сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ видел, трепетал...»28

Однако и эти сверхжестокие меры по устрашению деревни не давали желаемых результатов. Хлеб выколачивали с трудом и в незначительном количестве. Если год назад (с августа 1916 по август 1917 г.) старый продовольственный аппарат заготовил без продотрядов и чрезвычайных комиссаров 320 млн. пудов хлеба, то большевики, применяя всевозможные устрашающие меры вплоть до расстрелов и виселиц, смогли получить к августу 1918 г. лишь 50 млн. пудов хлеба29. И даже в наиболее благоприятном для хлебных заготовок времени года — с августа по ноябрь 1918 г. — взяли в деревне только 35 млн. пудов30. Большую часть продовольствия городское население добывало на «черном рынке».

Убедившись в крахе так называемой «продовольственной диктатуры», встревоженная нарастающим валом крестьянских восстаний, центральная власть, не ослабляя пресса по отношению к деревне, одновременно лихорадочно ищет выход из продовольственного тупика, в котором оказалась. Вскоре последовали жесты, рассчитанные на некоторое успокоение деревни. 17 августа 1918 г. всем губернским совдепам и продкомам направлена за подписями В. И. Ленина и Народного комиссара по продовольствию А. Д. Цюрупы телеграмма «О союзе рабочих и крестьян» с предписанием довести ее содержание до всех уездных, волостных совдепов и продорганов. В телеграмме центр признает, что при организации бедноты очень часто нарушались интересы крестьян среднего достатка. Теперь местным властям строжайше предписывалось «неукоснительно стремиться к объединению деревенской бедноты и среднего крестьянства». Как бы осуждая задним числом известные злоупотребления комбедов, телеграмма наставляет местных работников считать комитеты деревенской бедноты «революционными органами врага крестьянства, против бывших помещиков, кулаков, купцов и попов, а не органами лишь сельских пролетариев против остального крестьянства»31. Сразу же были повышены в три раза закупочные цены на зерно, разрешено «полупурапудничество», фактически полупризнававшее меновую торговлю хлебом частными лицами, а в начале ноября 1918 г. упразднены и ненавистные деревне комбеды.

Одновременно Ленин выдвигает идею о натуральном продо-вольственном налоге, признав тем самым полное банкротство «чрезвычайщины» в продовольственной политике. В «Тезисах по продовольственному вопросу», написанных в августе 1918 г., он предлагает: «...Установить налог натурой, хлебом с богатых крестьян, считая богатыми таких, у которых количество хлеба (включая новый урожай) превышает вдвое и более чем вдвое собствен-ного потребления (считая прокорм семьи, скота, обсеменение). Назвать подходящим и поимущественным налогом и сделать его прогрессивным».32

Это была, несомненно, серьезная попытка отыскать новые пу-ти экономического взаимоотношения государства с мелким земле-дельцем, упорядочить систему продовольственных заготовок и, главное, создать определенные стимулы к увеличению производст-ва сельхозпродуктов. К сожалению, у власти не хватало твердости и последовательности по внедрению новой системы продзаготовок. Сказалось, очевидно, и сопротивление части продработников, уже привыкших к силовым методам решения продовольственной про-блемы и не желавших перестраиваться. Тем более, что реализация натуралога предполагала более лояльное отношение к деревне. Упущено оказалось и время, пока проект декрета утрясался и кор-ректировался.

А тем временем поступление продовольствия по линии Наркомпрода в промышленные районы страны еще более сократилось. «Только реквизиционные отряды, — как сообщалось из Тамбовской губернии, — периодически заставляли крестьян вывозить свои из-лишки на ссыпные пункты»33. Поэтому с августа 1918 г. по январь 1919 г. продорганы заготовили лишь 75 884 560 пудов хлеба, что составляло менее 29% запасов хлеба, имевшегося в производящих губерниях. Особенно незначительная ссыпка наблюдалась в Туль-ской губернии — 11 %, Воронежской — 12 %, в Курской — 17%.34

В этой ситуации власти заколебались относительно целесооб-разности внедрения натуралога. Ленин, выступая в декабре на ра-бочей конференции Пресненского района Москвы, заявил, что «продовольственное положение, которое немного улучшилось было осенью, опять приходит в упадок». Отметив слабость заготовитель-ного аппарата, он призвал добиться перелома в продовольственном деле, как добились его в военном, чтобы «каждый продовольствен-ник смотрел на себя, как на находящегося на своем посту солда-та».35 Видимо, в центре наметился очередной поворот по разреше-нию продовольственной проблемы.

Вскоре, 31 декабря 1918 г., в Москве экстренно созывается Всероссийское

продовольственное совещание. Большинство участников в совещании продкомиссаров было настроено крайне радикально. Им, видимо, претила рутинная, повседневная разъяснительная работа в деревне, поиски компромиссов, взаимоприемлемых решений в деле продовольственных заготовок. Они уже поверили в силу, как универсальный инструмент получения хлеба любой ценой, особенно не задумываясь о пагубных последствиях таких акций. Заместитель наркома по продовольствию Н. П. Брюханов, подводя итоги Всероссийского совещания, заявил о необходимости введения продовольственной разверстки в общегосударственном масштабе на принципах «принудительного, а не договорного отчуждения».36 «Вся наша заготовительная работа, — гласит резолюция совещания, — должна быть построена на обязательной сдаче всех сельскохозяйственных продуктов в распоряжение государства в порядке государственной повинности. Заготовка важнейших продуктов на основе купли — продажи или, так называемого самотека, должна быть исключена... Разверстки должны постепенно охватывать все виды сельскохозяйственных заготовок. Как первоочередная задача, должна быть произведена разверстка основных видов сырья».37 Так была определена еще одна стратегическая линия в продовольственной политике. Декрет о натуральном налоге оказался отброшенным. С крестьянских дворов опять потребовали не часть, а весь излишек сельхозпродукции. Продовольственная разверстка, введенная в январе 1919 года в общегосударственном масштабе, становилась важнейшим элементом политики «военного коммунизма». Она установила единый порядок в заготовительной работе, вводила более жесткую систему для выкачивания из деревни хлеба и других продуктов, определяла точные сроки поставок и резко повышала ответственность сельского общества перед государством.

Продразверстка предусматривала заготовку в 1919 г. 260 млн. пудов хлеба и зернофуража. Это количество развёрстывалось (с учетом посевных площадей и урожайности) по губерниям, уездам, волостям, селениям, а затем и по отдельным дворам. Центр решил на первом этапе взять «все количество хлебов и фуража, необходимого для удовлетворения государственных потребностей», подчеркивалось в декрете.38 В основу разверстки, — писал позже А. Г. Шлихтер, — положены были сметные потребности Республики в хлебе, а не наличие излишков. Само понятие «излишек» становилось условным. Отброшены были и нормы потребления, установленные для крестьянских хозяйств летом 1918 г. (12 пудов зерна и 1 пуд крупы на члена семьи в год, 18 пудов на лошадь, 9 пудов на голову крупного рогатого скота, 3 пуда — на молодой рогатый скот), не говоря уже об обещанных декретом о натуральном налоге 16 пудах на едока в год.39 Государство решило теперь более жестко регулировать потребление продовольствия в крестьянских дворах. Местным продорганам разрешалось при необходимости снижать нормы потребления в деревне до 18 фунтов в месяц на душу населения, а для тех, кто продал излишки спекулянтам — до 12 фунтов.40

Народный комиссар по продовольствию Цюрупа в одном из циркуляров разъяснял: «Крестьяне должны выполнять разверстку, ибо она есть возложенное на них

государственное обязательство, а не их добрая воля».41 Заготовка продуктов на основе купли-продажи или так называемого самотека отменялась. Свободная продажа хлеба объявлялась преступлением. Все количество хлеба и фуража подлежало отчуждению по твердым ценам к 15 июня 1919 года под строгую ответственность «вплоть до конфискации имущества и лишения свободы по приговорам народного суда».42 И хотя в пропагандистских целях по прежнему декларировалась опора на бедноту при реализации разверстки и всячески подчеркивалась забота о ее интересах, на практике — хлеб приходилось брать со всех деревенских жителей. Вводился принцип круговой поруки. В одной из инструкции Наркомпрода «О разверстке нарядов между отдельными домохозяевами» разъяснялось: «Сельский совет должен выбрать наиболее зажиточное население и на них разложить наряд по количеству земли, засева, скота, сельхозинвентаря, сельхозорудий в местности. Если избытки продуктов зажиточной части населения не покроют собой всего наряда, тогда выделяется группа домохозяев, имеющих хозяйство среднего достатка, и между ними развёрстывается остаток наряда. Если все же наряд не будет покрыт излишками первых двух групп, остаток от наряда распределить между беднейшей частью...».43

Начавшаяся на местах в январе — феврале 1919 г. работа по реализации декрета о продразверстке встретила, прежде всего, большие технические трудности. Многие уездные продкомы, как оказалось, фактическими сведениями о наличии в волостях и селах хлеба не располагали. В некоторых волпродкомах, например, Рязанской губернии, судя по отчетам, какая-либо документация по продовольственным заготовкам отсутствовала, все делалось «на память».44 А в Вятской губернии, по сообщению уполномоченного, учет хлеба ранее проводился «наглядно — приблизительно в пользу хозяина хлеба».45

Отсутствие данных о количестве хлеба в большинстве уездов заставило в феврале 1919 г. формировать специальные комиссии по переучету наличного урожая 1918 г. непосредственно в крестьянских дворах. Началась полоса обысков. Выявленный хлеб фиксировался. Каждому домохозяину, как это было в Тамбовской и Рязанской губерниях, определялась норма наряда, назначались сроки вывоза хлеба и отбирались у крестьян подписки о своевременном выполнении задания. Нечто подобное практиковалось и в других губерниях.

Крестьянство, возмущенное обысками и угрозами, раздраженное вторжением в их хозяйство различных учетчиков и ревизоров, ответило яростным сопротивлением. Тогда в ход были пущены реквизиционные отряды, применено насилие, что в свою очередь вызвало новую волну восстаний. В политуправление Реввоенсовета телеграммой от 19 марта 1919 г. сообщалось: «Курской губернии Суджанском, Корочанском, Обоянском уездах наблюдается недовольство населения государственной разверсткой...

Дорогожанской волости Грайворонского уезда произошло восстание среди населения почве государственной разверстки, подстрекатели — приверженцы белогвардейцев, среднего класса и кулачества».46 Председатель Курского губчрезвычайкома Каминский 23 марта по прямому проводу сигнализировал в Центр: «В Михайловской волости Дмит-риевского уезда вспыхнуло восстание на почве реквизиции хлеба... движение охватило ряд деревень и сел, движение перебросилось в Орловскую губернию. Повстанцев около 8 тысяч человек при 1 ты-сячи винтовок и двух пулеметах. Первые отряды, высланные на по-давление, были разоружены».47 В Тульской губернии в селе Осино-вый Куст крестьяне, возмущенные произволом властей, на сходе приняли решение «не допускать реквизиций» и подняли восстание.48 Орловский губкомпартии докладывал в ЦК РКП(б): «Конец марта и первая половина апреля прошли под полосой кулацких вос-станий, охвативших в той или иной степени все почти уезды.49 В информационной сводке ВЧК за 31 марта по Казанской губернии говорилось: «В Спасском уезде вспыхнуло кулацкое восстание под лозунгом: «Долой Советскую власть, хлеба не возить!»50

Выступления крестьян часто сопровождалось зверскими рас-правами с представителями власти. В Варнавинском и Ветлужском уездах Костромской губернии при переучете хлеба и попытках его изъятия был истреблен целиком продотряд из 24 человек.51 В мар-те 1919 года в селе Чаган Астраханской губернии восставшие разо-гнали Совет, арестовали коммунистов, часть расстреляли и трупы побросали под лед.52 Тогда же в марте стало разрастаться восста-ние на средней Волге, получившее название «чапанная война». Взялись за оружие крестьяне трех волостей Елецкого уезда Орлов-ской губернии и перебили несколько продработников и местных коммунистов. Восстание перекинулось в соседний Ефремовский уезд Тульской губернии. Здесь деревенские сходы поддержали елецких мужиков и потребовали убрать реквизиционные отряды, отменить запрет на свободную торговлю, ликвидировать разверст-ку. Лозунг восставших — «За советскую власть против коммуни-стов-грабителей».53 Конечно, в этих выступлениях крестьян не последнюю роль играли наиболее имущие слои деревни, на кото-рых в первую очередь обрушивались удары реквизиционных отря-дов. Однако нередко продотряды и местные власти своим произво-лом провоцировали всплеск возмущения и других слоев крестьян-ства. Уполномоченный Совета Оборонны по чрезвычайной ревизии продовольственных отделов Рязанской, Тульской и Тамбовской гу-берний докладывал в центр в апреле 1919 года о положении в Коз-ловском уезде: «Из имеющих в отделе управления сведений от граждан почти всех волостей выясняется, что лица, входящие в со-став местных советов и местных ячеек, относились к имуществу граждан как к имуществу завоеванных врагов, отбирая все без вся-ких оснований и без выдачи квитанций все нужное и ненужное, со-бирая штрафы без оснований и не выдавая расписок». Уполномо-ченный подчеркивает, что это касается «в огромной своей части се-редняков... местные власти, сельские чины ячеек, комиссары по борьбе с контрреволюцией брали взятки, пили самогон, допускали игру в карты, реквизировали для себя... — вот в настоящее время положение на местах в деревне».54 А один из жителей Борисоглебска, информируя исполком об обстановке в деревне и подчеркивая,

что «крестьяне сейчас недовольны властью совершенно все», с ехидцей спрашивал: «Власть ругает кулаков, но странно, почему же недовольны бедные крестьяне?».55

Введение продразверстки и жестокие меры ее реализации еще более обострили обстановку в деревне. Не случайно во время на-ступления Колчака на Восточном фронте даже в удаленном от ли-нии фронта Липецком уезде «ждали прихода Колчака, придет, мол, посмотрим, может, будет лучше, а будет хуже, тогда прогоним». А в Каменской волости Тульской губернии во время волостного съез-да Советов слышались выкрики: «Долой советскую власть. Да здравствует Колчак!»56 Крайнее недовольство и даже враждебность крестьян к существующему режиму отмечает и городской обыва-тель из Борисоглебска в письме от 2 мая 1919 г. Тамбовскому гу-бисполкому: «Революция тянется почти 2 года (я говорю про Ок-тябрьскую), и что же? — спрашивает он. — Порядок нисколько не улучшается, идет одна бестолковщина, надоело слушать и смотреть на все... Я хотя беспартийный, но мне жаль, если гибнет революция, если свалят власть Советов. Но в то же время я боюсь, что и Совет-ская власть будет мучить народ десятки лет, народ устал и не хочет войны, которая если будет продолжаться, то только по вине комму-ны. Прислушайтесь к народному голосу, и Вы услышите не голос, а стон. Кроме этого, Вы узнаете большую угрозу от этого народа, ко-торый вот-вот сорвется и побьет Вас»57

Первая разверсточная кампания, как видно из приведенных документов, наткнулась на серьезное сопротивление деревни. Уда-лось заготовить всего 107 922 тыс. пудов хлеба, крупы и зернового фуража, что составляло лишь 41,5 % от плана разверстки и покрывало только половину потребностей армии и городов, причем по самой низкой норме. Вторую половину продовольствия горожане вынуждены были добывать «мешочничеством» или на «черном» рынке. Однако менять продовольственную политику, формы и ме-тоды заготовки путем разверстки власти не собирались.

Подготовка к разверсточной кампании 1919-1920 годов велась более тщательно. Тем более, что хлеба по разверстке требовалось теперь собрать 319 415 тыс. пудов, втрое больше, чём в предшест-вовавший операционный год. Кроме того, разверстка распространя-лась на картофель и грубый фураж. Совершенствовался и механизм продразверстки. Особое внимание обращалось на тщательный учет засеянных площадей, урожайность по регионам и отдельным селе-ниям, выявление излишков продуктов по сельским обществам.

В разверсточную кампанию из урожая 1919 г. все более актив-нее внедрялся в практику новый принцип при заготовительных операциях — коллективная ответственность

сельского общества за выполнение разверсточного наряда. Принцип коллективной ответственности — существенный элемент разверстки — определялся следующей формулой: имеешь излишки — сдай их государству. Не имеешь — содействуй сдаче излишков зажиточными домохозяевами, другими односельчанами. В противном случае не получишь и того минимума промтоваров, который предусматривался за сданное продовольствие. Только выполнение всем деревенским обществом положенной части разверстки открывало перед ним возможность получить хотя бы минимум товаров по твердым ценам. Причем, распределяться товары должны были по душам, без учета сданного отдельными дворами зерна.

Одновременно Центр требовал повысить эффективность работы продкомиссаров, отстранять малопригодных и привлекать более твердых людей, внедрять в сознание крестьян, что сдача хлеба не их добрая воля, а обязанность перед государством. Уполномоченный Наркомпрода П. К. Каганович, выступая на собрании коммунистов в Симбирске 29 июля 1919 г., настоял на принятии следующей резолюции: «Поставить продовольственную работу в расчете не на добровольную, а принудительную ссыпку».58

В служебной телеграмме за подписью Ленина и Цурюпы во все губисполкомы от 30 сентября 1919 г. звучат еще более жесткие ноты: «Не ждите самотека, делайте нажим, принуждайте к сдаче систематически, неуклонно употребляйте в дело продармию, в случаях особого упорства, прямого отказа применяйте самые суровые меры; прибегая к последнему, будьте осторожны, осмотрительны, строго учитывайте все обстоятельства, предъявивши угрозу и... решившись действовать, не допускайте колебаний, идете до конца, нанося сокрушительный удар быстро и безошибочно».59 На практике «сокрушительные удары» все чаще падали на маломощные хозяйства.

Хлеб, конечно, в первую очередь брали у зажиточных крестьян. Если разверстка не покрывалась, то в нее включались хозяйства среднего достатка. Если и этого оказывалось недостаточно для выполнения задания, брали и у бедняков. На деревенских сходах, очень часто бурных и продолжительных, после «споров до хрипоты», как вспоминает продработник из Воронежской губернии В. И. Потапов, крестьяне, после уточнений и корректировок, разверстывали задание по дворам — т. е. всем миром решали этот непростой вопрос. Нередко при разверстании по дворам дело доходило до потасовок между односельчанами. Известный исследователь деревни тех лет А. М. Большаков так описывает проведение сходов в Горицкой волости Тверской губернии: «В селениях сход домохозяев определял, кому из домохозяев и сколько надо было платить. Так как все были связаны общей ответственностью, круговой порукой, и никакие скидки с определенного в разверстку не полагались, то сходы были чрезвычайно шумливы, иногда даже кончались дракой; всякому хотелось заплатить

возможно меньше, но тогда сосед должен был платить больше. Учитывали друг друга до тонкости».60

Понятно, в каждом регионе были свои особенности в методах отчуждения продовольствия: от стимулирования промтоварами де-ревень, своевременно и полностью выполнивших разверсточный наряд, до применения силы. В некоторых селах достаточно было появления реквизиционного отряда или простого его передвижения по волости для успешной ссыпки хлеба. В других — приходилось выставлять вооруженные заставы и ночные дозоры на околицах, дорогах, чтобы хлеб не уплыл на сторону; прибегать к реквизициям, арестам укрывателей продовольствия, направлять часть на принудительные работы. А в Симбирской губернии, как сообщалось в Наркомпрод, «без оружия заготовка хлеба была совершенно невозможна».61

Продовольственные заготовки из урожая 1919 года проводились по прежнему жестко, но вместе с тем и более упорядоченно. Стали решительнее пресекаться злоупотребления местных продработников и различных комиссаров. «Всякие произвольные реквизиции, т.е. не опирающиеся на точные указания законов центральной власти, должны беспощадно пресекаться» — требовал VIII съезд партии большевиков, провозгласивший курс на союз с середняком.62 Реквизиционным отрядам приходилось действовать осмотрительнее, стремиться по возможности избегать эксцессов. Да и крестьянство летом, и особенно осенью 1919 года, стало более чутко реагировать на вести с фронтов, где происходили решающие сражения красных и белых. Возмущаясь непомерными поборами, проклиная коммунистов, большая часть деревни все-таки не хотела и возвращения помещиков.

Помимо продразверстки деревня выполняла множество трудовых повинностей. 19 ноября 1919 г. Совет Обороны принял постановление «О натуральной, трудовой и гужевой повинности». В нем четко определялись государственные повинности населения: 1) натуральная дровяная, 2) трудовая повинность по заготовке, погрузке и выгрузке всех видов топлива, 3) гужевая повинность для подвоза топливных, военных, продовольственных и иных государственных грузов к приемным пунктам. Трудовая повинность распространялась на всех граждан от 18 до 50 лет (женщин до 40 лет), а гужевая — на всех, владеющих лошадьми, другим упряжным скотом и перевозочными средствами. Вся работа на местах должна была проводиться губернскими и уездными управлениями исполкомов через волостные и сельские Советы. Трудовая повинность становилась обязательной для всех. Уклонение от нее квалифицировалось как дезертирство.63 Из постановления Совета Обороны видно, что основной трудовой повинностью населения становилась заготовка топлива. На VII Всероссийском съезде Советов было подчеркнуто, что дровяная повинность ляжет главным образом на крестьян.64

Правительственные решения по заготовке дров осуществлялись по принципу разверстки. Постановлением СНК создается Главный Комитет по всеобщей трудовой повинности (Главкомтруд), непосредственно подчиненный Совету Обороны.⁶⁵ Во главе его становится Ф. Э. Дзержинский. Начинают действовать комитеты по трудовой повинности в губерниях и уездах. Для большей оперативности в организации работ создаются волостные комитеты по проведению всеобщей трудовой повинности (Волкомтруды) и Деревенские комиссии из сельского актива (Комиструды).

Главной повинностью крестьян была дровяная. Им предписывалась заготовка дров, доставка их на железнодорожные станции и погрузка в вагоны. Заготовка и транспортировка дров к месту назначения в годы войны была приравнена к военно-оперативным заданиям. Она охватила 22 губернии. Только в первую половину 1920 года на топливно-гужевой повинности было занято 6 млн. человек и 5 млн. подвод.⁶⁶

Много дров требовала столица с ее полутораmillionным населением и промышленными предприятиями. К тому же она являлась крупнейшим железнодорожным узлом страны. Топливная повинность зимой 1919-1920 гг. стала настоящим бичом для подмосковных крестьян. Приходилось обслуживать все девять железнодорожных магистралей, сходящихся в столице, заготавливать и транспортировать дрова и торф к железнодорожным станциям и в Москву. К этой повинности было привлечено почти все взрослое население и 426 тысяч крестьянских подвод. Лишь за первый месяц трудгужповинности в восьми- и тридцативерстной полосе от столицы было заготовлено и доставлено 64 тыс. кубических сажень дров.⁶⁷

Требования становились жесткими. А.Г. Латышев приводит следующий ленинский документ. Вождь, недовольный снижением погрузки дров в вагоны в декабре 1919 года (а на 19 декабря приходится — православный праздник «Николин день»), в письме особо-уполномоченному Совету Обороны по топливу А. Эйдуку требует: мириться с «Николой» глупо, немедленно нужны экстренные меры, чтобы поднять погрузку, чтобы предупредить прогулы на Рождество и Новый год. В тексте письма имеются и такие жесткие слова вождя: «Надо поставить на ноги все чека, чтобы расстреливать не явившихся на работу из-за «Николы».⁶⁸

Постановлением Совета Обороны 29 ноября 1919 г. «О борьбе со снежными заносами на железных дорогах» для крестьян вводится трудовая и гужевая повинность по

расчистке железнодорожных магистралей в 30-ти верстной полосе по обе стороны дороги. Воло-стным исполкомам и сельским Советам вменялось в обязанность проводить разверстки трудовой и гужевой повинности и организо-вывать все работы по расчистке железнодорожных путей на своих участках.⁶⁹ Сотни тысяч крестьян, десятки тысяч подвод были при-влечены на борьбу со снежными заносами. Каждое селение на сво-ем участке под руководством члена Совета, работая круглосуточно, посменно, обеспечивало беспрепятственное движение эшелонов. При выполнении и этой повинности главным рычагом воздействия на сельское население, помимо обычной агитационно-организаторской работы, оставалось административное принужде-ние и репрессии. Приведем лишь один характерный документ Сове-та труда и обороны. «Дзержинскому, — говорилось в нем, — немедленно арестовать несколько членов исполкомов и комбедов в тех ме-стностях, где расчистка снега проводится не вполне удовлетвори-тельно. В тех местностях взять заложников из крестьян с тем, что ес-ли расчистка снега не будет произведена, они будут расстреляны».⁷⁰

Обременительной для деревни была и военно-конская повин-ность при формировании кавалерийских частей Красной Армии. За годы гражданской войны у населения, главным образом, у крестьян, было закуплено, а чаще реквизировано, для армии, 7 992 937 лоша-дей, 66 058 повозок, 37 247 саней, 54935 комплектов упряжи.⁷¹

Но из всех повинностей, которые выполняли крестьяне в годы гражданской войны, особенно тяжелой была трудгужповинность. Она отвлекала сразу и работника и лошадь, да и проводилась почти постоянно. По примерной оценке в среднем на крестьянское хозяй-ство европейской части России за 1920 — 21 гг. пришлось по 40 — 50 дней работы с лошадей и по 30 — 40 дней работы без лошади, а там, где осуществлялись массовые лесозаготовки или перевозки воен-ных и продовольственных грузов, число дней трудовой и гужевой повинности было еще больше. Так, в Северо-Двинской губернии оно возросло до 46,2 дня на пешего работника и до 115,3 дня на конного работника с каждого хозяйства.⁷² Государство жестко ли-митировало даже количество дней отводимых крестьянину для по-левых работ. В частности, инструкцией Главкомтруда и Нарком-труда о гужевой повинности, на нужды сельского хозяйства крестья-янам устанавливалось 75 обязательных дней в год, а остальное вре-мя, в зависимости от местных условий, они могли быть привлечены к выполнению общегосударственных трудовых повинностей.⁷³ В целом по Республике для доставки дров к железнодорожным стан-циям, пристаням, фабрикам и заводам было привлечено до 90% все-го гужевого транспорта.⁷⁴ А в прифронтной полосе для перевозки военных грузов задействовано почти 100% крестьянских подвод.⁷⁵

Многочисленное крестьянство в условиях «военного комму-низма» было, несомненно, главным объектом эксплуатации со сто-роны государства. В критические для

Республики моменты Москва выкачивала материальные и людские ресурсы прежде всего из деревни. Введя продовольственную диктатуру, всеобщую трудовую повинность, Центральная власть сумела обеспечить жизнеспособность городов и армии, добиться известной политической стабильности в тылу, что предопределило и успехи на фронтах. Деревенский житель, проявляя недовольство, бойкотируя наиболее одиозные требования властей, тем не менее, где под нажимом, где под влиянием коммунистической пропаганды, пугавшей приходом белых, смирялся с принудительным изъятием хлеба; судя по статистическим данным, не ослаблял еще хозяйственной энергии и почти не сокращал посевов за исключением регионов, где происходили боевые действия.⁷⁶

Совершенно очевидно, что вспышки неповиновения властям, вооруженные выступления крестьян наблюдались в ряде губерний и в осенние месяцы 1919 года, но они не были столь массовыми как летом 1918 или весной 1919 г. В секретных информационных сводках ВЧК, на фоне негативных сигналов с мест, все чаще появляются более обнадеживающие оценки типа: «Брожение крестьян постепенно прекращается (Казанская губ.); «Настроение крестьян Бузулукского уезда к Советской власти и Красной Армии сочувственное» (Самарская губ.); «В связи с приближением белых настроение населения во всех уездах резко изменилось в пользу Советской власти» (Пензенская губ.); «Масса дезертиров является добровольно» (Симбирская губ.); «На 1 ноября добровольно явилось 8 538 дезертиров» (Московская губ.); «Настроение населения неодинаковое — где урожай был лучше, настроение крестьян замечается тоже лучше... в уездах, которые граничат с Воронежской и Тамбовской губерниями крестьянство находится в каком то ожидании...» (Саратовская губ.) т.д.⁷⁷

Работник Наркомпрода А. Свидерский 19 октября 1919 г. писал в «Правде»: «Судя по имеющимся сведениям, крестьяне везут хлеб на сыпные пункты охотно. При этом почти нигде не приходится прибегать к мерам непосредственного принуждения... Крестьяне усилили подвоз хлеба в момент, когда рабоче-крестьянское правительство переживает острый кризис, когда решается судьба всех завоеваний революции. Контрреволюция поднимает голову — деревня открывает свои закрома, чтобы поддержать силы революции».

Если даже отбросить определенную идеологическую и пропагандистскую заданность статьи в оценке поведения крестьян, все же следует констатировать, что какой-то поворот в политическом сознании сельских жителей происходил. Они все более понимали неизбежность разверстки и многие верили, что тяготы деревни временны. Стоит разгромить белых и жизнь войдет в нормальное русло. При всех трудностях, государству все-таки удалось получить по разверстке из урожая 1919 года 212 млн. 506 тыс. пудов хлеба и заготовить 9,4 млн. куб. саженой дров и других лесоматериалов, что

соответственно в два и два с лишним раза превышало показатели предшествующего хозяйственного года.78

Надежды крестьян на скорое окончание гражданской войны склоняли их к большей лояльности к властям.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дубровский С.М. Очерки русской революции. Второе изд. М, 1923. С. 218.
2. Письма во власть. 1917 — 1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998. С. 147-148.
3. См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 182.
4. Дубровский С. М. Очерки русской революции. 2 изд. МЛ 923. С.218-222.
5. История пролетариата СССР. Сб.8. М., 1931. С.41.
6. В.И. Ленин. Поли. собр. соч. Т. 36. С. 265.
7. Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 4-го созыва. (Стенографический отчёт). М., 1920. С.294.

8. Ленинский сборник. Т. XVIII. М, 1931. С.82.

9. Там же. С. 86.

10. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 86.

11. Стрижков Ю.К. продовольственные отряды в годы гражданской войны и иностранной интервенции. 1917 — 1921 гг. М., 1973. С. 91 — 92.

12. Ленинский сборник. Т. XVIII. Указ. соч. С. 93.

13. Центральный архив общественных движений Москвы (далее ЦАОДМ). Ф.17. Оп.6. Д.296. Л.2.

14. РГАСПИ. Ф.17. Оп.6. Д.296. Л.2.

15. Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001. С. 107.

16. Комитеты бедноты. Сб. материалов. Т.1. М.Л., 1933 Док. 93. С.121.

17. Там же. Док. 68, 87.

18. Комбеды. М. Т. 1. 1928. С. 122.

19. Государственный архив Тульской области. Ф. Р-31. Оп. 1. Д. 79. Л.1.

20. РГАСПИ. Ф.5. Оп. 1. Д. 2725. Л. 57.

21. Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. Документы и ма-териалы. Т. 1. 1918 — 1922. Под редакцией А. Береловича (Франция), В. Данилова (Россия). М., 1998. С.71, 72, 73, 75.

22. См. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.37. С. 143.

23. Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД... С 80.

24. Там же. С.96.

25. Павлюченков С.А. Военный коммунизм: власть и массы. М., 1997 С.71.

26. Ленинский сборник. Т. XVIII. С. 116; Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 50. С. 137, 143 — 144, 142. Латышев А.Г. Рассекреченный Ленин. М, 1996. С. 27.

27. Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 50. С. 160.

28. Волкогонов Дмитрий. Ленин. Политический портрет Книга 1. М, 1994. С. 129-130.

29. Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов М.1961. С.70.

30. Ленинский сборник. XVIII. С. 158.

31. Ленинский сборник. XVIII. С. 144.

32. Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 37. С. 32.

33. Государственный архив Тамбовской области. Ф. 1236. Оп.1. Д.460. Л.6.

34. Народное хозяйство. 1919. № 7. С. 94.

35. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 382, 383.

36. Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 1943. Оп.1.
Д.29.Л.176.

37. Три года борьбы с голодом. Краткий отчет о деятельности Народного комиссариата по продовольствию за 1919—1920 гг. М., 1920. С. 15.

38. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. № 1. 26 января 1919 г. Ст. 10.

39. С. У.№ 62. 3 августа — 1918 г. Ст. 683.

40. Систематический сборник декретов и распоряжений правительства по

продовольственному делу. Кн. 1. Н.-Новгород. 1919. С. 227.

41. Бюллетень Наркомпрода. № 45. 23 марта 1920 г.

42. Андреев В.М. Под знаменем пролетариата. Трудовое крестьянство в годы гражданской войны. М., 1981. С. 45.

43. Продовольственная политика в свете общего хозяйственного строительства советской власти. Сб. материалов. М.1920. С. 194.

44. Государственный архив Рязанской области (далее ГАРО). Ф. Р. 321. Оп.1. Д. 56. Л. 73.

45. РГАСПИ. Ф.7. Оп. 5. Д. 22. Л. 45.

46. Российский государственный военный архив (далее РГВА). Ф.9. Оп.8. Д.2. Л. 10.

47. Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. Документы и материалы. Т. 1. 1918 — 1922. Под редакцией А. Береловича (Франция), В. Данилова (Россия). М, 1998. С. 125.

48. Исторические записки. Том 97. М, 1976. С. 16.

49. Переписка секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями (апрель-май 1919 г.). Сб. документов. Т.VII. М., 1972. С. 415.

50. Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ- НКВД. Указ. соч. С. 128.

51. Лялина Г. С. Краткий доклад Н. И. Дубенкова гражданам с. Тонкино. Записки отдела рукописи ГБЛ. МЛ966. Вып. 28. С. 279.

52. Красный воин. Орган Реввоенсовета Каспийско-Кавказского фронта.1919. 25 марта.

53. Власть и общественные организации России в первой трети XX сто-летия. М., 1994. С. 197.

54. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919 — 1921 гг. «Антоновщина». Документы и материалы. Тамбов. 1994. С. 26.

55. Там же. С. 27 — 28.

56. Государственный архив Тамбовской области. Ф. 1236. Оп. 65. Д. 44. Л. 154; ПАТО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 51 .С. 40.

57. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии. Указ. соч. С. 28.

58. Андреев В.М. Российское крестьянство: навстречу судьбе. 1917—1921. Коломна. 1999. С. 66.

59. Государственный архив Тамбовской области. Ф. 1236. Оп.1. Д.417. Л. 122.

60. Большаков А. М. Деревня в 1917-1925. М., 1927. С. 91.

61. Литвин А. Л. Крестьянство Среднего Поволжья в годы гражданской войны. Казань. 1972. С. 111.
62. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. 1917 — 1924. М., 1970. С. 79.
63. С. У. 1919. №57. ст. 543.
64. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 6. Д. 45. Л. 9. 67.
65. Там же. Ф. 130. Оп.4. Д. 203. Л. 227.
66. История советского крестьянства. Т. 1. М., 1986. С. 128, 129.
67. Аникст А. Организация рабочей силы в 1920 году. М. 1921. С. 59; Очерки Московской организации КПСС. М., 1966, С. 348.
68. Латышев А.Г. Рассекреченный Ленин. М., 1996. С. 156.
69. Декреты Советской власти. Т. VI. М., 1973. С. 324, 325.
70. В. И. Ленин и ВЧК. Сб. док. (1917—1922). М., 1975. С. 151 — 152.
71. Война и революция. М., 1925. С. 116, 177.

72. Октябрь и советское крестьянство. М., 1977. С. 172.

73. Крестьянство и трудовая повинность. М., 1920. С. 6 — 7.

74. История советского крестьянства. Т. 1. М., 1986. С. 128.

75. РГВА. Ф. 9. Оп.6. Д.4. Л.21.

76. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 23. Д.8; Л. 241; Труды сельскохозяйственной сек-ции института экономических исследований Народного комиссариата финансов. Ч. 1. Петроград. 1921. С. 5.

77. Советская деревня глазами ВЧК ОГПУ — НКВД... Указ. соч. С. 215, 213,206,209.218.220,226.

78. Четыре года продовольственной работы. Статьи и отчетные материа-лы. М., 1922. С. 18; Народное хозяйство. № 8. М, 1922. С. 53.

V. ДЕРЕВЕНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ

Деревенский мир, втянутый в водоворот революционных событий и гражданской войны, насмотревшись на «красных», и на «белых», и на «зеленых» постепенно прозревал. Искал свою линию поведения, приемлемую для большинства сельских тружеников и способную уберечь традиционные устои жизни.

В обстановке «военного коммунизма», когда деревня стала главным объектом беспрецедентной выкачки материальных и людских ресурсов, в ней обозначились довольно неожиданные для большевиков социальные и политические процессы, идущие вразрез с их теоретическими построениями о классовой борьбе. Майские и июньские декреты 1918 г. о введении продовольственной диктатуры, создание комбедов, грабительские действия вооруженных продотрядов, нацеленные на раскол деревни, не только повергли ее в шок, но и консолидировали большую часть деревенского общества, вызвали отпор. Начались восстания и бунты. Об этом свидетельствуют многочисленные новые документы. Приведем лишь несколько секретных информационных сообщений с места в ВЧК за июль 1918 года: «В Одоевском уезде (Тульская губерния) крестьянское кулачество Старобельской, Оринской и Покровской волостей напали на отряд Совдепа, посланный для реквизиции хлеба. Отряд вынужден был отступить. Есть жертвы»; «В двух волостях (Архангельской губ.) произошли бунты и были избиты толпой должностные лица, прогнан революционный отряд»; «В Варнавинском уезде (Иваново-Вознесенск, Костромская губерния) на почве учета хлеба контрреволюционные элементы вызвали в волостях вооруженный мятеж трехтысячной толпы, присланная рота, во избежании больших потерь, вынуждена была вернуться; толпа гналась за ней 17 верст; с обеих сторон есть убитые и раненные. В распоряжение Варнавинского революционного штаба отправлены отряды с пулеметами...»¹ Непохоже, что восставали только кулаки.

Деревенский мир особенно возмутило стремление властей искусственно поделить всех сельчан на бедных и богатых. Без четких критериев это только провоцировало произвол. Грань, разделяющая зажиточных от малоимущих настолько была зыбка и размыта, что в разряд мифических кулаков легко мог попасть не только середняк, но и бедняк, «уличный», скажем, в торговле своими продуктами. Пропагандистские ярлыки типа «кулак», «богачей», «хозяйчик», «собственник», «спекулянт» и т.п. власти могли довольно просто навесить на всех, кто проявлял строптивость, что и подтверждалось на практике. Протест деревни был повсеместным: когда, к примеру, на Княжевском волостном сходе Астраханской губернии приезжий комиссар поставил вопрос «О разделении населения на категории», собравшиеся в ответ постановили: «все население

относится к од-ной категории за неимением кулаков и буржуазии», а в Линейном той же губернии сельский Совет заявил: «в селе нет ни одного бур-жуя и середняка, а только пролетарии».2 Точно так же поступил сход всех сельских обществ и комитетов бедноты Чепуговской во-лости (в селе Чепуги) Казанской губернии. При обсуждении спу-щенного сверху указания «о сборе контрибуции с кулаков», он 5 ноября 1918 года постановил: «отказаться за неимением кулаков в волости». Еще резче высказались жители Ново-Акшинской во-лости Пензенской губернии: «Принимая во внимание, что кулаков и богатеев в волости нет, а есть только трудящиеся граждане, об-рабатывающие землю своим трудом, и, следовательно, между ними классовых различий не может быть, раскалывая деревню на два враждебных лагеря — на бедняков и кулаков, тем самым Советская власть разоряет страну, так как этим размножает лодырей».3

Ленин, по обыкновению, любое крестьянское выступление клеймил как кулацкое. Но вряд ли оправданно все списывать на ку-лаков или белогвардейцев. Насилие властей толкало на бунт многих деревенских жителей. К примеру, в деревне Шлыки Оханского уез-да Пермской губернии при попытке описи хлебных запасов, как со-общала уездная ЧК, «собралась толпа человек в 700 и убила 8 крас-ноармейцев и советских работников».4 Во Владимирской губернии «все крестьяне с. Высь восстали против ссыпки излишков хлеба и разогнали комитет бедноты»; в Вереysкой волости Московской гу-бернии «восстали четыре волости, восставших около 10 тыс. чело-век».5 Совершенно очевидно, что против реквизиции и комбедов выступали не одни кулаки. По свидетельству одного из партийных функционеров, комбеды «всюду, положительно везде, оставили уже совсем безрадостные воспоминания в таких их делах, которые ина-че, как уголовные, признать нельзя».6

Чтобы приглушить недовольство и возмущение деревни, Центр упразднил комбеды в ноябре 1918 года, объявил союз с се-редняком. Однако поборы продолжались и деревня находила ответ-ные шаги. Прежде всего, росла солидарность деревенского общества, отвергающего бесцеремонное вмешательство в его внутреннюю жизнь. Все больше прозревала и деревенская беднота; значительная ее часть, еще недавно помогавшая продотрядам обирать своих же мужиков, быстро смекнула, что отряды с комиссарами приходят и уходят, а все «шишки» и неприязнь деревни падают на них. Более того, малоимущие довольно скоро усвоили, что полная выкачка хле-ба из деревни ударяет и по их интересам — в голодные весенние ме-сяцы не у кого будет перехватить займы, тем более, что с роспус-ком комбедов отменялось и 20-ти процентное хлебное вознагражде-ние за усердие в обысках и реквизициях. Постепенно приходит осоз-нание, что конфронтация со всем деревенским обществом себе же в убыток, а солидарные с ним действия позволят более успешно отби-ваться от нарастающих продовольственных и иных повинностей. В этой ситуации довольно распространенным становится явление, ко-гда беднота начинает помогать более состоятельным односельчанам укрывать на своих подворьях от обысков и реквизиций их хлеб и скот. В.А. Потапенко — бывший продотрядник — писал в своих вос-поминаниях: «При обысках находили мешки с зерном

и у бедняков. Откуда у них брался хлеб? — вопрошал он и пояснял, — они предоставляли свои амбары для хранения кулацкого хлеба. Приходилось реквизировать».7 То же самое наблюдалось в Усманском уезде Тамбовской губернии: «По имеющимся сведениям большая часть крестьянской бедноты была снабжена местными кулаками и держателями излишков хлеба в счет будущего урожая семенами и хлебом». «Кулаки прятали хлеб у бедняков, уверенные, что к последним не придут», — доносили из Владимирской губерний.8 «Беднота, — сообщалось из Череповецкой губернии, — глядит вдобавок на кулака с мыслью: «Авось выручит в черные дни с хлебом».9

Нередко вся деревня заодно выступала в защиту своего односельчанина, не делая разницы между бедным и богатым. По докладу инструктора Наркомпрода Мазурина, изымавшего хлеб в Бобриковской волости Епифанского уезда Тульской губернии, «при отобрании муки и мануфактуры у кулака собралась толпа, чуть ли не всей деревни, и начала сжимать кольцо, пришлось стрелять в воздух, вызывать 15 красноармейцев».10 Как видно, в настроениях крестьян происходили заметные перемены; они уже по-иному реагировали на карательные действия властей, нежели летом 1918 г., когда деревня оказалась фактически расколотой и деморализованной, а обыски и реквизиции проводились, обычно, при испуганно-покорном поведении большинства ее жителей. Возрастающая корпоративность деревни проявлялась в самых различных акциях: в протестах против злоупотреблений начальства, отказе от выполнения завышенных нарядов, уклонении от коммун и артелей, требованиях узаконить собственность на землю, снять заградотряды, разрешить свободную торговлю и пр. Чем жестче действовала власть, тем сплоченнее выступала деревня, защищая бедных и богатых.

Показательна и такая тенденция, вызванная чрезвычайщиной «военного коммунизма»: как ни обрабатывали деревню партийные функционеры, она упорно выбирала в низовые Советы не люмпенов и чужаков, а наиболее хозяйственных и авторитетных мужиков. Происходили изменения и в составе, и в стиле работы, особенно сельских Советов, в свое время переживших идеологическую «чистку» под натиском комбедов, а теперь немного укрепивших свое положение. В них чаще выбираются думающие, грамотные односельчане, хорошо знающие беды деревни и пытающиеся как-то отградить ее от произвола всевозможных чрезвычайных уполномоченных. Правда, сельсоветы и сами могли в любое время попасть под жернова репрессий. Высшие власти не особенно с ними церемонились. Характерен в этом отношении приказ председателя Пензенского губисполкома и губпродкомиссара, переданный телеграфно 6 декабря 1919 г. всем райпродкомам, уполномоченным и волисполкомам о снабжении винзаводов картофелем: «Отобрать подписки от председателей сельсоветов о выполнении в 48 часов разверстки на картофель и отправки его. За неисполнение арестовать и отправить в губтюрьму, исполнение же обязанностей председателя возложить на члена сельсовета, потребовав от него то же самое, и так продолжать до тех пор, пока разверстка не будет выполнена».11 Подобное становилось обычной практикой.

И, тем не менее, многие сельсоветы, в меру своих возможностей, защищали сограждан: занижали наличие продовольствия в крестьянских дворах, оберегали их от непосильных мобилизаций по трудгужповинности, отбивали попытки особенно ретивых комиссаров «брать хлеб под метелку». Известны факты, когда сельские Советы, опираясь на деревенский мир, вообще отказывались давать какие-либо продукты очередным сборщикам. Так, командированный в мае 1919 г. в село Брутово Владимирской губернии уполномоченный Рогозин сразу же столкнулся с «единым фронтом» сельской власти и жителей. На требование дать продукты для отряда председатель сельсовета заявил: «В Брутове больше ничего достать нельзя, так как хлеба нет, коров не доят и куры не несутся». Возмущенный уполномоченный решил потрясти деревню. В четыре часа ночи он созвал собрание и обратился к «беднякам и середнякам» переизбрать Совет. Однако в ответ, как он заметил в отчете, «последовало гробовое молчание». Семь часов подряд Рогозин «перевоспитывал» сельский сход, уговаривая и угрожая, и только к полудню добился замены Совета; начались обыски и реквизиции, причем, спрятанный хлеб находили и у бедняков.¹² В Уфимском уезде, согласно оперативным сводкам ВЧК, замечена была даже «агитация самих сельских председателей с целью отказа выполнить разверстку хлеба».¹³ Так же активно противодействовал деревенский сход во главе с председателем Совета в селе Тарасовке Симбирской губернии. И здесь был применен апробированный метод, — руководитель сельсовета арестован и назначен другой.¹⁴

Заезжие комиссары и продотрядники довольно часто занимались самоуправством, смещали или подвергали арестам «строптивых» председателей и членов Совета, а то и прибегали к физическому воздействию. Крестьяне села Медного Кирсановского уезда Тамбовской губернии жаловались во ВЦИК: «Насилия и расправы проявлялись в самых диких формах. Немало пришлось перенести побоев, как рядовым гражданам, так и членам сельского Совета. Последние в течение нескольких ночей, невзирая на самые лютые морозы, держались под арестом в холодном помещении. Плетки и приклады, гулявшие по спинам граждан, невольно напоминали старое время...»¹⁵ Судя по документам, «плетки и приклады» становились универсальными приемами «воспитания деревни».¹⁶ А аресты председателей и членов сельсоветов — само собой разумеющейся «революционной мерой». Из Симбирской губернии, например, доносили: при отказе некоторых сел выполнять хлебную разверстку «был арестован сельский совет и вопрос ликвидирован».¹⁷ Впрочем, не всегда так легко удавалось «ликвидировать вопрос». Иногда крестьяне брались и за оружие, защищая свою деревенскую власть. Стоило Владимирской губчека арестовать часть непокорного исполкома Барщинского волсовета и отправить его на станцию для доставки в губернский центр, как, по данным оперативной сводки штаба войск ВЧК от 4 июня 1919 г., «толпой крестьян ночью арестованные были освобождены». Не помог и вооруженный отряд.¹⁸ В сходной ситуации при переучете хлеба в Полинковической волости Смоленской губернии в июле 1919 г. и попытке продотрядников арестовать председателя и секретаря Совета «собралась толпа крестьян, которая ареста

произвести не дала». Это удалось осуществить позже только с помощью чекистов.¹⁹

Деревенское общество, восстанавливая защитные функции общины, все чаще выступало едино, получая поддержку бедноты, а порой и низовых Советов. «Бывшие союзники — батраки и беднота, — писал СМ. Дубровский, — те из них, которые уже превратились в самостоятельных хозяев, далеко не с прежним пылом готовы были поддерживать мероприятия советской власти, нарушающие их интересы как собственников». ²⁰ Уполномоченный, побывавший в деревне Своино Лихвинского уезда Калужской губернии, докладывал в ЦК РКП (б): «Я был прямо поражен, когда узнал, что самые бедняки здесь настроены враждебно против советской власти». ²¹

Сплачивало деревню стремление властей любыми путями и агитационно-пропагандистскими мерами, и повседневной практикой внедрить в сознание сельских жителей совершенно абсурдную для их понимания установку, будто все произведенные ими продукты вовсе не принадлежат им, а являются исключительной собственностью государства. Эту идею особенно настойчиво насаждал Ленин. По его мысли разговоры крестьян типа: «Я хлеб произвел, это мой продукт, и я имею право им торговать» ведутся лишь «по привычке, по старинке». «А мы говорим, — разъяснял вождь, — что это государственное преступление. Свободная торговля хлебом... есть возврат к старому капитализму, этого мы не допустим, тут мы будем вести борьбу, во что бы то ни стало». ²² Ленинские разъяснения подхватывались органами власти, партийными функционерами и облекались в форму приказов, распоряжений, инструкций. В Пензенской губернии, к примеру, в инструкции губпродкома всем уполномоченным, командируемым в уезды и волости для проведения «продовольственного двухнедельника», предписывалось: «Разъяснить населению, что произведенный отдельными гражданами хлеб не есть их собственность, а принадлежит он государству, ибо земля, на которой производится хлеб, принадлежит государству, а не ему». ²³ На Астраханском уездном съезде Советов докладчик внушал делегатам: «Нет больше нашей собственности... забудем слово «собственность». ²⁴ А уполномоченный ВЦИК некто Галактионов в докладе в Центр даже возмущался «непонятливостью» крестьянина, что тот до сих пор «никак не может примириться с мыслью, что кто-то иной может распоряжаться «его» хлебом». ²⁵

Подобные «разъяснения», подкрепленные реквизициями, конфискациями и жесткими запретами на свободную торговлю, вызывали возмущение всех слоев деревни, в том числе и бедняков. И это нередко выливалось в восстания с лозунгами: «Долой запрещение свободной торговли!», «Хлеб, мясо коммунисты отбирают для себя, да здравствует базар!» ²⁶

Все более усиливающееся давление на деревню заставляло крестьян менять тактику поведения: хитрить, изворачиваться, ли-цемерить, приспосабливаться к ситуации. «Почти во всех волостях, — резюмировал свои наблюдения в Новгородской губернии особо-уполномоченный ВЦИК Н.И. Подвойский, — после переговоров и объяснений агитаторов крестьяне соглашались с нами и признают, что, действительно, власть Советов — народная власть. Но из вы-слушанных докладов видно, что эти признания совсем не прочны и вряд ли искренни».27 «По резолюции, скажем, в деревне Бегунове настроение населения великолепное..., — констатировал другой уполномоченный, — а глядишь, через неделю в этой деревне вспых-нуло восстание — вот тебе и резолюция».28

Эта новая тактика особенно ярко проявлялась после подавления мятежей в том или ином селении. Крестьяне в этом случае обычно «каjались» и с готовностью принимали любую резолюцию, заранее заготовленную организаторами собрания. Вот несколько ха-рактерных примеров. В деревне Бор Толмачевской волости Бежицкого уезда Тверской губернии, после усмирения восставших, на со-брании с участием 350 человек принимается резолюция: «Мы, гра-ждане деревни Бор, выяснив смысл контрреволюционного выступ-ления против местных волостных властей, заявляем, что мы, боль-шинство, были введены в заблуждение кучкой кулаков. В настоя-щее время, сознавая свои поступки несправедливыми, мы, все гра-ждане нашего селения, считаем, что никакой иной власти не долж-но быть, кроме власти Советов, которая всегда готова защитить уг-нетенное бедное и среднее крестьянство. Восстаний в нашей дерев-не впредь не будет, ибо в этот раз мы были введены в заблуждение. Да здравствует власть Советов! Да здравствует мировая социалис-тическая революция! Да здравствует вождь социалистической рево-люции товарищ Ленин!».29 В это же, примерно, время (март 1919 г.) совершенно в другом конце страны, в селе Каралат Астраханской губ., принимается почти идентичная резолюция, в таком же пропа-гандистском ключе. В начале ее — признание вины за участие в вос-стании и клятва «не производить в будущем никаких мятежей». А в конце обычное славословие в адрес режима: «Да здравствует РСФСР! Шлем проклятья всем восставшим против Советской власти и против товарищей коммунистов — большевиков, которые, мы видим, ведут нас к светлому будущему, к жизни социализма. Хвала и слава защитникам трудящихся масс. Красному флоту (подавлял восстание карательный отряд Волжской военной флотилии. В.А.) и товарищам коммунистам заградительных отрядов, которые гордо и смело пошли на защиту беднейшего класса против восставших ку-лаков и провокаторов».30

А.М. Большаков, большой знаток деревни и очевидец многих событий тех лет, предельно четко раскрыл цену этих «крестьян-ских» резолюций. «Обыкновенно, — пишет он, — их выносят или служащее лицо, или партиец. От крестьянской массы там нет ни слова. Поэтому получается так: в 12 часов примут одну резолюцию, а в 2 часа те же мужики говорят совсем другое, противоположное всем решениям».31

Консолидировали деревню и нарастающие с 1919 года антивоенные настроения. Они охватывали все слои деревенского населения. И проявлялись, прежде всего, в отказе сходов проводить очередные мобилизации, в укрывательстве дезертиров, в поддержке «зеленых», в призывах кончать войну и т.п. Общеизвестны постановления сельских сходов не обучать людей военному делу; или, как это было во Владимирской губернии, сразу несколькими селами «выносились решения не давать красноармейцев».32 В Тотемском уезде Вологодской губернии проводились даже сборы средств в пользу дезертиров, а в Грязовецком уезде в некоторых районах требовали «признания власти зелеными».33 «Зеленые» иногда рассматривались крестьянами как сила, способная избавить их и от красных, и от белых. В Смоленской губернии, например, мобилизованные нередко объединялись с «зелеными», а в местечке Шарковщина на сторону «зеленых» перешли и председатель, и секретарь Совета.34 Схожее наблюдалось и в Череповецкой губернии, где к «зеленым» ушел председатель Сафроновского волостного Совета и член волпродкома.35 Известны факты, когда восстания крестьян, как это было в Юрьев-Польском уезде Владимирской губернии, проходили под лозунгами: «Долой Советы!», «Да здравствует Учредительное собрание!» и «Зеленая армия тыла!» или на тамбовщине — с призывами: «Долой Советы!», «Да здравствует зеленая армия тыла!».36

Антивоенные настроения проявлялись и в других формах. К примеру, в селах и волостях Ленинского уезда Царицынской губернии, как сообщалось в сводке губчека, «Крестьяне в момент объявления мобилизации вдруг прониклись религиозными убеждениями и отказываются являться на мобилизацию, выполнять подводную повинность, отчислять продовольственные продукты по нарядам губпродкома и т.п., объясняя это тем, что все это идет на войну, а способствовать таковой они не намерены.37 Среди населения этих сел распространялись антивоенные воззвания. В одном из них говорилось: «Граждане! Откройте свои глаза на то, что делается. Генералы и комиссары сразили Вас, и Вы бьете своих братьев и детей. Сила в Вас, скажите все громко: «Долой войну, ни один на фронт ни шагу и да здравствует народный мир!»38 В Витебской губернии эсеровские прокламации призывали: «Довольно терпеть, братья-крестьяне. Коммунисты вконец разорят вас и не могут даже защищать Вас от помещиков и капиталистов. Организуйте партизанские отряды и сдавайте им все оружие. Мы должны бросить паразитов — большевиков. Трудящиеся поняли, что большевики предали и разорили их и не хотят поэтому идти сражаться с Деникиным и прочими помещиками, генералами. Вслед за большевиками сгинет тогда и Деникин».39

Особенно сплотила различные слои деревни в противостоянии с властью начавшаяся в феврале 1919г. широкомасштабная кампания по вовлечению крестьян в коммуны и артели. Накануне, в декабре 1918 г., первый Всероссийский съезд земельных отделов и коммун призвал к немедленному созданию земельных коммун и советских

коммунистических хозяйств с общественной обработкой земли, подчеркнув, что в своем развитии они приведут «к единой коммунистической организации всего сельского хозяйства».40 Этот призыв был вскоре узаконен положением ВЦИК от 14 февраля 1919 г. «О социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию». В Положении разъяснялось, что вся земля, «в чьем бы пользовании она не состояла», теперь считается «единым государственным фондом», а существующая практика единоличного земельного пользования считается «преходящим и отживающим».41 Власть, таким образом, твердо заявляла о национализации всей земли и фактически отказывалась от своего знаменитого декрета «О земле», где четко было сказано, что «Вся земля... поступает в общенародный земельный фонд», «Земля рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуется». Да и Ленин заверял: «Пусть сами крестьяне решают все вопросы, пусть сами Устраивают свою жизнь».42

Крестьянство, собственно, и поддержало октябрьский переворот 1917 года в надежде прирастить свои наделы за счет помещичьей земли и получить право свободного землепользования. Однако суровая реальность вскоре убедила многих деревенских жителей, что они не только не стали хозяевами полученной земли, но и лишились права свободно распоряжаться ее плодами; больше того, им все настойчивее внушали мысли о государственной собственности и на землю, и на все, что крестьянин на ней производит. Поэтому стремление власти «на аркане потащить крестьян в коммуну» встретило с их стороны недовольство и сопротивление. Как писал в 1919 году И. Мозжухин: «Крестьянство еще не забыло, вероятно, преданий о том, как около сотни лет тому назад подобные же меры применялись в вольных поселениях при министре Александра I Аракчееве и почти везде в виде общественных обязательных запашек при Николае I. В обоих случаях общественная обработка земли оставила по себе недобрую память, как самое тяжелое насилие над личностью и свободой крестьян».43

Что-то похожее стало насаждаться в 1919 г. Крестьяне к тому же вскоре убедились в безалаберности, бесхозяйственности, царивших в коммунах и совхозах, превращавшихся часто в нахлебников государства. В некоторых из них «придерживались 8-часового рабочего дня даже в страдную пору».44 Руководитель отдела от ЦК РКП (б) по работе в деревне В. Невский в докладе в мае 1920 г. констатировал: «Коллективные хозяйства во многих местах дают только убыток, в среднем они прокармливают себя и только в редких случаях дают заметный излишек».45 Даже Ленин признал, что «опыт этих коллективных хозяйств только показывает пример, как не надо хозяйничать: окрестные крестьяне смеются или злобствуют».46 По мнению вождя, подобные колхозы «в таком плачевном состоянии, что они оправдывают название богаделен».47

Сопrotивляясь насаждению коллективных форм ведения хозяйства, крестьяне все

больше проявляют тягу к закреплению прав на землю. Причем, как отмечает Н.П. Першин, сразу же обнаружи-лось стремление к хуторскому и отрубному способу ведения хозяй-ства, сначала в северных и северо-западных губерниях, а затем и по другим регионам России. В Брянской губернии в 1918 г. «дело до-ходило даже до расселения по хуторам среди лесных массивов... хутор или отруб были в то время заветной мечтой каждого хозяи-на». В Смоленской губернии имелись случаи «полного разверстания целых селений на хуторские и отрубные участки».48 «Витеб-ские, смоленские, тверские, калужские, рязанские и тамбовские крестьяне, по нашим расспросам, — писал в 1919 году Мозжухин, — стремятся к собственности на землю, при этом главным образом в единоличной ее форме».49

В сознании крестьян, думается, происходил поворот, и частно-собственнические установки выдвигались теперь на первый план. Деревенские труженики стремились во что бы то ни стало закре-пить за собой землю и даже шли при этом на разные уловки, не особенно доверяясь новым поворотам судьбы. «В крестьянских сердцах, — с огорчением заметил в 1919 г. член коллегии Комисса-риата земледелия Кураев, — уже догорели революционные огни».50 «Деревенский батрак и бедняк политически умерли для революции, как только превратились в мелких хозяйчиков», — писал С. М. Дуб-ровский в 1923 г.51 Переход помещичьей земли в пользование кре-стьян теперь все более «стимулировал, — как верно подметил О. Ю. Яхшиян — стремление прекратить земельные «отнимы» (общинные переделы) и «определить на душу, занумеровать в пожизненную собственность».52

Деревня все настойчивее требует признания землепользования бессрочным, оставление земли за крестьянским двором, пока он существует, и недопустимости лишения земли иначе как по отказу самих владельцев или в случае прекращения ведения крестьянским двором сельского хозяйства.53 В Смоленской губернии, как сооб-щал губпродотдел землеустройства в 1920 г., «с невероятной быст-ротой производится самовольное развертывание земли на хутора и с такой же быстротой приступается к новому пользованию этими участками и возведению на них построек».54 А.В. Луначарский, по-сетивший Смоленскую губернию во второй половине 1919 г., при-ходит к выводу: «крестьянство губернии нельзя считать прочным союзником пролетариев, оно ненавидит советскую власть за рекви-зиции и войну и особенно настойчиво просит узаконить отношение крестьян к земле. Беспокойство крестьян за непрочность своей зе-мельной собственности особенно мучительно, и требования кресть-ян в этом отношении настойчивы».55 Такое же упорное стремление многих сельских жителей уйти на хутора наблюдалось в Гомельской губернии. «Понятно, — констатирует Гомельский губземотдел, — существование хуторов старого землеустройства показало населению пользу перехода от его традиционной несовершенной системы зем-лепользования к более интенсивным формам хозяйства... Население полагает, что совершенной формой хозяйствования и освобождения его от ужасов общинной чересполосицы является хутор».56

Сходные процессы проходили в Псковской, Тверской, Новгородской, Череповецкой, Московской и др. губерниях. По свидетельству губземотделов «бегство» на хутора «самовольно», «само-чинно», «беспорядочно» усилилось и под влиянием дореволюционного опыта хуторского расселения, и как средство уберечься от коммун и артелей.⁵⁷

Опасаясь обвального характера выделения на хутора, власти в Архангельской, Петроградской и других губерниях вводят запрети-тельные меры по этому поводу. В Костромской губернии, к приме-ру, губземотдел принял в ноябре 1920 г. «решительные меры к при-остановлению массового движения населения к выселению на ху-тора и поселки» и одновременно усилил пропагандистское давле-ние на деревню, обещая многие льготы и привилегии тем, кто вой-дет в коммуны.⁵⁸ Однако и в этой непростой ситуации крестьяне находили различные уловки, чтобы и властям угодить, и свои инте-ресы соблюсти. Как сообщалось из Смоленской губернии, «более опытная часть населения старается обойти существующее узаконе-ние об организации общественных форм землепользования, имея конечной целью тоже образование хуторов. Подавая ходатайство об организации того или иного вида колхозов, имеют ввиду не обще-ственное земледелие, а временно воспользоваться теми благами, которые предоставляются в поощрение коллективов — выбрать и за-хватить лучшую землю, и затем, при удобном случае, разверстать ее на хутора». В результате этих хитроумных комбинаций «в Смо-ленской губернии, — сообщал губземотдел, — из организовавшихся коллективов значительное количество пользуются землей отдель-ными участниками в виде хуторов и отрубов».⁵⁹ Организация по-добных «фиктивных артелей» с целью создания на их базе отдель-ных единоличных хуторских хозяйств успешно практиковалось и во Владимирской, и Гомельской губерниях. Охотно организуя, артели, крестьяне «со временем переделывали их на хутора».⁶⁰ Деревня та-ким маневром избегала общественной обработки земли. Видный партийный работник, член ВЦИК В.И. Невский, сам активно наса-ждавший коммуны и артели, прекрасно понимал мотивы сопротив-ления деревни этим новациям. В докладе в ЦК РКП (б) в сентябре 1920 г. он пояснял, что крестьянин теперь не тот, «что был в 1917 году. Он не только хочет отнять землю у помещика, но уже владеет ею и хочет быть ее единственным хозяином... Не хочет советских хозяйств, он мелкий собственник и противник коммуны».⁶¹

Довольно скептически деревня стала относиться к агитацион-но-пропагандистским акциям. В 1917, 1918 годах агитаторам еще удавалось будоражить сельское население обещаниями близкого рая. Воззвания и революционные призывы напоминали тогда боль-ше шаманские заклинания. Чего стоили хотя бы резолюции мест-ных коммунистических организаций типа: «Мы должны пойти к беднякам и разбудить темноту. Мы должны ободрить спящих, всех слепых заставить прозреть, всех хромых поставить на ноги. Нужно громко им сказать: довольно жить в аду. Уже штурмуются

райские двери. Уже наступает то время, когда наступит рай на земле», (из протокола Клинского уездного съезда РКП (б) Московской губернии); «Пробил час нашей расплаты с нашими кулаками, мародерами, капиталистами и империалистами. Мировая революция уже во всех странах, везде и повсюду образовались Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» (Глазовская волостная организация РКП (б) Московской губернии); «Близок час, когда мы соединимся с мировым пролетариатом и под руководством междуна-родного Совнаркома ринемся в бой с империалистами всего мира» (Из резолюций съезда волостных ячеек РКП (б) Коломенского уезда Московской губернии) и т.п.⁶²

Деревне подобная политическая трескотня уже приелась. Те-перь крестьяне встречали наезжающих агитаторов настороженно, а то и враждебно, тем более, что последние часто являлись вместе с продотрядами. Из Кромского уезда Орловской губ. сообщали: «На митингах ораторы не столько объясняют задачи советской власти, сколько запугивают наганом или красным террором сельских граж-дан, благодаря чего отбивают охоту к выслушиванию ораторов».⁶³ «Теперь страшно посылать агитаторов в деревню, — доносили из Лебедянского уезда, — лишь только потому, что благодаря им быва-ют восстания в деревне».⁶⁴ В Верхосунской волости Вятской губернии, по информации в ЧК, «на митингах не дают высказаться ора-торам и угрожают избить...», а в Юргинской волости той же губернии «на митинге кричали агитатору: «Убирайтесь Вы со своей Со-ветской властью... нам нужна свободная'торговля».⁶⁵ Да и зазывать на митинги сельских жителей становилось все труднее. Приходили или одни женщины со своими жалобами и претензиями, или говор-ливые мужики — спорщики, изводившие докладчиков каверзными вопросами. А чаще, по свидетельству очевидца, «стоило кому-либо заметить, как к околице подходит продотряд, тотчас все разбега-лись по лесам и оврагам, захватывая с собой что было можно». Один из курсантов Университета им. Свердлова, побывавший в Бронницком уезде Московской губернии с пропагандистскими це-лями, писал в отчете: «Крестьяне к митингу стали равнодушны «уговариватели приехали», говорят они, и стараются уклониться».⁶⁶ Корпоративность в деревне и в этом отношении проявлялась со-вершенно определенно; выработался стойкий стереотип неприятия демагогических речей и призывов многочисленных «уговорщиков» и пустозвонов.

Естественно, что и в самом сельском обществе межличност-ные противоречия социально-экономического характера и на быто-вом уровне, не исчезли. Тем более, что они постоянно подпитывались режимом. Однако глубокий внутридеревенский раздор, захле-стнувший деревню в 1918 году, стал постепенно затухать. Кресть-янство, сполна отведавшее и пряник, и кнут, во многом прозрело. Оно, конечно, не хотело возвращения старых порядков, но и реши-тельно сопротивлялось насаждению «царства социализма». Многие сельские жители центральных и особенно северо-западных губерний стремились закрепить землю в собственности, стать подлинны-ми ее хозяевами. Видный партийный функционер В.И. Невский, возглавлявший отдел ЦК РКП (б) по работе

деревни, в мае 1920 го-да в своем докладе констатировал: «Даже середняк, с которым за-игрывает советская власть, одним глазом смотрит на кулака, мечта-ет о том, как бы спекульнуть и сделать так, чтобы земля была бы не государственная, а собственная».67

Деревенский мир в сложных условиях «военного коммунизма» научился отстаивать свои корпоративные интересы и во взаимоотно-ношениях с властью действовал довольно солидарно.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. Документы и мате-риалы. Т. 1. 1918—1922. под редакцией А. Береловича (Франция), В. Данилова (Россия). М., 1998. С.72, 73, 76 — 77.
2. Государственный архив Астраханской области. Ф. 477. Оп.3. Д.57. Л. 12; Красный воин (Астрахань) 14 ноября 1919 г.
3. Голос трудового крестьянства. Орган наркомзема. 1 января 1919 года; Комбеды. М, Т. 1. 1928. С. 122.
4. Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД... С.80.
5. Там же. С.96.
6. Павлюченков С.А. Военный коммунизм: власть и массы. М. 1997. С. 71.

7. Потапенко В.А. Записки продработника. Воронеж. 1973. С.83.

8. Государственный архив Тамбовской области. Ф.1236. Оп.1. Д.76. Л. 112; РГАСПИ. Ф. 17. Оп.65. Д.25. Л.66.

9. Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ-НКВД... С.239.

10. Государственный архив Тульской области, (далее ГАТО). Ф. Р-31. Оп.1. Д.76. Л.28; ЦГАМО. Ф.7135. Оп.1. Д.2. Л.73.

11. Бюллетень Пензенского губпродкома № 6. 14 января 1920 г.

12. РГАСПИ. Ф.17. Оп.65. Д.25. Л.66.

13. Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД... С.345.

14. Продовольственная политика в свете общего хозяйственного строительства советской власти. Сб. материалов. 1920. С.243.

15. Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ- НКВД... С. 195.

16. Там же. С. 189, 190.

17. Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД... С.332.

18. Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД... С. 137.

19. Тамже. С. 155.

20. Дубровский С.М. Очерки русской революции. 2 изд. М., 1923. С.233.

21. РГАСПИ. Ф.17. Оп.65. Д.332. Л.76.

22. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.35. С.315.

23. Государственный архив Пензенской области. Ф.1. Оп.1. Д.264. Л.30.

24. ГАРФ. Ф.393. Оп.3. Д.46. Л. 194.

25. РГАСПИ. Ф.17. Оп.65. Д.60. Л.135.

26. Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД... С.227.

27. Известия Народного комиссариата по продовольствию № 1—2. Январь — февраль 1920. С.37.

28. Павлюченков С.А. Указ, соч., С. 135.

29. РГВА. Ф.9. Оп.4. Д.172. Л.13.

30. Известия отдела внутреннего управления Астраханского Совета 4 мая 1919 г. С.27.

31.Большаков А.М. Деревня 1917-1927. М.,1927. С.425.

32. Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД... С. 137.

33. Там же. С.166.

34. Там же. С. 142.

35. Там же. С.152.

36. Там же. С.151, 153-154.

37. Там же. С.251.

38. Там же. С. 251.

39. Там же. С.213.

40. Правда. 19 января 1919 г.

41. Собрание узаконений. 1919. № 4. Ст.43.

42. См. Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т.35. С.26, 27.

43. Вестник Московского областного союза кооперативных объединений (далее ВМОСКО). №1.10 марта 1919 г. С.9.

44. Булдаков В. Красная смута...С. 115.

45. РГАСПИ. Ф.17. Оп.65. Д.236. Л.30. 46. Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т.43. С. 60.

47. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.42. С. 180.

48. Першин П. Н. Участковое землепользование в России. Хутора и отруба, их распространение за десятилетие 1907-1916 гг. Их судьба во время ре-волюции (1917-1920 гг.) М. 1922. С. 39, 40.

49. ВМОСКО. № 5-6. 1919. С. 5.

50. ВМОСКО. № 1. 1919. С. 14.

51. Дубровский С. М. Очерки русской революции... С.235.

52. Менталитет и аграрное развитие России... С. 105.

53. О земле. Выпуск 1. Сб. статей о прошлом и будущем земельно-хозяйственного строительства. М., 1921. СП.

54. Там же. С.73.

55. РГАСПИ. Ф. 78. Оп.1. Д.13. Л.4.

56. О земле. Выпуск. 1. Указ. соч. С.73.

57. Там же. С.74.

58. Там же. С.75.

59. Там же. С. 75.

60. Там же. С. 75.

61. РГАСПИ. Ф.17. Оп.5. Д.26. Л.28.

62. ЦАОДМ. Ф. 1660. Оп.1. Д.2. Л.6; Д.8. Л.2; Ф.1588. Оп.1. Д.10. Л.6, 20.

63. РГАСПИ. Ф.17. Оп.65. Д.54. Л.3.

64. Там же. Ф.17. Оп.65. Д.5. Л.75.

65. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД... С. 132.

66. РГАСПИ. Ф.17. Оп.5. Д.91. Л. 54.

67.РГАСПИ. Ф.17. Оп.65. Д.236. Л.90.

VI. «ЧЕРНЫЙ РЫНОК»

Среди части историков держится мнение о полном запрещении свободной торговли в условиях «военного коммунизма». Однако это далеко от истины. Действительно, большевистский режим в обстановке разгоравшейся гражданской войны не раз прокламировал государственную монополию на хлеб и другие продовольственные товары, производимые в крестьянском хозяйстве. Принимал решения «национализировать» торговлю, вводил товарообмен сначала добровольный, потом принудительный. Многократно делались попытки административно отменить в деревне товарно-денежные отношения и «запереть» мелкую розничную торговлю. Да и Ленин неустанно повторял: «свободная торговля хлебом есть государственное преступление», «свобода торговли» не возвратится» и т.п.¹

Но в полной мере решить эту задачу не удалось даже с введением свирепой продразверстки. И, прежде всего, потому что властные органы — центральные и местные — не всегда действовали последовательно: то налагали запрет на торговлю продовольствием, то допускали самоснабжение населения в форме «полуторговщины», либо «двухпудничества», что фактически предполагало закупку хлеба в деревне частным порядком. Лошадей для армии из крестьянских дворов то реквизировали, то закупали по рыночным ценам.² Более того, государство, запрещая свободу торговли, одновременно выдавало «зарплату» рабочим изделиями их же труда, для реализации полученного на барахолке и таким образом подпитывало «черный рынок». Так, к примеру, в Москве на мыловаренных заводах работало около 10 тысяч человек. Они ежемесячно получали по 24 куска мыла. Фактически оно все шло на «Сухаревку».³

Хорошей лазейкой для сохранения и даже оживления вольной торговли стал декрет СНК от 21 января 1919 г. «О заготовке продовольственных продуктов», принятый вскоре после введения продразверстки. В нем давался перечень монополизированных государством продуктов (хлеб во всех видах, крупа и зернофураж, сахар, чай, соль, мясо, конопляное, подсолнечное и льняное масло, картофель и животные жиры), заготавливать и перевозить которые разрешалось исключительно государственным продорганам. Все остальные продовольственные продукты (молоко, капуста, лук, ягоды, грибы, дичь, птица живая и битая, мед и пр. в том числе и картофель — как временная мера) разрешалось свободно реализовать по рыночным ценам. Причем, декрет обязывал органы советской власти «не чинить препятствий и затруднений» свободному гужевому провозу и свободной продаже на рынках ненормированных продуктов.⁴

Нередко власти закрывали глаза на торговлю на базарах и нормированными продуктами или даже допускали заготовку этих продуктов госорганами у крестьян почти по рыночным ценам. Так, в частности, государственные баржолавки, плававшие по Волге под руководством работника Наркомпрода С.В. Малышева фактически проводили индивидуальные товарообменные операции с крестьянами по сравнительно выгодному для них эквиваленту. «Нам приходилось наблюдать, — сообщал в Наркомпрод уполномоченный А. Соколов, — как к его баржолавке, поставленной около Духовницкого (Самарская губерния) привозили хлеб крестьяне за 50-60 верст, несмотря на рабочую пору, и как десятки возов с хлебом ожидали очереди к приемке». И это лишь потому, что Малышев сразу же выдавал крестьянам различные промтовары из расчета 30% стоимости хлеба, чего не могли себе позволить местные продорганы.⁵ Наблюдалось, что по вольным ценам частенько брали у крестьян дефицитные продукты армейские фуражиры. Да и перечень ненормированных продуктов постоянно корректировался властями (в частности, картофель — то разрешали к свободной продаже, то запрещали), что также давало возможность крестьянам провозить на рынки уже запрещенные к продаже продукты.⁶

Близкий к большевикам социалист В. Базаров еще в 1919 г. высказал мысль, что власти иногда сознательно шли на разрешение частной торговли нормированными продуктами, закрывая глаза на спекулятивные сделки и работу «черного рынка». И пояснял: «спекуляция не только извне налипла, она насквозь пронизывает всю систему современного государственного регулирования, составляет самое его душу. Спекулянт — не просто паразит, подчеркивал он, — но вместе с тем и действительная опора правительства, герой спасающий власть в критических случаях».7 И в этих рассуждениях есть резон. Сложилась, к примеру, в июле — августе 1918 г. напряженная обстановка, вызванная крестьянскими восстаниями, нехваткой продовольствия в Москве и Петрограде, и власть тут же идет на нарушение хлебной монополии, разрешив рабочим закупку хлеба у крестьян частным путем и доставку его в город в течение пяти недель (с 24 августа по 1-ое октября). Тогда же Ленин выдвигает идею о натуральном продовольственном налоге, вводит новое понятие — «богатый крестьянин» — (вместо обычного «кулак» В.А.) и разъясняет «богатого крестьянина не экспроприировать, а обложить справедливо, сильно».8 Чуть позже, 26 октября 1918 г. Совнаркомом принимается декрет «Об обложении сельских хозяев натуральным налогом в виде отчисления части сельскохозяйственных продуктов». Он предписывал деревне сдать государству не «все излишки», как требовали майские продовольственные акты 1918 г., а лишь «часть сельскохозяйственной продукции».9 Фактически декрет предусматривал подоходное, прогрессивное обложение крестьян да и норма потребления хлеба в крестьянских хозяйствах повышалась с 12 до 16 пудов на едока в год,10 что, естественно, предполагало определенную свободу распоряжения хлебными «излишками». Возьмем другую ситуацию. Стоило Колчаку в марте 1919 г. прорвать Восточный фронт и ринуться к Волге, как сразу же появился ленинский призыв «учиться у крестьян способам перехода к лучшему строю и не смей командовать».11 Объявил Деникин летом этого же года «Поход на Москву», захватил весь Юг России, подошел к Воронежу, и тут же Калинин — «всероссийский староста» — требует от продработников «поослабить вожжи».12

Деревня быстро улавливала меняющуюся конъюнктуру, и пользуясь даже малейшим ослаблением давления власти, увеличивала нелегальный оборот продовольствия на провинциальных и столичных рынках. Расчет был прямой, хотя и требовал риска. Если, к примеру, Наркомпрод платил подмосковному крестьянину в августе — сентябре 1919 г. по разверстке 51 рубль за пуд ржи и 56 рублей за пуд пшеницы, то на «Сухаревке» крестьянин мог получить эту же сумму, продав лишь фунт печеного хлеба. Разница колоссальная — в 35-40 раз.13 К тому же, сельский житель на рынке мог купить или выменять нужный ему товар, а не тот случайный, который предлагался продорганами, да еще по крайне невыгодному эквиваленту и в количестве не устраивавшем сдатчика хлеба. В циркулярном письме Наркомпрода от 18 августа 1919 г. разъяснялось, что сданный крестьянами по разверстке хлеб надо отоваривать в эквиваленте не выше 10 — 30 %, а при сдаче картофеля или сена вообще «следует избегать каких-либо обещаний товаров».14 На практике указанный обменный курс был еще ниже. Крестьяне

не случайно такой «товарообмен» называли «товарообманом». Как свидетельствует С.А. Фалькнер, крестьяне Новгородской, Влади-мирской и Симбирской губерний с сентября 1919 г. по январь 1920 года из общего количества приобретенных ими товаров получили от госорганизаций по твердым ценам только 11,1%. Остальные 88,9 % товаров, добыли на рынке, причем по вольным ценам — 53,9 % и путем натурального обмена — 35%.¹⁵

Так постепенно складывались две системы товарообмена между деревней и городом, действовавшие параллельно: государственная с многочисленными заготовительными и распределительными структурами и частная, связанная с рынком. Первая функционировала открыто, опираясь на всю силу власти, другая — полуполюгально и нелегально, уклоняясь с невероятной ловкостью от всех запретов и репрессий властей. Никакие государственные органы не в состоянии были в полной мере регулировать, контролировать продажу крестьянами отдельных мешков хлеба, отдельных десятков яиц, отдельных телят, поросят и т.п. И как ни стремились многочисленные продагенты, заготовители, разного рода уполномоченные и агитаторы на митингах, деревенских сходах и в личных беседах изменить умонастроение крестьян, внедрить в их сознание ленинскую идею, что не они — крестьяне — являются собственниками излишков хлеба, полученного ими на общегосударственной земле, а исключительно — государство,¹⁶ это не достигало цели и отвергалось деревней как нечто абсурдное.

Но властные органы не отступали и даже при незначительном улучшении положения на фронтах вновь ужесточали реквизиции и конфискации продовольствия. Это обстоятельство заставляло крестьян прибегать к различным, часто хитроумным, уловкам, чтобы утаить, уберечь продовольствие от многочисленных учетчиков и сборщиков. Его зарывали в ямы, а поверху высевали какие-либо культуры, прятали под навозные кучи, хоронили даже в дуплах деревьев и т.п. Убереженный таким путем хлеб пускали в торговый оборот (хранить долго было опасно), прежде всего, своим же односельчанам, родственникам, знакомым по сходной цене или давали займы под новый урожай; сбывали, если удавалось, приезжим «мешочникам». Армия последних росла с каждым месяцем. «Мешочниками» становились обычно безработные с фабрик и заводов, лавочники, ремесленники, иногда интеллигенты, потерявшие источники для существования, другие категории населения — люди, чаще всего, предприимчивые, решительные и дерзкие. Им приходилось в сложнейших условиях на разбитом железнодорожном транспорте с выбитыми стеклами и сорванными дверями, часто на крышах и тормозах, прорываться через заградпосты, уклоняться от обысков и облав, рискуя не только товаром, но и головой.¹⁷ Однако риск был оправдан. Барыш от спекулятивных махинаций, например, с мукой и солью давал шестикратную прибыль. И если у «мешочника» даже одна поездка из трех оказывалась удачной, и он не был ограблен бандитами или обобран заградительным отрядом, операция давала выигрыш.¹⁸

Стихийная волна безбилетных «мешочников», обрушившаяся тогда на железнодорожный транспорт, как писал в 1927 г. уполномоченный Наркомата путей сообщения П.Е. Безруких, «не поддавалась совершенно никакому учету...Все эти бесчисленные крышные и буферные пассажиры с мешками и тюками...портили крыши, перегружали вагоны, ломая рессоры и вызывая горение бус»¹⁹ Сама посадка массы этих безбилетных пассажиров на поезд превращалась в настоящий штурм. «Известия Наркомпрода» за 1918 год дают довольно впечатляющую картину этого действия: «Медленно подходит опустошенный поезд (к станции Ефремов Тульской губернии. В.А.) и толпа, как девятый вал, накатывается на стену вагонов, качается в давке из стороны в сторону, хлещет о подножки вагонов, буфера, окна — лезут на крыши. И через 15-20 минут поезд представляет лопнувшую селедочную бочку: из окон, дверей, с крыш торчат руки, ноги, головы, мешки, корзинки...»²⁰

Преодолев в пути многие преграды, «мешочники» при удаче добивались до хлебных мест. Для крестьян они становились наиболее желанной клиентурой, потому что избавляли их от излишнего риска самим везти продукты в город. И, главное, доставляли довольно широкий ассортимент товаров. Торг, чаще всего, шел на безденежной основе. «Даже честные крестьяне, — как сообщалось из Рязанской губернии, — вынуждены менять хлеб на промтовары. Деньги никому не нужны. Даже деревенский кузнец требует за работу соль».²¹ Свои продукты — хлеб, сухари, ржаную муку, картофель, масло, мед и прочее крестьяне, скрытно и предельно осторожно от сельских властей, обменивали на соль, ситец, одежду, зажигалки, гвозди, карманные часы и даже самовары, швейные машины, граммофоны...

Постепенно формируется рынок на, основе безденежных расчетов сначала как внутридеревенский, а затем с выходом на уездный и губернский уровни. Несмотря на жесткие запреты в Калуге осенью 1918 г. на рынке крестьянин мог обменять один пуд муки на 30 фунтов мыла или чая. Своеобразный эквивалент сложился покартофелю: за 3 меры* картофеля отдавали комод, за 9 мер — никелевый самовар. Высоко котировалось молоко: за 8 стаканов молока выменивали фунт керосина.²² В Александрове Владимирской губернии за два мешка картофеля можно было получить пару ботинок.²³ В Епифанском уезде Тульской губернии крестьянин менял меру картофеля на 4 фунта дегтя, а 8 мер этого же продукта на пуд железа.²⁴

При товарообменных операциях некоторые товары играли роль эквивалента — заменителя денег: коробок спичек, кусок мыла, фунт соли, бутылка керосина и т.д.²⁵ Вне конкуренции шел самогон. Вместе с ненормированными продуктами «из-под полы» обменивали и нормированные. В Рязанской губернии крестьяне за 3 — 4 фунта соли

давали пуд муки или крупы.²⁶

С каждым месяцем повышался товарный эквивалент соли. По-стоянные слухи об учетах и реквизициях приводили к безрассудно-му массовому убою крупного и мелкого скота. А так как соли не-доставало, то мясо съедалось или пряталось в большом количестве. Крестьянину все больше приходилось квасить и солить на «черный день» и скоропортящиеся овощи и фрукты. В среднем крестьянской семье требовалось теперь 3-4 пуда соли в год. И если в 1918 г. де-ревенский житель за пуд соли отдавал полтора пуда муки, то в 1920 году за это же количество соли требовалось 4 пуда муки.²⁷

Нередко сами крестьяне становились «мешочниками», совер-шая поездки в другие губернии с целью приобретения товаров с по-следующей их реализацией на вольном рынке. В Калужской губер-нии, в каждой деревне занимались мешочничеством в среднем до 40 % сельских жителей, а в отдельных селениях «побочной рабо-той» увлекалось до 100 %. Так, в Дубенской волости «все крестьяне поголовно занимались спекуляцией». Четко был отработан меха-низм этих торговых операций: получив от местных властей удосто-верение на право проезда в хлебородные губернии, якобы для при-обретения хлеба, жители волости привозили оттуда по 5-6 пудов соли, фунтов по 10-20 сахару и прибыльно торговали или меняли на местных подпольных рынках.²⁸ С такой же целью крестьяне Кост-ромской губернии совершали поездки на Среднюю и Нижнюю Вол-гу за хлебом, рыбой, солью. Деревне было чем спекулировать. По данным Т.В. Осиповой даже после введения продразверстки крестьяне в феврале 1919 г. удерживали до 70 % товарного хлеба, ко-торый, так или иначе, попадал на «черный рынок».²⁹

Широко была развита внутригубернская торговля. В Москов-ской губернии, например, наиболее хлебным был Волоколамский уезд. Он чаще других становился местом активной нелегальной торговли продовольствием. Туда совершали поездки крестьяне Клинского, Московского уездов, «мешочники» из столицы. «Воло-коламск превратился в Украину, — телеграфировали 9 января 1919 г. местные власти в Мосгубпродком, — наплыв мешочников ужасный, вывозят все без разбору, цены возросли до максимума».³⁰ В Енотаевском уезде Астраханской губернии торговали хлебом, рыбой. В Смоленской губернии даже в мае 1920 г., когда было ужесточено взимание продразверстки и она распространялась фактически на все производимое в крестьянском дворе, в губернском центре почти открыто шла торговля и меновая, и за деньги (фунт печеного хлеба стоил 152 руб., пуд картофеля — 1922 руб., пуд ржаной муки — 8060 руб., фунт сливочного масла — 1233 руб., одна четверть молока — 536 руб., фунт соли — 900 руб. и т.п.).

Процветали «толкучки»: Иваново-Вознесенская, Царицинская, Нижегородская. Никакие угрозы властей о судебной ответственности за торговлю нормированными продуктами не действовали. В г. Спасске Тамбовской губернии нелегальная торговля с июля 1919 г. даже расширилась, базары стали работать каждую субботу. Крестьяне привозили по этим дням до 500 пудов хлеба, до 200 пудов мяса, пшена и др. продуктов. Голова крупного рогатого скота, лошади шла по 10-20 тыс. рублей. Попытки оцепить базары и запретить частные сделки не давали результатов, не хватало вооруженных людей. «Спасские базары, — докладывали из упродкома, — не только равняются с Сухаревкой, но и в некоторых случаях превышают ее».31 В информационной сводке секретного отдела ВЧК в июне 1920 г. из Царицинской губернии сообщалось: «сильно развилась спекуляция главным образом солью, мукой, кожаным товаром, масляными продуктами и мануфактурой. Товары привозятся контрабандным путем с Дона, Кубани и особенно Кавказа. По имеющимся сведениям, спекуляцией указанными товарами занимаются некоторые представители упродкома в Ленинском уезде».32

Однако главным притягательным центром для нелегальной торговли стала Москва. Здесь функционировало 11 рынков: Смоленский, Даниловский, Немецкий, Охотный рядский и др. Основным, конечно, считался Сухаревский. Здесь был представлен самый широкий ассортимент продуктов — от соленых огурцов до паюсной икры. Несмотря на многочисленные заградотряды, установленные на 9-ти железнодорожных магистралях, сходящихся в столице, на грунтовых трактах и водных путях, «мешочники» из разных слоев населения, и не в последнюю очередь деревенские жители, добирались всеми способами до столицы. Прорывались нередко с помощью взяток через заградпосты, или добирались до города обходными зимними дорогами и доставляли туда хлеб, мясо, яйца, масло, часто самогон (удобный в транспортировке), др. продукты для обменного торга или за деньги. Даже усиление борьбы со спекуляцией после введения продразверстки мало меняло ситуацию. Очень оборотисто действовали нелегальные торговцы ближних к Москве губерний. «Мешочники», как свидетельствуют дневниковые записи тех лет профессора С.Б. Веселовского, поступали довольно расчетливо. Сам он во время поездок по «железке» с Павелецкого вокзала в Татариновку (на свою усадьбу и обратно), имел возможность наблюдать и из бесед с попутчиками познавать весь торговый и товаро-обменный механизм. Например, перед Пасхой, по словам профессора, «мешочники» закупали на местах творог по 40 рублей за фунт и везли его в Москву. К Пасхе творог там доходил до 90 руб. за фунт. «Таким образом, на пуде, что провести легко, — пишет Веселовский, — они зарабатывают более 1500 руб. На эти деньги покупают соли, материй, мыла и т.п. и едут в Тамбовскую или Рязанскую губернии. Там меняют свои товары на муку и везут ее в Москву».33 И такая «карусель» действовала довольно эффективно.

Московские рынки весной 1919 г. оказались буквально завалены продуктами. «Экономическая жизнь» за 25 марта 1919 г. сообщала: «Хлеб имеется в огромном количестве, особенно на Сухаревке, имеется масло, причем хорошее по качеству... В

изобилии имеется мясо, овощи, конфеты, сахар, ландрин». Здесь, на «Сухаревке», по свидетельству очевидца, в 1919г. фактически «исчезла всякая грань между нормированными и ненормированными продуктами. Постепенно, к апрелю месяцу переходят на полулегальную торговлю сахаром, хлебом, мукой и крупой».34 Власти, похоже, сознательно шли на послабление «черному рынку», рассчитывая таким образом смягчить скудность пайка, получаемого московским людом по линии Наркомпрода. Экономист С.А. Первухин, как и упомянутый выше В. Базаров, квалифицировал это как «молчаливую легализацию торговли нормированными продуктами».»55 «Мешочники» — спекулянты фактически спасали от голода многих горожан.

Компрод давал им только 50 % хлеба, а вторая половина доставлялась нелегально. Это признавал и Ленин.36 По мнению современника тех событий С.Б. Веселовского «Потребитель — некоммунист давно начал бы вымирать массами, если бы не имел возможности по бешеным ценам покупать у спекулянтов разные продукты».37 Не секрет, что партийные чиновники имели замаскированные продовольственные привилегии. Если, к примеру, в Петрограде официальные нормы выдачи хлеба в марте 1921 года составляли от 1/6 до 2/3 фунта в день, то дежурные в исполкоме Петрогубсовета получали по 1,5 фунта хлеба, 0,5 фунта масла, сыра и другие продукты.38

Значительное место в насыщении столичных рынков продовольствием занимали подмосковные крестьяне. Из Московского уезда в основном поставляли овощи, фрукты, ягоды, грибы, молочные продукты. Выгоды от продажи молока стали настолько велики (оно в 1919г. еще не было монополизировано), что район поставок молочных продуктов вырос с радиуса в 30 верст до 70 и даже до 100 верст, т.е. до пределов пригородных поездов. В поставках скоропортящихся продуктов, не переносящих дальних перевозок, подмосковные крестьяне не имели конкурентов. Каждое утро целые вереницы женщин-молочниц с бидонами тянулись с московских вокзалов внутрь города. Ежедневно доставлялось до 10-11 тыс. ведер.39 Подмосковные крестьяне, особенно западных, северо-западных и южных уездов, помимо вышеназванного продовольствия, в немалом количестве поставляли хлебную продукцию: ржаную муку, печеный хлеб, сухари; привозили овес, сено, дрова, предметы кустарного производства и пр. Причем, они выступали на московских рынках то продавцами, то покупателями, в зависимости от сезонности торговли. Осенью и в начале зимы у них в продаже широкий ассортимент продовольствия, а весной, «проев свой хлеб», едут на «Сухаревку», чаще всего, закупать его, и на продажу везут, главным образом, соленья (капусту, огурцы, грибы), моченые яблоки, молоко, ребе мясо.40

Зато внесезонным и весьма доходным товаром, пользовавшимся огромным спросом в столице, оставался самогон. Он одно-временно был и единственной твердой валютой в

стране. По утверждению самих крестьян, на самогон изводили до трети урожая. Самогоноварением промышляли многие деревенские жители ближайших к Москве губерний.⁴¹ По информационной сводке ВЧК в Курской губернии в «Грайворонском, Белгородском, Суджанском и Корочанском уездах более всего развита выделка самогонки. В каждом уезде в общем употребляется на выделку самогонки 250 пуд. муки и 1 тыс. пуд. патоки». В Симбирской губернии, как свидетельствует тот же источник, «во всех городах и селах... занимаются варкой и продажей самогонки, причем в распитии замечены многие ответственные сотрудники советских учреждений. Милиция же и местный уголрозыск идут в контакте с самогонщиками».⁴² Центральная власть пыталась пресечь это зло. В декабре 1919 г. был издан декрет «О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта и крепких напитков».⁴³ Принимали строгие меры и на местах. В Курской губернии пойманные самогонщики ссылались на принудительные работы в концлагеря, а председатель Тамбовского губисполкома Чичканов в циркуляре, разосланном во все волостные Советы, ставил вопрос еще жестче: «Граждане, уничтожающие хлебные излишки на самогон, объявляются врагами революции».⁴⁴ Но и эти грозные акции мало действовали. Самогонный промысел процветал.

На «Сухаревке» успешно шла и меновая торговля. Например, за один воз березовых дров можно было получить 12-15 фунтов соли или 6,5 фунта керосина. Во столько же обходилась шинель. За муку давали и более ценные товары, к примеру, енотовую шубу или граммофон, серебряные подсвечники или столовое серебро. Генерал-лейтенант А.А. Самойло в своей книге «Две жизни» вспоминает, как его жена в 1919 г. на «Сухаревке» обменяла 22 царских и иностранных ордена, принадлежащих ему, среди которых были и золотые, на один пуд белой муки.⁴⁵ Соседка известного экономиста Б. Д. Бруцкуса отдала за 5 фунтов сухарей драгоценное кольцо.⁴⁶ Профессор С.Б. Веселовский, чтобы как-то продержаться (его жалование составляло в 1919 г. 3 тыс. руб.) постоянно сбывал вещи: старопечатные книги, шелковые занавески, шкаф классификатор для архивных документов, столовый сервиз и пр.⁴⁷ На «Сухаревке» можно было по бешеным ценам и наскоро перекусить. По воспоминаниям О.В. Черновой-Андреевой — дочери лидера партии эсеров В.М. Чернова, самой «божественной» едой на толкучке считалось горячее жидкое пюре из картошки с морковью».⁴⁸ В наивысший «расцвет» Сухаревки весной 1919 г., когда ее называли «житницей Москвы», ежедневный оборот ее, по заведомо приуменьшенным исчислениям Московского Совета, достигал пяти с половиной — шести миллионов рублей (без сделок с драгоценностями).⁴⁹ Следует заметить, что немалая часть особенно дефицитного продовольствия попадала столичным обывателям минуя рынок. В этом случае товар развозился по заранее известным адресам состоятельным клиентам и передавался «из рук в руки», чаще всего на безденежной основе. Но и эти операции считались незаконными и власти карали пойманных. Но даже в самых жестких тисках нелегальный рынок жил.

Несмотря на многократные разгоны «Сухаревки», регулярно проводившиеся там облавы и засады на торговцев и покупателей с выстрелами в воздух и воплями арестованных, стоило милиционерам и чекистам уйти, как Сухаревская площадь вновь заполнялась толпой и «черный рынок» продолжал функционировать.⁵⁰ Поставщикам сельхозпродукции приходилось лишь еще более изощряться, проявлять исключительную изобретательность и выдумку, чтобы ввести в заблуждение всевозможные заградительные и карательные органы и доставить продукты по назначению. В лодках, ящиках, чемоданах с двойными днищами ухитрялись провозить зерно, в больших тыквах — сливочное масло, в полых астраханских арбузах — паюсную икру.⁵¹ Подмосковные крестьяне в бидонах, наполненных молоком, доставляли мясо, в возах с сеном, дровами умело маскировали масло и самогон. А когда в 1920 г. наступил запрет и на молочные продукты, торговки очень искусно прикрывали их цветами. Фантазия людей была неистощима, как и неистребима естественная тяга к вольной торговле.

В 1920 г. государство ужесточает изъятие продовольствия. Государственная разверстка распространяется фактически на все продукты, производимые в крестьянском хозяйстве вплоть до молока, меда, яиц, домашней птицы, шкур животных, шерсти и т.п. Изъятие продукции становится более жестким, сроки сдачи продовольствия сжимаются, возрастает и кара за спекуляцию. Как следствие — крестьянин свертывает производство, ограничивает хозяйственную, деятельность, замыкая ее в узкий круг самоснабжения. Заместитель Наркома по продовольствию Н.П. Брюханов в июне 1920 г. признал: «мы обещали крестьянину за продукты товар, а не дали ему почти ничего... Но ведь крестьянин может давать нам год, два, три, но дальше так продолжаться не может».⁵² Крестьяне возмущаются и протестуют. И даже те мизерные запасы, которые они припрятавали для обмена на городских «толкучках», не решаются туда везти. Заградотряды и заградпосты на железнодорожных станциях, гужевых трактах, речных пристанях окончательно перекрывают доступ к городам, подвергая обыскам любой транспорт.

Оборот «черного рынка» резко падает, ассортимент становится крайне ограниченным. Если в 1919 г. нелегальная торговля позволяла горожанину прикупить на рынке еще 50 % и более сельхозпродукции к своему скудному пайку, то теперь он оказывается почти в безвыходном положении. Вот зарисовка быта столичного жителя из письма рядового совслужащего А. Антонова в Совнарком в 1920 го-ду: «Сейчас обегал три ближайших «столовки» и всюду одна роковая надпись — «закрыта». У всех дверей стоят озлобленные пролетарии и шлют проклятия... слышатся выкрики голодных озлобленных людей. Я молчу и злюсь только на себя, что так опрометчиво съел полагавшиеся на сегодня три осьмушки (осьмушка — 50 гр.) голодно-го пайка. Ведь дома ничего нет... Плетусь угрюмо на Сухаревку, чтобы купить мерзлой картошки, а если удастся, то ломтик хлеба для жены. Иду на Сухаревку, рискуя попасть в облаву...»⁵³

«Сухаревку» окончательно закрыли в декабре 1920 г. накануне VIII Всероссийского съезда Советов.⁵⁴ Стали разгонять «толкучки» и в других городах. А нарушители — продавцы и покупатели — теперь легко могли попасть и за решетку. Но полностью перекрыть каналы нелегальной торговли продовольствием не могла даже тоталитарная власть. Рынок был неистребим.

Страну лихорадит острейший политический и экономический кризис. Резкое недовольство крестьянства выплескивается в целый ряд восстаний. Доминирующим требованием деревни становится отмена продразверстки и свобода торговли. Это требование в разных формулировках постоянно звучало на сельских сходах и собраниях, на «беспартийных конференциях» крестьян, на встречах со «всероссийским старостой» Калининым: «открыть базары и там свободно продавать хлеб», «считать продовольственную политику неудовлетворительной», «снять заградотряды, ввести свободную торговлю», «дать крестьянам право свободно распоряжаться плодами своего труда» и т.п.⁵⁵ В информационных сводках ВЧК все чаще появляются тревожные сигналы, то о беспорядках в Самарской губернии, вызванных попытками властей «ликвидировать свободную торговлю скотом и хлебом», то о возмущениях крестьян в Тамбовской губернии заградотрядами, которые они «приравнивали к бандитским шайкам», то о восстании четырех сел в Оренбургском уезде с лозунгами: «Долой запрещение свободной торговли!»... «Да здравствует базар!».⁵⁶ Деревенский житель рассуждал вполне логично: «Я хлеб произвел, это мой продукт и я имею право им торговать».⁵⁷

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т.39. С.315; Т.37. С.481; Т.38. С.64-65; Т.40. С.198.
2. Российский государственный военный архив (далее РГВА). Ф.191. Оп.4. Д.171. ЛЛ. 9-11; Война и революция. Кн.1. М.,1925. С.108-109.
3. Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М, 1997. С.229; Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. Гл. редактор

С.С. Хромов. М., 1983. С.591.

4. Собрание узаконений. №1. 26 января 1919. С.13.

5. Российский государственный архив современной политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 78. Оп.1. Д. 13. Л.51.

6. Центральный архив общественных движений города Москвы (далее ЦАОДГМ). Ф.2. Оп.1. Д.50. Л.66.

7. Базаров В. Последний съезд и задачи «текущего момента». Мысль. 1919. № 10. С.356.

8. Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.37. С.93.

9. Ленинский сборник. XVIII. М., 1931. С. 153.

10. Там же. С. 155.

11. Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.38. С.201.

12. Государственный архив Тульской области (далее ГАТО). Ф. Р-31. Оп.1. Д.60. Л.82.

13. Центральный государственный архив Московской области (далее ЦГА-МО). Ф. 7135. Оп.1. Д. 180. Л. 160; Известия Народного комиссариата по продовольствию. № 13 — 16. Июль-август 1919. С. 12.

14. ГАТО. Ф. Р-31. Оп.1.Д. 161. ЛЛ. 26, 27.

15. Фалькнер С.А. Проблемы теории и практики эмиссионного хозяйства. М, 1924. С. 155.

16. См. В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т.39. С. 123; Т.40. С.198.

17. Веселовский СБ. Дневники 1915-1923, 1944 годов.// Вопросы истории.№6. 2000. С. 102.

18. Веселовский СБ. Указ. соч.//Вопросы истории. № 8. 2000. С. 103.

19. Давыдов А.Ю. Мешочничество и советская продовольственная диктатура. 1918-1922 годы.//Вопросы истории. № 3. 1994. С.50.

20. Там же. С.44.

21. Государственный архив Рязанской области. Ф. Р-321. Оп.1. Д.56. Л.73.

22. Вестник статистика. Орган ЦСУ. Февраль — март 1919. № 2 — 3. С. 146-147.

23. Вестник статистика... № 1 — 4. 1921. С. 195.

24. Вестник Московского областного союза кооперативных объединений. Июль 1919.

№7-8. С. 17.

25. Суворова Л.Н. За «фасадом» «военного коммунизма»: политическая власть и рыночная экономика.//Отечественная история. № 4. 1993. С.53.

26. Веселовский СБ. Указ. соч.//Вопросы истории. № 8. 2000. С. 103.

27. Правда. 3 октября 1920.

28. Фейгельсон М. Мешочничество и борьба с ним пролетарского государства.//Историк-марксист. № 9. М., 1940. С. 78.

29. Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской вой-не. М., 2001. С. 226.

30. ЦАОДГМ. Ф. 2. Оп. 1. Д.86. Л.9; ЦГАМО. Ф. 7135. Оп.1. Д. 33. Л.1.

31. Государственный архив Астраханской области (далее ГААО), Ф. 477. Оп.3. Д.21. Л.38; Экономическая жизнь. Смоленск. Май — июнь 1920; Вестник статистика... № 1 — 4. 1921. С. 220; Государственный архив Тамбовской области. Ф. 1236. Оп.1 Д.465. ЛЛ.83, 108.

32. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Док. и материалы. Т.1. 1918-1922. Под редакцией А. Береловича (Франция), В. Данилова (Рос-сия). М, 1998. С. 274-275.

33. Веселовский СБ. Указ. соч. //Вопросы истории. № 8. 2000. С.103.

34. Вестник статистика... №1-4. 1921. С. 202.
35. Там же.
36. См. В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т.39. С.275.
37. Веселовский С.Б. Указ. соч.//Вопросы истории № 6. 2000. С.103.
38. Отечественная история. № 5. 2002. С. 206.
39. Продовольствие и революция. № 5 — 6. 1923. М., С 54.
40. Вестник статистика...№ 1 — 4. 1921. С.204.
41. ГАТО. Ф. 1236. Оп.1. Д.94. Л.56.
42. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Указ. соч. С.275.
43. Платонов О.А. Терновый венец России. История Русского народа в XX веке. Том. 1.М., 1997. С. 601.
44. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Указ. соч. С.275; Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. «Антоновщина». Документы и материалы. Тамбов. 1994. С.31.

45. Самойло А. Две жизни. М., 1958. С. 190.
46. Знамя. № 11. 1995. С.191.
47. Веселовский СБ. Указ. соч. //Вопросы истории. № 8.2000. С.99 — 100.
48. Звезда. №8. 2001. С.130.
49. Первушин С.А. Вольные цены и покупательная сила рубля. 1917-1921. П.-М., 1922. С.2.
50. Давыдов А.Ю. Мешочничество и советская продовольственная диктатура.//Вопросы истории. № 3. 1994. С.45; Клементьев В.Ф. В большевиц-кон Москве (1918 — 1920). М., 1998. С. 428.
51. Хлеб и революция. М., 1972. С. 107; Фейгельсон. М., Указ.соч. С. 77.
52. ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 1 — а. Д. 1. Л.2.
53. Письма во власть. 1917-1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в го-сударственные структуры и большевистским вождям. М., 1998. С. 147.
54. Георгий Вернадский. Ленин — красный диктатор. Перевод с английского В.С. Антонова. М., 2000. С. 254.
55. РГВА. Ф. 106. Оп.2. Д. 148. Л. 31; Государственный архив Рязанской об-ласти. Отдел

Автор: В.М.Андреев, Т.М. Жиркова
27.05.2011 11:15

документов партийных и молодежных организаций. Ф. 1. Оп.1. Д. 303. ЛЛ. 42, 46; Акименкова А.И. К вопросу о деятельности М.И. Калинина по укреплению союза рабочего класса с крестьянством в годы гражданской войны. //Ученые записки 1-го Московского госпедин-ститута иностранных языков. Т.XVII. Кафедра общественных наук. М., 1957. С.300.

56. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Указ.соч. С.223, 227, 350,

390.212.

57. См. В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т.39.С.315.

VII. КРИЗИС ВОЕННО-КОММУНИСТИЧЕСКОГО РЕЖИМА. КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ

Ликвидация основных фронтов и сужение боевых действий к весне 1920 года рождали у сельского населения надежды на смягчение государственных повинностей, ослабление режима разверстки. Однако Центр не только не ослабил пресса военно-бюрократических мер, но напротив, уверившись в их эффективности в экстремальной военной обстановке, решил сохранить и даже усилить эту «чрезвычайщину» в переходное к миру время. IX съезд РКП(б), проходивший в апреле 1920 года, по-прежнему нацеливал партийные и советские органы на проведение «массовых мобилизаций по трудовой повинности», обязывал путем «высшего напряжения сил» обеспечить продовольственный фонд, сырье «по системе государственной разверстки». Как «одну из насущных задач советской власти» съезд считал «суровую борьбу» с трудовым дезертирством методом создания штрафных

рабочих команд и заключения уклоняющихся от трудовой повинности в концентрационные лагеря.¹ Ленин, выступая 12 января 1920 г. на заседании коммунистической фракции ВЦСПС говорил: «Мы уложили десятки тысяч лучших коммунистов за десятки тысяч белогвардейских офицеров, и этим спасли страну. Эти методы надо сейчас применить. Вы без этого хлеба не подвезете... надо со всем аппаратом, со всем коммунистическим авангардом пустить (армию В.А.) на то, чтобы хлеб собрали и подвезли». И закончил речь словами: «Если мы не остановились перед тем, чтобы тысячи перестрелять, мы не остановимся и перед этим, и спасем этим страну».²

Становилось очевидным: какого-либо смягчения политики «военного коммунизма» не предвиделось. По существу в 1920 году, уже в условиях свертывания боевых действий и затухания гражданской войны, масштабы государственных повинностей не только не были сокращены, но что рассчитывала деревня, а наоборот, еще более разрастались, неумолимо охватывая все сферы хозяйственной деятельности крестьянства. Помимо хлеба, зерно-фуража, мяса и картофеля, режим разверстки распространился фактически на все остальные продукты, производящиеся в деревне. На учет брались сады, огороды, пасеки, мелкий скот, птица. Вводится масляная повинность. Декрет СНК от 23 марта 1920 г. обязывал каждый крестьянский двор сдать государству по четыре фунта топленого масла с коровы и ведро молока. Устанавливается яичная повинность: 12 яиц с десятины посева. Декретом от 20 июня 1920 г. вводится обязательная поставка домашней птицы из расчета фунт живого веса с десятины посевной площади. Для не имеющих посева норма — три фунта живого веса с каждого десятка кур. Не забыты были и пчеловоды. Им предписывалось сдавать по три фунта меда с каждого колодезного улья.³ Местные органы власти шли дальше и вводили дополнительные поборы с крестьян. В Московской и Вологодской губерниях вводится разверстка на заготовку листового корма («веников»). В Коломенском уезде уком партии принял решение «всем едущим на проведение крестьянских конференций ставить в повестку дня вопрос о заготовке суррогатных кормов и проведении «Недели веника».⁴ В Архангельской и Ярославской губерниях требуют от крестьян поставок сушеных ягод, грибов. В Воронежской — разверстали по деревням наряд на поставку шкур животных. А в Пензенской губернии добрались до рогов и копыт. Губернский продовольственный комитет разверстал по 32 райпродсоюзам 108 000 пар рогов, 136 тысяч копыт, 68 тысяч конских хвостов и грив.⁵

В 1920 году ужесточились и методы изъятия сельхозпродукции. От карандаша продовольственника трудно стало что-либо укрыть. Нормы потребления крестьянской семьи (12 пудов хлеба и пуд крупы на душу населения в год), определенные в 1919 году, уже не являлись обязательными для продработников и могли служить, как разъяснялось в приказе Наркомпрода от 10 сентября 1920 г., лишь основой для распределения разверстки по уездам и волостям «без обязательства со стороны продорганов оставлять продовольствие в этих размерах».⁶ Народный комиссар по

Автор: В.М.Андреев, Т.М. Жиркова
27.05.2011 11:15

продовольств-вию А. Д. Цюрупа в своих телеграммах на места требовал более твердых методов изъятия хлеба, наставлял продработников «творчески действовать, отдавать категорические боевые приказы, указывать сроки, сокращать бесполезную переписку»; обязывал «милитаризовать всю работу по сбору разверстки».7 Московский губпродком, «творчески» развивая эти идеи, в инструкциях в уезды и волости разъяснял: «Разверстка и ее выполнение приравнены к боевым действиям» (курсив наш — В.А.).8

Центр тяжести в заготовительной работе (прием, хранение, отгрузка продовольствия) переносился теперь из уездных продкомов в райпродкомы — ближе к деревне. Повышалась ответственность сельских Советов за выполнение разверстки. Они вместе с продработниками проводили самую тяжелую и очень неприятную операцию — подворную раскладку, определяли и доводили до каждого домохозяина окончательную цифру подлежащего изъятию продовольствия, устанавливали сроки, при необходимости проводили обыски в крестьянских дворах и насильственное отчуждение продуктов. В Краснокутском районе Саратовской губернии продотрядники при выколачивании хлебной разверстки в сентябре 1920 г. брали заложников из состоятельных крестьян, разбивали деревни на пятидворки, назначали на каждую из них старшин из крестьян под их личную ответственность за выполнение хлебного наряда.9

В 1920 г. сжимались и сроки выполнения разверстки. Если в 1919 г. устанавливалось четыре срока (первую часть разверстки требовалось сдать 15 октября, а четвертую — 15 июня 1920 г.), то урожай 1920-го года решено было изъять у крестьян до середины ноября. Для этого объявлялись ударные «Красные продовольственные месяцы», «полумесяцы», «недели». Все ссыпные пункты, преобразованные в заготовительные конторы, переводились на кругло-суточную работу. Картофель, минуя крестьянские погреба и ямы, прямо с полей в сентябре 1920 г. направлялся на сушильные и крахмальные заводы, в пункты общественного питания, на железно-дорожные станции для погрузки в вагоны. Каждой волости заранее указывались пункты транспортировки овощей.10

Для пресечения спекулятивной торговли и нелегального провоза продуктов в города устанавливались дополнительные заградительные отряды и гужевые посты на железнодорожных станциях. Полностью запрещалась торговля на городских рынках. При изъятии продовольствия чаще обычного допускался произвол. Военный комиссар Московского военного округа Е. Ярославский, сообщая о неправомерных реквизициях в деревне, с горечью констатировал: «Такие «реквизиции» создают контрреволюцию, с которой потом приходится бороться крайними мерами».11

Факты беззакония местных властей признавались и официальной прессой. Газета Сергиево-Посадского Совета Московской губернии «Трудовая неделя» с возмущением сообщала: «К безоружному, голодному крестьянину врываются десятки продовольственников и без права, без чести и справедливости учиняют грабежи, деля в худшем случае награбленное между собой, а в лучшем — свозя его к себе для сохранности».12 В Можайском уезде при изъятии «излишков» оставили на едока лишь по 9 пудов хлеба (на три пуда меньше нормы Наркомпрода). Но не прошло и месяца, как из центра поступила команда отобрать еще по два пуда с едока. Поднялась новая волна насилия. В Кукаринской и Бородинской волостях обыски и незаконные реквизиции нередко проводились местными комячейками.

Повторное изъятие продовольствия вызвало крайнее возмущение жителей. Крестьяне села Богданово Подольского уезда 5 сентября 1920 г. подали прошение лично В.И. Ленину во время его остановки в этом селе по пути на охоту. Они «жаловались на местный сельсовет, который отобрал у бедняков в порядке продразверстки весь хлеб и посевной материал». Обращались к вождю и жители деревни Моденово Верейского уезда. Они не только просили сократить непосильную разверстку на хлеб и сено, но и прямо заявляли: «боимся отрядов». И, видимо, боялись не без оснований. Даже коммунисты Подольска на своем собрании вынуждены были признать: «Нравственные устои личного состава заградительных продовольственных отрядов шатки».14 Крестьяне Кирсановского уезда Тамбовской губернии, особенно испытавшие на себе произвол продработников, требовали «наказать продотрядовцев за творимые беззакония и грабеж».15

Между тем численность бойцов продотрядов к концу гражданской войны выросла по сравнению с 1918 г. вдвое и составила 90 тыс. человек. Совнарком еще в январе 1920 г. принял решение об усилении продармии к очередной продовольственной кампании за счет аппарата действующей Красной Армии. А всего в рядах Продармии и отрядах Военпродбюро в 1917 — 1921 годах побывало, по данным Ю.К. Стрижкова, около четверти миллиона человек.16

Крайне осложняли взимание государственной продразверстки постоянные ее корректировки местными властями. Мосгубпродком, например, произвольно завысил на Бронницкий уезд разверстку по картофелю до одного миллиона пудов — фактически половинную норму всего Подмосковья. От Волоколамского уезда потребовал сдать 8 280 пудов льняного семени, что даже превышало задание всей губернии. Коломенскому уезду губсовет приказал дополнительно заготовить 200 064 «веника» по 10 фунтов весом каждый. Уездные продовольственные комитеты, в свою очередь, рассылали завышенные разверстки по волостям. В Наро-Фоминске сельсоветам дали задание собрать по наряду шерсть, в Сергиевском райпродкоме — заготовить силос, хотя это

государственной развер-сткой не предусматривалось. В Верейском уезде власти требовали от крестьян сдачи сушеной черники, в Звенигородском — сушеной малины...

Следует подчеркнуть, что подмосковная деревня чаще других страдала от чрезмерных поборов. Расположенная поблизости от столицы, она в первую очередь оказывалась в сфере деятельности Наркомпрода, Главкомтруда, Реввоенсовета и других центральных ведомств. В критические для Республики моменты Москва выкачивала и материальные, и людские ресурсы, преимущественно из центральных губерний и, прежде всего, из Московской.

Насильственное изъятие продовольствия в 1920 г. становится государственной нормой. Из Задонского уезда Воронежской губернии сообщали в ЦК РКП(б): «Крестьяне оказались обобранны под корешок». В ряде губерний в 1920 г. начался голод. В Пестряковской волости Калужской губернии уже в начале года крестьянское население питалось, в основном, суррогатом хлеба: овсяными жмыхами, просяной, ржаной и конопляной мякиной. А в мае и это-го не стало, перешли на дубовый лист, липовый цвет, толченый в ступе, и травы. Поля на 50 % оказались незасеянными. Население в отчаянии просило о переселении в другие места. Из Козельского уезда той же губернии докладывали в Центр: в связи с голодом «масса крестьян бросает свои жалкие посе-вы и бежит в другие гу-бернии».17 По сообщению чрезвычайного уполномоченного Рязан-ского губкома партии в Егорьевском уезде «одна четвертая часть населения из-за голода заколотила свои хибарки и удалилась в хле-бородные губернии».18 Но эти проблемы как будто не волновали власти. На первом плане у них стояли заготовки продовольствия любой ценой, а не производство.

Вконец истощили деревню бессчетные полуфеодалские по-винности: гужевая, дровяная, военно-строительная, снеговая и т.п. Основным рычагом воздействия на сельских жителей все больше становится административное насилие и репрессии. «Авторитет на-гана» становился главным аргументом. Это признавала и офици-альная пресса. «Нередко бывали случаи, — писал председатель Тверского губисполкома А. Горкин, — что агитатор, отправляясь в волость... вооружался до зубов. За поясом торчит револьвер, неред-ко и два, в карманах напиханы бомбы. В таком виде он представля-ется на сход и начинает бичевать все и вся».19

Самодурство местных начальников становилось чуть ли не нормой поведения. Крестьянин Н. Кретов из Пятницкой волости Тамбовской губернии писал Калинин: «отряды, высылаемые для реквизиции, вели себя, как победители в завоеванной стране, зачас-тую требуя жареной ветчины, яйца, молока и тому подобного...

Обыватель деревни находится в ужасном положении и живет под произволом современных «держиморд», прикрывающихся красным флагом и заслоняясь как щитом партийным «ярлыком».20 «Крестьянин лишен всякой свободы, — докладывал в партком курсов «Выстрел» курсант Ф.М. Бобриков, побывавший дома в селе Орляки Орловской губернии. — Что не скажет, считают саботажником, ни за что арестовывают. Применяют плетки, оружие и так далее... Некто, агент по прозвищу «Иван Барин», творил такие темные дела, что невыносимо. Он брал разверстку как захочет. Хорошие вещи тащит к себе домой».21 Из Ильи-Жаденской волости Смоленской губернии сообщали: «При обысках практикуется запугивание крестьян оружием и арестом. В общем, ведут себя как бандиты, и этим наводят страх на местное население». «Начальники и красно-армейцы бьют крестьян плетками и прикладами», — возмущался житель села Ясенского Тульской губернии в письме в ЦК РКП(б). А в селе Песин Екатеринбургской губернии продотряды, прибывающие для реквизиций, начинали «с залпа в воздух для морально-го воздействия».22

Власти время от времени приводили в чувство наиболее зарвавшихся «держиморд», а то и ставили к стенке, но это мало меняло сложившуюся практику. Насилие в деревне подходило к крайне опасной черте. «Успешно работает только военная организация, отнимающая хлеб вооруженной силой, — с тревогой доносили в ЦК РКП(б) из Вятской губернии в сентябре 1920 года, — но от этого конфликт с деревней еще больше увеличивается, а производство падает до угрожающих государству размеров. Силой оружия можно взять, отнять готовый хлеб, но нельзя крестьян заставить засеять новый».22а Именно в 1920 г. в крестьянском хозяйстве в полной мере проявились крайне тревожные симптомы: сокращение посевных площадей, ухудшение обработки земли, резкое снижение урожайности, уменьшение поголовья скота и пр. Складывалась довольно парадоксальная ситуация: заготовки продовольствия, изымаемого по подразверстке, из года в год росли (с 1917 по 1920 г. в 5 раз), а производство продукции земледелия катастрофически падало, кризис сельского хозяйства углублялся. Главная причина — свирепость разверстки и ужесточение реквизиционно-карательных мер по отношению к деревне.

Особенно остро переживали режим разверстки губернии, расположенные поблизости от центральных продовольственно-заготовительных органов. Именно здесь в 1920 г. наблюдалось наибольшее сокращение посевов. В.П. Гепферт отмечал, что «особенно сильному сокращению площадей в нечерноземной полосе и в центре РСФСР (28%) способствовало более твердое в этих районах применение разверстки». Поэтому в 1920 г. в связи с резким сокращением посевов, встал вопрос о необходимости государственного регулирования крестьянского хозяйства, и в первую очередь засева всех полей. Этот вопрос широко дискутировался в печати, рассматривался губернскими партийными и советскими органами; в декабре 1920 г. он обсуждался на VIII

Всероссийском съезде Со-ветов, где высказывались предложения о необходимости «регулиру-вание соединить со стимулированием».23

В 1920 г. резко снизилась и урожайность по большинству то-варных хлебов.

Конечно, в 1920 г. сильнее сказались тяготы войны, изно-шенность инвентаря в крестьянских хозяйствах, нехватка рабочих рук, засуха и пр. Все это в какой-то мере объясняет резкое падение урожайности, но главным фактором являлась разверстка, которая, по словам А.И. Свидерского, «обязуя крестьянина к сдаче всех из-лишков его труда, немедленно убивала в нем импульс к поднятию и улучшению своего хозяйства». Так, крестьянин уделял все меньше внимания удобрению полей. На десятину земли по Владимирской губернии, например, полагалось навоза 2 400 пудов, а его вывозили на поля в 1920 г. 500 пудов или того меньше.24 Это происходило потому, что, во-первых, скот постоянно изымался (отсюда нехватка навоза), и, во-вторых, земледелец не был заинтересован в удобре-нии земли и повышении урожайности, зная, что «излишек» хлеба все равно будет изъят, и стремился свести его к минимуму. В отче-те Наркомзема прямо указывалось, что именно разверстка оказала «наиболее губительные последствия на сельское хозяйство».25 Час-тые переделы земли внутри обществ также не способствовали забо-те о ней крестьян.

В 1920 г. совершенно определенно прослеживаются самоснаб-женческие тенденции и в формах развития животноводства; отда-валось предпочтение тому виду скота, который оказывался более рентабельным для крестьянского хозяйства и малодосыгаемым для заготовительных органов. Так, при значительном сокращении ло-шадей, свиней, тяглого рогатого скота, число коров осталось почти неизменным. Ю.А. Поляков по отношению и к 1916, и к 1920 г. называет одну и ту же цифру — 24,9 млн. голов. Близки к этой цифре данные С.Г. Гордеева. А в отдельных районах наблюдался даже рост поголовья коров: в Костромской губернии, например, число коров с 1916 по 1920 г. возросло с 141 729 до 142 700 голов; в Рязанской губернии с 1917 по 1920 г. их число увеличилось с 289 631 до 310 780; в Московской губернии с 194 986 голов в 1917 г. до 242 901 в 1920 г., т.е. на 24,7 %.26 Это объясняется тем, что молоко не было монополизировано государством до марта 1920 г., и кре-стьяне сравнительно свободно реализовали молочные продукты на рынке, увеличивая их потребление, или выменивали на них хлеб.27

Довольно интенсивно развивалось молочное животноводство в Московской губернии. Если с началом мировой войны под-московные крестьяне на 1/3 сократили продажу молока на рынках в связи с убылью работников, недородом кормов, то после 1917 г, они

смогли сравнительно быстро восполнить поголовье коров. К 1920 г. оно даже несколько увеличилось, при этом реализация мо-лока на московских рынках достигла довоенного уровня, т.е. 10-11 тыс. ведер в день.²⁸

Весьма показательна замена одних видов скота другими в Центральной России. Здесь крестьянин стремился свести со двора скот, в первую очередь подпадавший под реквизиции. Так, в губерниях Пензенской, Рязанской, Вятской, Казанской, Пермской, Оренбургской, славившихся овцеводством, являвшимся там промышленным, число овец к 1920 г. резко сократилось, а в губерниях Яро-славской, Владимирской, Смоленской, Московской, где эта отрасль была второстепенной и обеспечивала главным образом нужды крестьянского двора, число овец даже несколько возросло.²⁹

Подобное наблюдалось и в свиноводстве. Охотников до сви-нины было много и в реквизиционных отрядах, и среди армейских заготовителей. В результате в Центрально-Промышленном районе количество свиней к 1920 г. сократилось до 35,5 %; в Пензенской губернии поголовье свиней к 1922 г. (за 5 лет) упало до 8 %. В Ан-дреевской волости, наиболее типичной для Костромской губернии, из 67 голов свиней, имевшихся в крестьянских дворах в 1917 году, к началу 1920 г. не осталось ни одной.³⁰ Сходная картина — в Мос-ковской губернии. Здесь число свиней к 1920 г. сократилось с 105 604 голов до 16 756, т.е. в 6 раз, в то же время число коз возросло в семь. Характерно, что в деревне Курово Дмитровского уезда этой же губернии к концу гражданской войны, при выросшем стаде коз из всего поголовья свиней уцелела лишь одна.³¹

Продовольственная разверстка, распространенная в 1920 г. почти на все виды продовольствия, лишала крестьян хозяйственных стимулов. И ограничивая свою хозяйственную дея-тельность, они замыкали ее в узкий круг потребностей само-снабжения.

Не оправдались расчеты властей на эффективную работу кол-лективных хозяйств, которые должны были стать опорными пунк-тами нового режима в деревне. «Аграрный коммунизм», настойчи-во пропагандировавшийся партийными и государственными руко-водителями, попытки «на аркане потащить крестьян в коммуну»,³² не дали желаемых результатов. В 1920 г. 19,5 тысячи коллектив-ных хозяйств, объединивших 131 тысячу крестьянских дворов с общей площадью обрабатываемой земли в 1 млн. 176,6 тысячи де-сятин земли, сдали государству лишь 1 млн. 594 699 пудов хлеба и другого продовольствия, т.е. в среднем с десятины по одному пу-ду.³³ Большинство таких коммун и артелей оказались нерентабель-ными, функционировавшими лишь при поддержке государства.

1920 год стал переломным не только в экономическом положении, но и в политическом настроении и поведении крестьянства. Потеряв всякую надежду на изменения к лучшему, деревня становится на путь активного неповиновения. Сопротивление произволу властей, растущим масштабам поборов и повинностей носило различные формы, вплоть до вооруженных выступлений. Но наиболее распространенной к концу гражданской войны становится экономический саботаж.

Стремясь уйти от государственных поставок или уменьшить их бремя, крестьяне в 1920 г. резко сокращают посевы главных хлебов (ржи, пшеницы, ячменя, овса, гречихи). Особенно это показательно для центральных губерний, в близкой досягаемости продовольственно-заготовительных органов. В центр идут тревожные сигналы: «засев полей в этом году остановлен, и крестьяне намеренно их не засевают, говорят, все равно отберут», «крестьянское хозяйство ведется без всякого расчета, прекращается удобрение полей, земля засеивается не тем, что нужно, а что окажется под рукой». По данным Наркомзема «продразверстка свела посевную площадь в 1921 году до 52,2 млн. десятин, что составляет 61,2 % довоенной посевной площади».34 Не случайно Ленин в августе, а затем и в октябре 1920 г. телеграммой всем губпродкомиссарам приказал «объявить обязательный засев полностью всей площади озимых полей боевой государственной задачей».35

Крестьяне и на этом этапе были неистощимы в ухищрениях по утаиванию своих ресурсов. При подворных переписях и анкетировании они занижали сведения о засеянной пашне, скрывали сенокосы, давали преуменьшенные данные об урожае, количестве скота, домашней птицы, не упоминали арендную землю, неверно указывали состав семьи; в число едоков включали занятых на отхожих промыслах и даже находившихся в плену, уклонялись от уплаты чрезвычайных налогов.

Работники Наркомфина, побывавшие в деревне во время уборки, наблюдали поразившую их картину, когда сельские жители с необычной спешкой и запалом убирали хлеб с корня и с поля. Косяки и возили его не только днем, но и ночью, не задерживая в копнах, чтобы уберечь от карандаша продовольственника.36 В ряде мест крестьяне стали даже убирать — незрелый картофель, жать еще зеленый хлеб, лишь бы успеть свезти его с поля до прибытия уборочных отрядов; умело прятали продовольствие от многочисленных учетчиков и сборщиков, причем весьма изобретательно (например, над ямами с зерном высевали какие-либо культуры); скармливали зерно животным, лишь бы уберечь его от «заготовителей»; шли на разные уловки, чтобы обойти запрет начальства на убой зарегистрированного скота и сбывали мясо нелегально, часто односельчанам, по сходной цене. Нередко перегоняли мелкий скот в чужие дворы, к

знакомым и родственникам.

Бойкотируя продовольственные требования властей, грозили сжечь весь урожай, меняли структуру полей: снижали посевы то-варных хлебов, выводили из севооборота технические культуры — лен, коноплю, табак — и всячески старались сохранить посевы кар-тофеля, капусты, моркови, свеклы, редьки для внут-рихозяйственного потребления.

Лишившись в результате реквизиций значительной части ло-шадей, свиней, овец, тяглого скота, деревня особенно дорожила молочным скотом (коровы, козы). Во-первых, потому что до марта 1920 г. молочные продукты не были монополизированы, и крестья-нин имел возможность реализовать их на рынке, увеличить потреб-ление или выменять на хлеб. Да и власти остерегались реквизиро-вать последнюю корову — главную опору крестьянской семьи.³⁷

Уклоняясь от государственной разверстки и трудовых по-винностей, крестьяне порой настолько сокращали посевы и хозяй-ство, что и сами могли лишь в обрез обеспечить нужды семьи. Продавали лошадей, чтобы избавиться от гужевой повинности, сбывали горожанам сенокосы, с целью уйти от поставок сена, де-зертировали с трудового фронта, симулировали болезни и т.п. Одновременно поддерживали и даже увеличивали производство неко-торых огородных культур — лука, чеснока, петрушки, укропа, — до которых еще не дотянулся карандаш продовольственника, и их можно было легко сбыть. «Правда» 5 ноября 1920 г. писала: «Появ-ляются чисто спекулятивные хозяйства, которые производят про-дукты, не настигаемые разверсткой, и уклоняются даже от произ-водства хлеба». «Крестьянское земледелие постепенно превращается в самоедское хозяйство, — констатировала газета «Беднота» от 3 декабря этого же года. — Крестьяне-производители исчезают, вме-сто них появляются просто едоки. Едок производит ровно столько, сколько нужно ему самому».

Хозяйственный саботаж крестьян был стихийным протестом против произвольных поборов государства. Обманутая деревня лишённая каких-либо надежд и стимулов для поддержания рента-бельного производства, становилась на путь самоснабжения. Зем-леделие деградировало. Недовольство деревни нарастало.

Социально-экономические и политические катаклизмы в стране приобретали угрожающие масштабы. Атмосфера подав-ленности и безысходности захватывала все слои населения и осо-бенно многомиллионную деревню. Не разрядил обстановки и VIII

Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов, проходивший 22-29 декабря 1920 г. в обстановке формального окончания гражданской войны. Еще накануне съезда, 15 декабря 1920 г. газета «Правда» сообщала: «Вследствие прекращения боевых действий на фронтах Полевой штаб Реввоенсовета приостанавливает выпуск ежедневных оперативных сводок». Казалось, наступило время для смены жесткого курса и перехода к более взвешенной политике.

Однако этого не произошло. Ленин в докладе съезду, сообщив о повороте от полосы войны к хозяйственному строительству, подчеркнул: «В стране мелкого крестьянства наша главная и основная задача — суметь перейти к государственному принуждению, чтобы крестьянское хозяйство поднять».38 Он по-прежнему настаивал на сохранении государственных повинностей.39 Эта линия была под-держана и другими руководителями страны; они требовали усиления государственного регулирования деятельности крестьянских хозяйств, создания посевкомов, контроля за сельхозпроизводством. Ни о каких послаблениях крестьянству в продрозверстке, много-численных повинностях, свободной торговле не было и намека. Больше того, незадолго до Съезда в очередной раз был прикрыт в столице Сухаревский рынок, который Ленин считал «основой капитализма».40

Диссонансом на Съезде прозвучало выступление одного из лидеров меньшевиков Ф.И. Дана: «Продовольственная политика, основанная на насилии, обанкротилась, — сказал он, — ибо, хотя она выкачала триста миллионов пудов, но это куплено повсеместным сокращением посевной площади, достигшим почти одной четверти прежних засевов, сокращением скотоводства, прекращением посевов технических культур, глубоким упадком сельского хозяйства и выкачиванием из деревни хлеба».41 Ф.И. Дан возражал против усиления вмешательства государства в сельскохозяйственное крестьянское производство (посевкомы, планы засевов и пр.), считая это пагубным для общества в целом. Но организаторы Всероссийского съезда Советов, даже в условиях перехода к миру, никак не хотели отказываться от жестких военно-коммунистических мер управления страной.

Ленин не раз подчеркивал в выступлениях, что в мелкокрестьянской стране «переход к коммунизму нам неизмеримо труднее, чем при всяких других условиях». И чтобы «этот переход совершился, нужно участие самих крестьян в десять раз больше, чем в войне». А методы предлагал все те — же, прежние: не только поощрение, но и принуждение, государственная повинность и пр. «В стране мелкого крестьянства, — разъяснял вождь, — наша главная и основная задача — суметь перейти к государственному принуждению, чтобы крестьянское хозяйство поднять».42

Деревня все больше убеждалась в несправедливости и лицемерии правящего режима и его многочисленных эмиссаров. В ее требованиях уже безбоязненно звучат политические акценты. На Щелотской волостной беспартийной конференции Вологодской губернии крестьяне отвергли резолюцию, предложенную коммунистами и потребовали: 1) скорейшего окончания войны; 2) проведения внутренней политики без участия партии коммунистов; 3) партию коммунистов считать частной; 4) с учетом разрухи временно признать повинности, но под контролем самих крестьян. Делегаты конференции провозгласили лозунг «Да здравствует мир и свобода!»⁴³ Подобные настроения охватывали и часть городского населения. В Московской губернии в уездных городах Орехово-Зуеве, Клину, Наро-Фоминске, Серпухове имели место уличные выступления «с белыми флагами и лозунгами «хлеба и долой войну».⁴⁴ Обещанный земной рай оказался очередной утопией. Крестьяне не только не обрели «свободы, равенства и братства», но и перестали быть хозяевами своего собственного двора. Власти пока не решались национализировать все 18 млн. крестьянских хозяйств, но уже присвоили все, что там производилось. Об этом резко и с горечью говорил один крестьянин Новгородской губернии: «Это правда, что земля наша, но урожай принадлежит им (правительству). Леса принадлежат нам, скот принадлежит нам, но деревья, молоко, масло и мясо — принадлежит им. Вот что сделало для нас правительство. Пусть они заберут землю назад и обожгутся».⁴⁵

Крестьяне все отчетливее понимали, что большевики, дав барскую землю, одновременно сделали их самих заложниками этой земли. Леворадикальный эксперимент исчерпал себя.

На исходе гражданской войны деревня властно требовала перемен. В конце 1920-го — начале 1921 года, когда на территории Центральной России, Поволжья, Урала, Сибири уже фактически не осталось интервентов и белых армий, а надежды населения на ослабление военно-коммунистического режима не оправдались, крестьянство решительно отторгло насильственно навязанную ему модель экономического и общественного развития и взялось за оружие.

По всей стране с новой силой запылали крестьянские восстания, направленные против единовластия коммунистов. Особенно массовым было выступление в Тамбовской губернии. Восставшие крестьяне изгоняли из своих деревень продотряды, чрезвычайных комиссаров, ревкомовцев, на сельских сходах формировали новые органы власти — Союзы трудового крестьянства. Созданный Тамбовский губернский Союз трудового крестьянства разработал программу действия повстанцев. В ней подчеркивалось, что «Союз трудового крестьянства» своей первой задачей ставит «свержение власти коммунистов — большевиков, доведших страну до нищеты, гибели и позора. Для уничтожения этой ненавистной власти и ее порядка Союз, организуя

добровольческие партизанские отряды, ведет вооруженную борьбу».

В программе излагались следующие требования: политическое равенство для всех граждан, не разделяя их на классы; созыв Учредительного собрания по принципу равного, всеобщего, прямого и тайного голосования; установление впредь, до созыва Учредительного собрания, временной власти на местах и в центре на выборных началах союзами и партиями, участвовавшими в борьбе с коммунистами. Восставшие требовали свободы слова, печати, совести, союзов и собраний; рабочий контроль и государственный надзор над производством; частичной денационализации фабрик и заводов; допущение русского и иностранного капитала для восстановления хозяйственной и экономической жизни страны; немедленного восстановления политических и торгово-экономических сношений с иностранными державами; свободное самоопределение народностей, населяющих бывшую Российскую империю; открытие широкого государственного кредита для восстановления мелких сельских хозяйств, свободное производство кустарной промышленности и др.⁴⁶

Восстание на Тамбовщине охватило многие уезды соседних губерний Центра России. В нем участвовало до 50 тыс. крестьян. Руководил ими А. Антонов. Для подавления восстания правительство направило 100-тысячное войско.

Сходные требования к властям выдвинули восставшие крестьяне Среднего Поволжья, Воронежской губернии, Урала, Кубани, Дона и других регионов. Крестьяне Нижнесанчелевской волости Симбирской губернии заявили, что они «выступили не против советской власти, но против коммунистических банд с грязным прошлым и настоящим, которые грабили и разоряли крестьянское население и не входили в положение трудового крестьянства».⁴⁷ В Саратовской и Самарской губерниях к восставшим крестьянам нередко примыкали красноармейцы и отдельные армейские части. Одним из руководителей повстанческого движения в Бузулукском уезде Заволжья стал бывший комдив Красной Армии, орденносец, выходец из местных крестьян А. Сапожков. Он, как сообщалось из Самарской губчека в июле 1920 г. «возмутил 7-й и 8-й кавалерийские полки и конную батарею всего в составе около 600 сабель и 600 штыков при четырех орудиях и повел агитацию среди красноармейцев и населения со следующими лозунгами: «Долой комиссаров, долой старых спецов, да здравствует свободная торговля!». Ему удалось захватить г. Бузулук, железнодорожную станцию Погромная. Восставшие разобрали железнодорожный путь, остановили и обезоружили два эшелона красноармейцев, направляющихся на Польский фронт. И хотя части Сапожкова вскоре были выбиты из Бузулука, они двинулись в сторону Оренбурга, Бугуруслана, будоража местное население лозунгами «свободной торговли».⁴⁸

Под влиянием выступления Сапожкова, который, как сообщалось в информации Саратовской губернии, «пользовался большой популярностью», вспыхнуло восстание в селе Переконном Ново-узенского уезда Саратовской губернии в августе 1920 года. Там инициаторами и участниками его стали преимущественно женщины. Отказавшись от продовольствия, они выдвинули антивоенный лозунг: «Не будет на фронте хлеба, не будет войны! Дайте нам мужей!»⁴⁹

Заметным выступлением крестьян стало восстание, охватившее юго-западную часть Воронежской губернии. Началось оно в селе Старая Калитва Россошанского уезда в ноябре 1920 г. Поводом, как обычно, послужило насильственное изъятие хлеба под командой продагента Михаила Колесникова. В то время как продотрядники (60 человек) начали подворные обыски и конфискацию продовольствия, на них внезапно напал «бандитский» (по официальной терминологии) отряд, руководимый братом продагента — Григорием Колесниковым (нередкий парадокс гражданской войны). Продотряд был разгромлен, 18 бойцов, в том числе и продагент Михаил Колесников, убиты; остальные разбежались. 7 ноября 1920 г. победители ударили в набат, собрали народ, призвали не давать хлеба продорганам и «объявили восстание Советской власти». Вскоре оно перекинулось в Новую Калитву, Ольховатку, в соседние волости и уезды, соединилось с одним из отрядов Антонова. Число восставших выросло до 30 тыс. человек. Это восстание не прекращалось до начала апреля 1921 года.⁵⁰ Открытый политический характер против «комиссародержавия» носила борьба украинских крестьян под руководством Н. Махно.

Крупнейшее крестьянское восстание вспыхнуло в январе 1921 г. в Западной Сибири. Центром восстания стал Ишимский уезд Тюменской губернии. Поводом послужила исключительная и бессмысленная жестокость при изъятии у крестьян продовольствия. Применялись коллективные экзекуции, конфискация всего имущества, взятие заложников, аресты, отправка в концлагеря. Порой доходило до абсурда. При невыполнении, например, разверстки по шерсти, состригали шерсть с крестьянских полушубков и тулупов, в сорокаградусный мороз стригли овец, забивали стельных коров.

Восстание возглавил «Крестьянский Союз». Повстанческий штаб издавал газету «Голос Народной Армии». Мятежные крестьяне потребовали отмены «военного коммунизма», передачи земли «в руки народа», восстановления частной собственности, введения «истинного народовластия» путем выборов на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования; созыва Учредительно-го собрания.⁵¹ Исследователь В.В. Московкин считает, что повстанцы не смогли выработать единой политической платформы (выдвигались требования от демократических до монархических), но общая направленность движения была антибольшевистской, и в политической, и в экономической областях. Коммунистов от власти отстраняли, часто зверски с ними

расправлялись, но Советы, как органы власти сохраняли. Основными лозунгами восставших были: «Да здравствует Советская власть и Сибирское крестьянство!», «Долой коммунистов!», «Долой продразверстку!», «С нами Бог и царь Михаил III!»⁵²

Повстанческий штаб распространял среди населения десятки тысяч агитационных листовок и других материалов. В одном из воззваний говорилось: «Граждане и гражданки сел и деревень Великой Сибири! Настал великий и тяжелый момент испытаний для нашей необъятной Сибири. Измученный страшными насилиями и грабежами людей-зверей, именующих себя коммунистами, отрицающих Бога и не признающих ничего, кроме насилия и убийства ближнего своего, народ Сибири встал грудью на защиту деревень своих, имущества, жен и детей от дикого разгула варваров-коммунистов... Братья крестьяне и крестьянки! Помните же, что идет борьба не на жизнь, а на смерть».⁵³

Специальные воззвания адресовались красноармейцам с призывом не поднимать оружия против своих братьев и сестер. «Мы говорим открыто и честно, — обращался повстанческий штаб к солдатам, — что жить так, как заставляют нас коммунисты, дальше нельзя. Ведь вы сами знаете, что у нас отобрали весь хлеб в первую разверстку, но этого показалось мало, они отобрали и весь семенной хлеб и ссыпали по амбарам, где и гноят его. Они остригли шубы у нас и овец в зимнее время, которые теперь замерзают. Народ, измученный, обобранный, угнетенный, не вынес коммунистического ярма и восстал... Что нам дали коммунисты? Они обещали нам чуть — ли не райскую жизнь, обещали свободу во всех отношениях, но, взяв в руки власть, они дали нам тюрьмы и казни, они издевались над нами, а мы молча гнули спины... Мы, крестьяне, хотим, чтобы человек стал человеком, чтобы всем жилось свободно. Мы хотим восстановить Рабоче-крестьянскую власть из честных, любящих свою опозоренную, оплеванную, многострадальную Родину. Да здравствует Народная советская власть! Долой коммунистов!»⁵⁴

Восстание стало быстро распространяться и вскоре охватило обширные районы Тюменской губернии, перекинулось в Омскую, Екатеринбургскую губернии. Восставшие взяли города Тобольск, Кокчетав, Сургут. Осадили Тюмень, Курган, Ишим. Забурлила почти вся Западная Сибирь. «Мужицкая Армия», вооруженная охотничьими ружьями, револьверами, а порой лишь косами, топорами, пиками, теснила Красные части; оружие добывала в боях. Известны факты, когда на сторону повстанцев переходили целые воинские подразделения; например, батальон 225 красноармейского полка с 12-ю пулеметами и батареей, две роты Казанского полка с полным вооружением, другие проявляли колебания. Однако временами сражения с регулярными войсками носили ожесточенный характер. Об этом, в частности, свидетельствуют бои за город Петропавловск, который в течение суток трижды переходил из рук в руки.⁵⁵

К середине февраля в руках восставших оказалась значительная часть Зауралья. На освобожденной территории отменялись декреты Советской власти, восстанавливались гражданские свободы, упразднялось деление населения по категориям, всем выдавался равный паек, разрешалась свободная торговля; в школах позволялось вывешивание икон и преподавание Закона Божия; предпринимались попытки наладить централизованное управление в повстанческих районах.⁵⁶

Несомненным успехом восставших явился захват, на отдельных участках под Челябинском и Екатеринбургом, транссибирской железнодорожной магистрали, остановка движения поездов, разрыв телеграфной связи между Омском и Москвой. Восстание угрожающе разрасталось. Армия повстанцев выросла до 100 тысяч человек. Положение настолько осложнилось, что в феврале 1921 года ЦК РКП (б) принял постановление о приостановке общей демобилизации коммунистов из Красной Армии. На подавление «мятежников» были брошены стрелковые дивизии, артиллерийские части, бронепоезда, сводные отряды и курсанты пехотных училищ. Сопротивление крестьян квалифицировалось Советской властью как «бандитизм» и «уголовщина». Органам ВЧК в связи с этим было предоставлено право расстрела «бандитов» и их пособников.⁵⁷ Крайняя жестокость проявлялась и с той, и с другой стороны.

Все более взрывоопасной становилась ситуация в городах. Не хватало продовольствия, топлива. К 1921 г. оказались практически исчерпанными запасы металла, мануфактуры, топлива, промышленного сырья, оставшиеся с 1917 года. Объем промышленной продукции составил в 1920 г. 14,8 % от довоенного уровня. Особенно тяжелое положение сложилось в крупных промышленных центрах, и прежде всего в Москве и Петрограде. Были сокращены выдачи хлеба, в феврале 1921 г. объявлено о закрытии многих крупных заводов, в том числе Путиловского, Сестрорецкого, «Треугольника». Тысячи рабочих оказались выброшенными на улицу. Социальная атмосфера накалялась. На Петроградском трубочном заводе рабочие на собрании приняли резолюцию с требованием перехода к народовластию. Начались забастовки. Заволновалась армия. В ответ в городе было введено военное положение.

Настоящим обвалом для властей стало восстание матросов в военно-морской базе — Кронштадте в марте 1921 года. Кронштадтские моряки, являвшиеся опорой большевиков в октябре 1917 года, со временем поняли, что советская власть оказалась лишь ширмой, декорацией и по существу была подменена властью партийной, а идеалы, за которые они боролись, преданы забвению. «Источником напряженного состояния, — писал неизвестный автор из Кронштадта в Совнарком еще в сентябре 1920 года, — являются письма со всех концов России, из которых (моряки В.А.) видят, как

несправедливо в деревнях грабят их семьи... И уже, как из-вестно, их лозунг таков: «Мы умеем поддерживать власть и суме-ем ее стереть!»⁵⁸

Выступление кронштадтцев было отчаянной попыткой ос-тановить коммунистический беспредел. Их требования, изло-женные в резолюции общего собрания матросов линейных ко-раблей 1 марта 1921 г. на Якорной площади Кронштадта, переكلي-кались с требованиями восставших крестьян и сводились к сле-дующим пунктам: если нынешние Советы не выражают волю рабо-чих и крестьян, немедленно провести перевыборы Советов тайным голосованием; дать свободу слова и печати для рабочих и крестьян; освободить всех политических заключенных социалистических партий, а также всех рабочих и крестьян, красноармейцев и матро-сов, заключенных в связи с рабочими и крестьянскими движе-ния-ми; упразднить всякие политотделы, так как ни одна партия не мо-жет пользоваться привилегиями для пропаганды своих идей и по-лучать от государства средства для этой цели; немедленно снять все заградительные отряды; упразднить коммунистические боевые отряды во всех воинских частях; отменить все преимущества ком-мунистов; дать полное право действия крестьянам над своей зем-лей, разрешить свободные кустарные промыслы. «Решительный момент настал, — призывал революционный комитет линейного ко-рабля «Севастополь» 4 марта, — сама судьба поставила нас против той власти, которая, пользуясь Вашим именем, в продолжении трехлет брала Ваши жизни, лишала Вас благосостояния, грабила Ваши деревни, бросала в тюрьмы и казнила десятки тысяч русских людей и отнимала то, ради чего свершилась Февральская революция, от-нимала все свободы. В этот момент нет колебаний, нет сомнений... Знайте, граждане матросы, что вся многострадальная, измученная и истерзанная Россия с вами».⁵⁹

Моряки Кронштадта поднялись не против Советов, а против монополии большевиков на политическую власть, за вос-становление поправных прав и свобод, провозглашенных рево-люцией. Правительство объявило выступление кронштадтцев бело-гвардейским мятежом и бросило на его подавление огромные силы.

Почти вся Россия вздыбилась против утвердившегося режи-ма. Причины этого массового движения коренились в разру-шительных свойствах свирепой продовольственной разверстки, непомерных многочисленных трудовых повинностей крестьян и неограниченным ничем и никем насилием властей. Главный боль-шевистский историк М.Н. Покровский, по горячим следам собы-тий, писал в 1922 г.: «Центр РСФСР был охвачен сплошным коль-цом крестьянских восстаний от приднепровского Махно до при-волжского Антонова».⁶⁰

На подавление этих и других повстанческих очагов были брошены уже не карательные отряды, как это было при Временном правительстве, а целые армии. На восставших обрушились самые жестокие кары вплоть до применения артиллерии, бронепоездов и аэропланов. Реализовывались указания Председателя правительст-ва Владимира Ленина о подавлении «кулаков-кровопийц» «образ-цово беспощадно» и приказы Председателя Реввоенсовета Льва Троцкого пройтись «по спине украинского кулачества горячим утюгом», подавить кронштадтский мятеж «железной рукой».61 М. Тухачевский, руководивший расправой над тамбовскими крестья-нами, не остановился даже перед использованием газов. Но и эти акции оказались недостаточными. Комиссар главного управления водного транспорта Гразкин, побывавший в декабре 1920 г. в Ки-рилловском уезде Вологодской губернии, с большой тревогой пре-дупреждал Центр: «Если до весны никаких решительных шагов... не предпримем, то можем оказаться перед попыткой крестьянского реванша».62

Перед большевиками встала жесткая дилемма: либо вызвать на себя обвал общероссийской крестьянской войны, либо временно отказаться от своих узкопартийных иллюзий. В страхе перед всероссийской «Вандеей» ленинское руководство выбрало второй путь — перешло к Новой экономической политике, отменившей продраз-верстку, разрешившей частную торговлю и предпринимательство. Новая экономическая политика была фактически вырвана у власти восставшим народом. Ленин был вынужден признать, что крестья-нянские восстания, продолжение мер «военного коммунизма» «оз-начали бы, наверняка, крах Советской власти и диктатуры пролета-риата».63

ПРИМЕЧАНИЯ

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. Издание седьмое. М., 1953. С. 479, 487, 488.

2. Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891 — 1922. М., 2000. С. 320-321.

3. Известия наркомпрода 1920 г. № 1 — 2. С. 50.

4. ЦАОДМ. Ф. 1588. Оп. 1. Д. 37. Л. 8.

5. Государственный архив Пензенской области. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 340, Л.125.

6. Систематический сборник декретов и распоряжений правительства по продовольственному делу. Книга 5. М., 1921. С. 534.

7. Андреев В.М. Под знаменем пролетариата. Трудовое крестьянство в годы гражданской войны. М., 1981. С. 78.

8. Центральный государственный архив Московской области (далее ЦГАМО). Ф. 7135. Оп. 1. Д. 2. Л. 70.

9. Стрижков Ю.К. Продовольственные отряды в годы гражданской войны и иностранной интервенции. 1917 — 1921. М, 1973 С. 266.

10. Государственный архив Тамбовской области. Ф. 1236. Оп. 1. Д. 781. Л. 1; Д. 765. Л. 34, 35; ГАПО Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 274. Л. 22.

11. РГВА. Ф. 25883. Оп. 4. Д. 57. Л. 143.

12. Трудовая неделя. Сергиев Посад. 1919. 9 июня.

13. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 451-452; Т. 52. С. 45, 357.

14. ЦАОДМ. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.

15. История СССР. № 6. 1990. С. 102.

16. Стрижков Ю.К. Указ. соч. С. 212, 298.

17. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 298. Л. 20; Д. 489. ЛЛ. 254-256.

18. Государственный архив Рязанской области. Отдел документов партийных и молодежных организаций (далее ГАРООДПМО). Ф.1. Оп.ГД. 264.Л.33.г

19. Известия Тверского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 15 января 1919г.

20. Письма во власть. 1917 — 1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М, 1998. С. 173.

21. Там же. С. 247-248.

22. Там же. С. 246, 188,242.

22.а РГАСПИ. Ф. 17. Оп.65. д.489. Л.318.

23. Гепферт В.П. Указ. соч., С. 37; РГАЭ.Ф. 478. Оп. 9. Д. 28. Л. 108; Восьмой Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских, казачьих депутатов. 22-29 декабря 1920 г. М., 1920. С. 146.

24. Третье Всероссийское продовольственное совещание. М, 1921. С.31; Шелест П. Судьба ходока. Изд. 2. М, 1973. С. 10.

25. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 9. Д. 28. Л. 108.

26. Поляков Ю.А. Указ, соч., С. 71; Гордеев Г.С. Указ, соч., С. 129; Андреев В.А. Основные элементы крестьянского хозяйства в 1916, 1920 и 1924 гг. Костром. 1924, С. 9; РГАЭ. Ф. 478. Оп. 29. Д. 14а. Л. 3, 4; Сельское хозяйство (М)., 1922, № 9-10, С. 5. 31.

27. Кириллов И.А. Указ, соч.. С. 163; РГАЭ Ф. 478. Оп. 17. Л. 142. Л.3.

28. Продовольствие и революция. М., 1923. № 5 — 6. С. 54.

29. Теодорович И. О государственном регулировании крестьянского хозяйства. Речь на заседании фракции РКП (б) VIII съезда Советов. М. 1921. С. 7.

30. Обзор сельского хозяйства Пензенской губернии. Ч. 1. Пенза. 1922. С. XII; Деревня на новых путях. Андреевская волость Костромской губернии и уезда. (Материалы обследования). Кострома. 1925. С. 42.

31. Сельское хозяйство. М., 1922. № 9-10. С. 5; Опыт монографического описания дер. Курово Дмитровского уезда. М., 1923. С, 10.

32. Вестник Московского областного союза кооперативных объединений. 1919. №3-4. С. 7.

33. Статистический ежегодник 1918-1920 гг. Т. VHI. Вып. 2. М., 1922. С. 113; История социалистической экономики СССР. Т. 1. М., 1976. С. 305.

34. ГАРООДПМО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97. Л. 35, 36; РГАЭ. Ф. 478. Оп 9. Д. 28. Л. 108.

35. См. Ленинский сборник. Т. 34. С. 376-377; Т. 35. С. 145-146.

36. Труды сельскохозяйственной секции института экономических исследований Народного Комиссариата финансов. Т.1. Петроград. 1921. С. 6.

37. Гордеев Г.С. Сельское хозяйство в войне и революции. М.-Л. 1925. С. 121; РГАЭ. Ф. 478. Оп. 29. Д. 14а. Л. 5-7; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 489. Л. 18.

38. Ленин В.И. Полн. Собр. соч. Т. 42. С. 147. 39. Там же. С. 145.

40. Там же. С. 158.

41. Восьмой Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Стенографич. отчет. М., 1921. С. 42.

42. См. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 145, 147.

43. Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997. С.136.

44. ЦАОДМ. Ф.2. Оп.9. Д.48. Л.13.

45. Вопросы истории. № 1. 1992. С.28.

46. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919—1921 гг. «Антоновщина». Документы и материалы. Тамбов. 1994. С.79 — 80.

47. Судьбы российского крестьянства. М.,1996. С.125.

48. Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД... С.279.

49. Там же. С.281.

50. На страже. Боевые действия Красной Армии в Воронежской губернии. Воронеж. 1928. С.71, 72, 73, 85.

51. Френкин Михаил. Трагедия крестьянских восстаний в России 1918-1921 г. Иерусалим. 1987. С.122, 123; Газета «Труд». 7 февраля 1991; Вопросы истории № 6. 1998. С. 54.

52. Вопросы истории № 6. 1998. С.55,56.

53. Корушин Т.Д. Дни революции и советского строительства в Ишимском округе (1917 — 1926 г.). г. Ишим, Уральской области. 1926. С.58 — 59.

54. Там же. С.60-61.

55. Корушин Т.Д. Указ. соч. С.50; Вопросы истории № 6. 1998. С.61.

56. Вопросы истории № 6. 1998. С.54.

57. Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1983. С.54.

58. Письма во власть 1917-1927. Указ. соч. С.205.

59. Вопросы истории. № 4. 1994. С. 16, 17. 19.

60. Покровский М.Н. Контрреволюция за 4 года. М.,1992 С.5, 6.

61. Дмитрий Волкогонов. Троцкий. М.,1992. С.288,298,220.

62. Генкина Э.Б. Государственная деятельность В.И. Ленина (1921-1923 гг.). М., 1969. С.81.

63. Ленин В.И. Полн. собр. Соч. Т.43. С.30.

VIII. ПЕРЕХОД К НЭПУ. ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ПРОЦЕССА

В исторической науке споры о новой экономической политике, введенной в марте 1921 г., не утихают. Одни считают ее «золотым веком» в истории Советского государства, другие называют «сумерками революции», провалом очередного эксперимента, третьи рассматривают нэп лишь как тактический маневр большевиков, их попытку удержаться у власти в острокризисной ситуации. Как ни странно, в каждом из этих определений, есть, на наш взгляд, доля истины.

Совершенно очевидно, что четко разработанной концепции нэпа у большевистского руководства не было. Даже на VIII Всероссийском съезде Советов, в декабре 1920 года, в обстановке уже завершившейся гражданской войны, при выработке плана мирного хозяйственного строительства ни в докладе В.И. Ленина, ни в выступлениях делегатов, военно — коммунистические методы управления страной под сомнение не ставились. Только меньшевик Ф.И. Дан, полемизируя с вождем, заявил:

«Продовольственная политика, основанная на насилии, обанкротилась, ибо хотя она и выкачала триста миллионов пудов хлеба, но это куплено повсеместным сокращением посевных площадей ... глубоким упадком сельского хозяйства».1 Да один из делегатов (Швецов) бросил с трибуны упрек властям: «Поберегите мозолистую шею крестьянина, она у него трещит». VIII съезд Советов поддержал «партийную линию» и все его решения не выходили за рамки «военного коммунизма».2

Однако не прошло и трех месяцев, как массовые восстания крестьян, недовольство рабочих и выступление кронштадтских моряков в марте 1921 года, заставили руководство Республики экстренно сменить курс и перейти к нэпу с отменой ненавистной крестьянству продразверстки и разрешением свободной торговли. Спонтанный переход к новой экономической политике, отсутствие четких ее ориентиров, сопротивление части партийных функционеров новому курсу, породили вскоре немало противоречий, непоследовательности и явных парадоксов в действиях властей. Не успели отменить продразверстку с заменой ее натуралогом и провозгласить свободную торговлю, как в телеграмме за подписью Ленина и Молотова Сибирскому Бюро ЦК РКП Сибирскому ревкому, Сибирскому продовольственному комитету от 2 июля 1921 года предписывалось: «принять самые решительные меры к прекращению свободного обмена хлебных продуктов, не останавливаясь перед полным закрытием базаров и проч., проводя в широких размерах принудительный обмен, для чего продаппарат Сибири должен быть подкреплён воинской силой». 30 июля схожие указания даны всем губернским и областным комитетам партии.3

Начались метаморфозы с продналогом. Введенный с целью стимулирования хозяйственной деятельности крестьян и почти в два раза уменьшенный по сравнению с продразверсткой, на практике он во многих местах Центрального Черноземья, в Пермской и других губерниях выколачивался теми же силовыми методами, как и продразверстка в 1920 году, причем, при завышенных заданиях. Крестьянин И.Ф. Чернышев из Саратовской губернии в письме М.И. Калинину от 15 ноября 1921 года жаловался: «В нашей волости производился сбор проднатурнала. Берут проднатурнал, а выходит хуже прошлогодней разверстки... Разъясните нам, как избавиться от таких держимордов».4 В Московской губернии размер налогового задания превзошел разверстку 20-го года более чем в два раза. К тому же сверх продналага стали облагать сельских жителей подворно-поимущественным, общегражданским и другими налогами. Особенно обременительным для деревни стал трудгуж-налог, который отвлекал в самую страдную пору и работника и лошадь. Не случайно, как пишет Д.В. Ковалев, волокаламские крестьяне нарекли его «красной барщиной».5

Не давала покоя властям, допущенная и быстро набирающая вес, частная торговля. В ней виделась угроза социалистическим принципам. В.И. Ленин 20 февраля 1922 г. указывает Наркомюстиции Д.И. Курскому: «НКЮст должен быть ударным органом для травли частной торговли. НКЮст должен ставить образцовые процессы и на этих процессах травить до конца, не ограничиваясь штрафами в сотни миллионов, брать до 90 % прибыли, а то и пустить по миру, чтобы до смерти помнили. Ловить, выслеживать, устраивать западни и ловушки».6

Бытует мнение, будто Ленин отстаивал принцип добровольно-го кооперативного движения, а Сталин его нарушил. В действительности в статье «О кооперации» вождь разъяснял: «Нам нужно ... заставить всех поголовно участвовать и участвовать не пассивно, а активно в кооперативных операциях», чтобы население поняло «все выгоды от поголовного участия в кооперации». Только это, подчеркивал он, и «никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму».7 Где же здесь добровольность? Известно, что государственный монополизм так и не позволил сельскохозяйственной кооперации стать самостоятельной хозяйственной и общественной организацией; постоянно нарушался частный интерес, право собственности и все то, что составляло стержень добровольного кооперативного движения. Тем более, никаких уступок не допускалось в политической сфере. Когда бывший лидер оппозиционной группы «демократического централизма» Т.С. Сапронов в письме Ленину в декабре 1921 года предложил пойти хотя бы на «видимость уступок», «поиграть в парламентаризм», ввести во ВЦИК десяток-другой «бородатых мужиков», да по «паре-тройке бородачей» посадить в губисполкомы — это было категорически отвергнуто. Государственная власть должна была оставаться в руках РКП (б).8

Но даже усеченные уступки рыночным отношениям позволили в короткий срок более или менее успокоить деревню, разоренную «военным коммунизмом», оживить хозяйственную жизнь, улучшить снабжение городов и дать надежду на стабилизацию в обществе.

Решение X съезда партии большевиков о переходе к новой экономической политике, несомненно, было крупным событием. Пришлось резко менять курс, которого неуклонно придерживались более трех лет, что нравилось далеко не всем партийным функционерам. Принятая на съезде 15 марта 1921 года резолюция «О замене разверстки натуральным налогом» и последующие постановления ВЦИК, детализирующие эту резолюцию, положили начало целой системе мер, направленных на коренное изменение экономической ситуации в стране. Это была вынужденная отчаянная попытка Ленина остановить «девятый вал» крестьянских восстаний и сохранить однопартийную систему власти.

Основные положения новой экономической политики сводились к следующему: 1. Разверстка, как способ государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража заменяется натуральным налогом. 2. Налог взимается в виде процентного или долевого отчисления от произведенных в хозяйстве продуктов. 3. Налог имеет прогрессивный характер. 4. Все запасы продовольствия, сырья и фуража, оставшиеся у землевладельцев после выполнения ими налога, находятся в полном их распоряжении — т.е. они получают право свободно реализовать их на рынке. Введенный натуральный налог был значительно ниже обязательных заготовок 1920 года. Так, по зерну продналог по сравнению с разверсткой сокращался на 43 %, по масличным семенам — в два раза, по мясу — на 74,5 %, по маслу — на 36,1 %, по льноволокну — в 15 раз.⁹

Ответственность за уплату продналога возлагалась на отдельного хозяина, а применявшаяся при разверстке предшествующих лет круговая ответственность деревенских жителей отменялась. Это создавало стимулы для более эффективного ведения индивидуального хозяйства. Упразднены заградотряды и заградпосты. Крестьянин мог свободно реализовать плоды своего труда на рынке. Большое значение имело законодательное разрешение на аренду земли и применение наемного труда, правда, с некоторыми ограничениями. С 1 декабря 1922 года вводился в действие принятый ВЦИК Земельный кодекс. Он давал право каждому земельному обществу выбирать ту форму землепользования, которая отвечала его интересам и соответствовала природным и экономическим особенностям региона. Среди способов землепользования, из которых предлагалось сделать выбор, были: общинный (с уравнительными переделами земли между дворами); участковый (с неизменным

размером права двора на землю в виде чересполосных, отрубных или хуторских участков); товарищеский (с совместным пользованием землей членами общества, составляющими сельско-хозяйственную коммуну, артель или товарищество с общественной обработкой земли) и смешанный (с различными способами землепользования по разным хозяйственным угодиям).¹⁰ Земельное законодательство ставило одно условие домохозяину: он должен полностью использовать землю по назначению, вести крестьянское хозяйство. И сразу же терял право на землю, как только нарушал это условие.¹¹

Понятно, что для крестьян очень важным было разрешение выделиться при желании на хутора; вести хозяйство на отрубных участках. Однако Земельный кодекс не давал крестьянам право на владение землей. Он в категорической форме подтвердил отмену «частной собственности на землю, недра, воды и леса», объявил всю землю «собственностью рабоче-крестьянского государства». ¹² Запретил всякие сделки на землю — куплю, продажу, завещание, дарение, залог. ¹³ Фактически в Земельном кодексе возторжествовала ленинская идея национализации всей земли, что совершенно не устраивало многих сельских тружеников. Теперь они окончательно утратили надежду на индивидуальное владение земельным участком. В условиях нэпа под давлением деревни власть вынуждена была пойти на разрешение аренды земли и найма рабочей силы, ограничила частые переделы земельных участков, разрешила крестьянам приобретение сложной сельскохозяйственной техники. ¹⁴ Вместе с тем, во всех законодательных актах о землепользовании настойчиво подчеркивалась важность и целесообразность перехода к коллективным формам ведения хозяйства.

Разрешение торговли давало возможность крестьянам свободно реализовать сельхозпродукты оставшиеся после выполнения налога, на базарах, ярмарках и приобретать промышленные изделия. Здесь, правда, возникали серьезные трудности. Крестьяне не хотели брать обесцененные рубли. Бумажная денежная масса к этому времени буквально захлестнула страну. Ленин говорил на IV конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 года: «Я думаю, что можно русский рубль считать знаменитым хотя бы уже потому, что количество этих рублей превышает теперь квадриллион*... Это — астрономическая цифра». ¹⁵

Деньги катастрофически обесценивались. 100 тысяч рублей, выпущенных в годы «военного коммунизма», были равны одной довоенной копейке. Березовый веник на базаре стоил миллион рублей. Покупателям и продавцам приходилось искать какие-то эквиваленты. Чаще всего торговля шла по реальному эквиваленту — на фунты и пуды хлеба, т.е. переводилась на хлебное исчисление. К примеру, крестьянка приносила в кооператив 10 фунтов белых грибов и хотела обменять их на ситец. Для этого требовалось сначала и ситец, и грибы перевести на «ржаные» единицы — на стоимость

ржаного хлеба, а потом уже проводить обменную операцию.¹⁶ Ста-новилось очевидным; государству необходимо было оздоровить финансы, упорядочить денежное обращение.

Советское руководство решило поэтапно провести денежную реформу. В основу ее была положена деноминация — укрупнение денежной единицы. Реформа проводилась с 1922 по 1924 год. На-чалась с выпуска в 1922 году новых денежных знаков. Один новый рубль, обменивался на 10 тысяч рублей, находившихся ранее в об-ращении. Такие обменные операции проводились еще дважды: в 1923 году вес рубля вырос в 100 раз, а выпущенный в 1924 году казначейский билет достоинством в 1 рубль обменивался уже на 50 тысяч рублей выпуска 1923 года. В результате весомость советско-го рубля выросла с 1921 по 1924 год в 50 миллиардов раз.¹⁷ Купю-ры печатались достоинством в 1, 3, 5 рублей. Чеканились медные и серебряные монеты. Одновременно с 1922 года стал выпускаться «червонец», ставший конвертируемой валютой. Покупательная способность «червонца» была достаточно высока — на уровне десяти-тирублевой царской золотой монеты.¹⁸

Переход к твердой денежной единице укрепил рубль, обеспе-чил стабилизацию цен, позволил нормально вести торго-вые опера-ции. Денежная реформа, несомненно, благотворно сказалась на экономике страны и, прежде всего, в аграрном секторе.

Однако первый год нэпа не дал ожидаемых результатов. Во-первых, деревня еще не доверяла новому повороту в политике большевиков и посевная площадь яровых хлебов не только не вросла по сравнению с 1920 годом, а даже сократилась. Во-вторых, в 1921 году на Россию обрушилось страшное стихийное бедствие. 25 производящих губерний Поволжья, Дона, Северного Кавказа и Украины были поражены сильнейшей засухой. Во многих районах голодало большинство населения. 6 млн. крестьянских хозяйств фактически вышли из строя. Голод сопровождался вспышками эпидемий тифа, малярии, «испанки» и пр. Десятки тысяч людей бежали из пораженных бедствием мест. Резко увеличилось число нищих, бродяг, возросла смертность, детская беспризорность. К маю 1922 года от голода и болезней погибло около 1 млн. крестьян и 2 млн. детей осиротели.¹⁹

Неурожай и голод в огромной степени затруднили сбор перво-го продналога. Валовый сбор хлебов из урожая 1921 года составил лишь 1 689 142 тыс. пудов (против 2 082 607 тыс. пудов в 1920 г.).²⁰ И тем не менее введение натурналога оправдало себя. Если весной 1921 года еще наблюдалось значительное сокращение посевов, как результат настороженности деревни и ее недоверия политике большевиков. То уже осенью 1921 года, несмотря на огромные трудности, вызванные неурожаем и гольдом, был

зафиксирован рост посевов, за исключением голодающих губерний. По РСФСР в целом озимый клин увеличился.²¹ Видимо, в массе своей крестьянское население увидело в натуральном налоге, пока еще может и не особенно отчетливо, обнадеживающие перспективы. Вселяла надежду и допущенная частная торговля.

В информационных сводках ВЧК осени 1921 года нашла отражение вся гамма политических настроений и поведения деревенских жителей в первую продналоговую кампанию — от раздражения и недовольства до прямого отказа сельских сходо́в платить продналог, как это было, к примеру, в деревне Хирино Бронницкого уезда Московской губернии;²² от колебаний и сомнений — к пониманию преимуществ продналога перед продразверсткой и готовности добросовестного выполнения его. В секретных сводках ВЧК порой анализируются и действия местных властей. Приведем некоторые документы: «Среди крестьян наблюдается недовольство Советской властью и РКП вследствие различных налоговых обложений, — сообщалось из Вятской губернии. — Продналога до 1 октября собрано только 26,6 % задания. В октябре... к неплательщикам начали применять репрессивные меры. К 10 ноября по губернии были подвергнуты аресту 4089 человек, преданы нарсуду 1311, суду ревтрибунала — 78 человек».²³ «Продналог сдается только под давлением властей, — докладывают из Тамбовской губернии. — В некоторых местах среди продработников развито пьянство и взяточничество. В Кирсановском уезде имели место случаи грубого обращения с крестьянами и незаконные аресты. Арестованы были 30 человек, даже выполнившие до 90 % продналога».²⁴ Из Тверской губернии доносили, что «в некоторых селах ввиду категорического отказа населения от уплаты продналога приходится применять к налогоплательщикам репрессивные меры... Для продналоговой кампании организуется продотряд»;²⁵ «Имелись случаи групповых отказов от сдачи продналога. Подвергнуты аресту 6 642 неплательщика, переданы народу 3 683» (Нижегородская губ.).²⁶ Как видно, власти еще не сумели перестроиться, найти новые подходы к деревне и часто прибегали к методам «военного коммунизма».

Вместе с тем, по линии ВЧК шло все больше сообщений с мест о повороте в настроении крестьянства. «Продналог поступает интенсивно, — докладывали из Тульской губернии. — Приемный пункт работоспособен... Отношение середняков и кулаков к продналогу хорошее. Последние добровольно и охотно везут таковой в ссыпункты».²⁷ «Политнастроение крестьян удовлетворительное, — сигналили из Пермской губернии, — поступление налога проходит успешно. Сарапульский и Осинский уезды выполнили продналог полностью».²⁸ Из Орловской губернии еще более радужная оценка — «Материальное положение крестьян-середняков и кулаков хорошее. Отношение крестьян к Советской власти и РКП в общем удовлетворительное. Отношение к нэпу, товарообмену и кооперации доброжелательное. К антисоветским элементам — враждебное».²⁹

И действительно, изменения настроения селян в лучшую сторону происходили. Это стало особенно заметно в 1923, когда собирали приличный урожай, преодолели голод. На рынках и базарах все больше появлялось в свободной торговле продовольствия и фабричных изделий. В городах, как грибы, росли лавки и лавочки. Писатель Чуковский Н.К. вспоминал: «Мы уехали весной 1921 года из Петрограда военного коммунизма, а осенью вернулись в Петроград нэповский. На всех углах открылись частные лавочки... Валютчики на Невском приставали к прохожим и предлагали доллары, марки, франки».30 Государственные и частные магазины наполнились, уже забытым за годы «военного коммунизма», ассортиментом всевозможных товаров. Андрей Платонов так описывал впечатления своего героя, вернувшегося в родной город в начале нэпа: «Сначала он подумал, что в городе белые. На вокзале был буфет, в котором без очереди и без карточек продавали серые булочки... Два-нов решил, что это нарочно, и зашел в лавку. Там он увидел нормальное оборудование торговли, виденное лишь в ранней юности и давно забытое: прилавки под стеклом, стенные полки, усовершенствованные весы вместо безмена, вежливых приказчиков вместо агентов продбаз и завхозов, живую толпу покупателей и испускающие запах сытости запасы продуктов»;31 на базе бывшего губ-продкома висела завораживающая вывеска: «Продажа всего всем гражданам. Довоенный хлеб, довоенная рыба, свежее мясо, собственные соленья».32 Менялась картина и в деревне. Академик Минц И.И. вспоминал, как в одной из деревенских лавок Подмосковья он видел в те времена еще более экзотическую вывеску: «Здесь есть все — ситец, соль, спички, мыло, колесная мазь, сахар, ландрин, керосин и другие деликатесы».

Однако только деревня начала вставать на ноги, как тут же государство ввело непомерно высокие цены на промышленные товары, необходимые крестьянскому хозяйству. Возникли в 1923 году так называемые «ножницы». Теперь крестьянину, чтобы купить плуг, требовалось продать 150 пудов зерна, а за пуд гвоздей отдать 50-60 пудов пшеницы. Это было в 7-8 раз дороже, чем в 1913 году.33 По справедливому замечанию Н.Г. Рогалиной в экономике все отчетливее стали действовать два фактора: рынок и власть. Причем, власть постоянно пыталась что-то отнять обратно из «уступленного нэпу».34

Но стоило недовольству деревни достичь значительного накала, партийному руководству пришлось опять идти на уступки. Провозгласили лозунг «Лицом к деревне», снизили цены на промтовары, ослабили государственную фиксацию твердых цен на хлеб, ввели единый денежный налог, заменивший все остальные, отменили аресты неплательщиков в административном порядке, сократили практику штрафов за долги и пр. Н.И. Бухарин в апреле 1925 года даже обратился к крестьянам с призывом: «Обогащайтесь!». Однако тотчас последовал окрик Сталина. От Бухарина потребовали отказаться в печати от «ошибочного» лозунга и он незамедлительно это сделал. Редактора же «Комсомольской правды», где лишь косвенно был поддержан бухаринский призыв, по решению Политбюро сняли с работы.35

Эти зигзаги новой экономической политики были вполне предсказуемы. Ее и не собирались вводить «всерьез и надолго», как обещал Ленин. Известный советский экономист Ларин Ю. (он же Лурье М.А.) на собраниях, съездах и в печати требовал «коммунистической реакции», т.е. прекращения дальнейшего экономическо-го отступления, перестройки фронта для вытеснения частного капитала, поворота к усилению планового руководства государства всей хозяйственной жизни, «ориентацией в деревне на батрака, маломощного и на низового середняка».36

Рыночные отношения допускались в дозированном виде. Крестьянину давали понять, что путь к укреплению единоличного хозяйства бесперспективен. Поддерживались и поощрялись налоговыми и кредитными льготами лишь коллективные и бедняцкие хозяйства.

Такую двойственную природу нэпа четко изложил в 1925 году Сталин: «нэп есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма, при наличии командных высот в руках пролетарского государства, рассчитанная на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов ... на постройку фундамента социалистической экономики. Кто не понимает этой переходной, двойственной природы нэпа, тот отходит от ленинизма».37 Как видно, новая экономическая политика никакой состоятельности не предполагала, она нацелена была на борьбу «в ущерб элементам капиталистическим» и исход этой борьбы был предрешен. В. Маяковский, прекрасно понимавший конъюнктурность этой политики, успокаивал ее ярых противников — ортодоксальных партийцев:

«Многие товарищи повесили нос,

— Бросьте, товарищи!

Очень не умно-с.

На арену!

С купцами сражаться иди!

Надо счетами бить учиться.

Пусть «всерьез и надолго»,

но там,

впереди,

может новый Октябрь случиться».38

Новая экономическая политика со всеми ее уступками и лавированием зигзагами и поворотами и не могла быть иной. Дозволенные экономические свободы не сопровождались реформированием политической системы. Главнейшим фундаментальным противоречием нэпа оставалась несовместимость рыночных отношений и коммунистической идеологии. И, тем не менее, даже скромные успехи хозяйственной жизни в начале нэпа рождали у людей надежды на лучшее.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Восьмой Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, крас-ноармейских и казачьих депутатов. Стеногр. отчет. М., 1921. С.42.
2. Там же. С. 137.
3. В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891 — 1922. М., 2000. С.454, 463 — 464.
4. Письма во власть. 1917 — 1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998. С. 278.
5. Ковалев Д.В. Подмосковное крестьянство в переломное десятилетие. 1917- 1927. М., 2000. С. 68, 72.
6. Гимпельсон Е.Г. Политическая система и нэп: неадекватность реформ. //Отечественная история. № 2. 1993. С. 30.— 119
7. Ленин В.И. Полн. собр.соч., Т. 45. С. 372.
8. Гимпельсон Е.Г. Указ. соч. С. 30.
9. История социалистической экономики СССР. М, 1976. Т. 2. с. 35.

10. Законы о трудовом землепользовании. М., 1922. С. 49.

11. Там же. С. 12- 13.

12. Земельный кодекс РСФСР. М., 1923. Ст. 1,2 .

13. Там же. Ст. 27.

14. Справочник партийного работника. М., 1923. Вып. 3. С. 172.

15. Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т. 45. С. 283.

16. Платонов О.А. Терновый венец России. Указ. соч. С. 680.

17. Мельникова А.С. Твердые деньги. М., 1973. С. 42, 43, 66.

18. Там же. С. 49.

19. Поляков Ю.А. 1921-й: Победа над голодом. М., 1975. С. 27.

20. Сборник статистических сведений по союзу ССР. 1918 — 1923. М., 1924. с. 131.

21. Отчет Наркомзема X Всероссийскому съезду за 1922 год. М., 1923. С. 20.

22. Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. Указ. соч. С. 668.

23. Там же. С.711 — 712.

24. Там же. С.706.

25. Там же. С.688 — 689.

26. Там же. С.717.

27. Там же. С.683.

28. Там же. С.703.

29. Там же. С.702-703.

30. Известия. 28 февраля. 2001.

31. Платонов Андрей. Чевенгур. Роман. Издательство «Советская Рос-сия». 1989. с. 369-370.

32. Там же. С. 369.

Автор: В.М.Андреев, Т.М. Жиркова
27.05.2011 11:15

33. Платонов О.А. Терновый венец России. Т. 1. М., 1997. с. 680; История коммунистической партии Советского Союза. М.. 1959. С. 356.

34. Рогалина Нина. Утопии рыночного социализма. //Родина. № 2. 1993. с. 29.

35. Сталин И.В. Сочинения. Т. 7. М., 1947. С. 382 — 383.

36. Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь. Гарант. М., 1989. С. 486.

37. Сталин И.В. Указ. соч. С. 364.

38. Маяковский Владимир. Полн. собр. соч., Том четвертый. 1922 — фев-раль 1923. М. 1957

IX. ПРОРЫВЫ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ И НОВЫЕ ТРУДНОСТИ

К 1925 г. восстановительные процессы в народном хозяйстве страны подошли к завершению. К этому времени аграрный сектор в основном достиг своих довоенных показателей, хотя, как под-черкивают исследователи, несмотря на впечатляющие темпы вос-становления за начало отсчета бралась самая низшая точка.¹ Срав-нительно быстрому экономическому возрождению деревни спо-собствовали хозяйственные преобразования, проводимые совет-ской властью. К ним, в первую очередь, следует отнести меро-приятия по совершенствованию системы налогообложения, кото-рысуществовали в общем контексте финансовой реформы, по-зволившей руководству страны не только остановить инфляцию к 1924 г., но и ввести новую валюту — червонец. Теперь все расчеты по сельскохозяйственному налогу проводились не в натуральной, а денежной форме. Это значительно упростило принци-пы обложе-ния и возродило интерес крестьян к результатам своего труда, ведь имеющиеся излишки продуктов снова могли легально продаваться на рынках. Одновременно было принято решение объявлять нор-мы налоговых ставок весной, чтобы дать возможность сельхоз-производителю заранее рассчитать сумму налогового сбора. Пред-полагалось учитывать и последствия возможных неурожаев, уменьшая размеры ставок.²

В октябре 1924 г. РКП (б) провозгласила новый курс «лицом к деревне», и в первые месяцы 1925 г. началась подготовка к про-ведению экономических реформ на селе. Апрельский (1925 г.) пленум РКП (б) к первоочередной отнес задачу по облегчению и упорядочению налогообложения.³ В осуществлении решений пле-нума в Московской, Тверской и Тульской губерниях налоги в среднем были снижены на 57%. К примеру, тульские крестьяне в 1924 г. уплачивали с 1 десятины пахотной земли 4 руб. 28 коп. на-лога, а в 1925 г. всего 1 руб. 81 коп. С мест сообщали, что единая налоговая компания протекает довольно успешно. В Калужской губернии налог поступал исключительно деньгами и хлебно-заемными облигациями. Экономическое положение калужских крестьян признавалось в общем удовлетворительным. Идентичное положение сложилось и в Смоленской губернии, хотя здесь экономическое положение селян, ввиду недорода, было тяжелым.⁴ Тем не менее, несмотря на предпринятые властью усилия, вместо 470 млн. руб. сельхозналога в 1925 г. удалось реально собрать по стране лишь 330 млн. руб.⁵ Действительно, план по сдаче единого сельскохозяйственного налога не был полностью выполнен ни в одной губернии РСФСР. Так в Ивано-Вознесенской губернии он составил 70,66% от итоговой суммы, в Рязанской — 57,3%, в Ор-ловской — 75,2%, в Тверской — 76%.⁶

Постепенно основная тяжесть налогового гнета стала возла-гаться на зажиточное крестьянство, что соответствовало предложе-ниям апрельского (1926 г.) пленума ЦК ВКП (б). Наиболее обеспе-ченная часть деревни выплачивала и большую часть единого сель-скохозяйственного налога, который, несмотря на агитационные ло-зунги и утверждения властей о его стабилизации, с начала 1926 г. неуклонно продолжает расти. Это было связано как с покрытием бюджетного дефицита, так и с необходимостью новых капиталов-вложений в промышленность, источником для которых,

разумеется, становилась деревня. В 1925/26 г. советское крестьянство вы-платило 252 млн. руб. налога, а в 1926/27 г. уже 358 млн. руб.⁷ В Московской губернии налог в этот период составил 5,5 млн. руб.⁸ Жители Тверской губернии в 1925 г. собрали 1,5 млн. руб. налога, а в 1926 г. 5,4 млн. руб.⁹ Несмотря на очевидную разницу в суммах, мы можем, со значительной долей уверенности, говорить о том, что это финансовое давление деревня могла еще выдержать, так как речь шла не о разорении и ликвидации товарных хозяйств, а лишь о некотором сдерживании их общего роста. Доказательством этому может служить минимальное увеличение числа разделившихся дворов, например, в Тульской губернии. В 1924 г. таких дворов бы-ло 2,40 %; в 1925 г. — 2,62 %; в 1926 г. — 2,68 %.¹⁰ Анализируя ста-тистический материал, английский историк А. Ноув пришел к вы-воду, что до 1925 г. руководство страны предполагало действовать в рамках нэпа, осуществляя борьбу с частником лишь экономиче-ски, посредством более эффективного управления государственной торговлей и промышленностью.¹¹

Следует заметить, что в данный период еще окончательно не сложилась система широкого внеэкономического принуждения, поэтому к тем собственникам, кто имел задолженности или со-вершал экономические проступки, применялись достаточно мяг-кие судебные-административные взыскания. Согласно циркуляру Тверского губисполкома от 24 апреля 1925 г. при первичном обнаружении неучтенных объектов их просто включали в налогообло-жение. Однако повторное утаивание или предоставление заведомо ложных сведений могло повлечь уже судебную ответственность.¹² Циркуляр от 8 ноября 1925 г. уточнял правила выставления на торги крестьянского имущества в случае существенных недоимок. Описи и продаже не подлежали земельные и промысловые орудия; семена, необходимые для посева; не снятый урожай; одна корова, одна лошадь или заменяющий ее скот.¹³ В Московской гу-бернии на крестьян, не заплативших вовремя налог, налагался штраф в размере от 1 до 5 руб. в зависимости от суммы задолжен-ности.¹⁴ Вместе с тем, начиная с 1926 г. более широко стали при-меняться такие меры наказания как лишение свободы и принуди-тельные работы. Так, в Бронницком уезде Московской губернии с сентября по декабрь 1926г. количество заключенных под стражу увеличилось в полтора раза.¹⁵

В 1925 г., следуя намеченному курсу «лицом к деревне», XVI партконференция приняла решение о переходе от административ-ных мер борьбы с частным капиталом к либерализации внутридеревенских отношений. III съезд Советов (май 1925 г.) предложил пойти на уступки крестьянам в области ценовой политики. Пред-принимались конкретные шаги, облегчающие использование наем-ного труда, расширяющие свободу земельных отношений: допуска-лась долгосрочная аренда, ликвидировались маломощные совхозы, устанавливалась 25-процентная скидка с подесятинной оплаты зем-леустроительных работ на всей площади крестьянских земель, что, безусловно, ускоряло этот процесс.¹⁶ Предоставленная сельскохо-зяйственным производителям возможность использовать внутрен-ние резервы стала благоприятной почвой для возрождения аграрно-го сектора.

Деревня незамедлительно отреагировала на хозяйственные преобразования, осуществляемые властями. В первую очередь это коснулось производительной сферы села. В 1923-1925 г. наблюдается рост посевных площадей в большинстве губерний Центрального промышленного района. В Московской губернии он составил почти 348 тыс. га, в Тверской — 919 тыс. га, в Тульской — 116 тыс. га.¹⁷ Клин яровой пшеницы по стране с 1922 по 1925 г. увеличился на 91%, ячменя — на 41,3%, овса — на 34%.¹⁸ Хотя неурожай 1924 г. несколько снизил общие показатели, но он не смог переломить наметившуюся положительную тенденцию. Для закрепления достигнутых положительных результатов, государство стало поощрять и поддерживать крестьян в вопросе приобретения сельскохозяйственной техники, широко привлекая систему кредита. Если в 1922/23 г. правительство выделило деревне на эти цели 3,5 млн. руб., в 1923/24 г. — 6,9 млн. руб., то в 1924/25 г. — уже 28,4 млн. руб., в 1925/26 г. — 52 млн. руб.¹⁹ Размер кредита достигал почти половины стоимости сельскохозяйственного инвентаря. Причем, срок погашения кредита зависел от сложности и, следовательно, стоимости машин и выделялся на 1-5 лет.

Достаточно быстрыми темпами расширялась площадь пахотных земель. Хлеборобы, углубляя товарность своих хозяйств, постепенно совершенствовали систему обработки земли, осуществлялся переход от трехполья к многополью. С реорганизацией системы обработки земли менялась и структура посевов. Многопольная система предусматривала не только посевы ржи, пшеницы, но и производство технических культур. Предпочтение отдавалось тем видам, которые могли быть легко реализованы и имели устойчивый спрос. Как следствие, увеличиваются посевы овса, льна, масличных культур, сахарной свеклы и табака.²⁰ Рост производства важнейших культур сопровождался возрождением порайонной специализации сельского хозяйства, определенным прогрессом в агротехнике, распространением более урожайных семян и т.п. Это позволяло поднимать продуктивность хозяйства.

Заметные сдвиги произошли и в заготовках льна, которые с 1923/24 г. по 1925/26 г. выросли более чем в два раза, а снабжение промышленностью — более чем в три раза. Этого оказалось достаточно, чтобы не только превысить довоенную загрузку промышленности, но и отправить часть льна на экспорт.²¹ К тому же, в условиях продолжавшегося сохранения острого недостатка промышленных товаров деревня также использовала увеличение посевов льна для расширения в 1,5 раза переработки льноволокна и производства дмотканых тканей, по сравнению с дореволюционным уровнем.²²

Одной из наиболее привлекательных культур для крестьянина продолжал оставаться

картофель, производство которого была в среднем около 100-110 тыс. тонн. В Московской губернии, к при-меру, в 1924 г. было собрано 94,0 тыс. тонн картофеля. В 1925 г. этот показатель увеличился до 116,4 тыс. тонн.²³ В Тульской губернии за два года было собрано 103950 тонн картофеля, а в 1926 г. — 113431 тонн.²⁴

Реорганизация системы обработки земли сказалась на росте производства кормовых трав и на размерах посевных площадей под однолетними травами. Неблагоприятные погодные условия 1925 года несколько уменьшили показатель валового сбора сена, но ситуация выправилась к 1926 г.²⁵ В 1926 г. жители Подмосковья значительно расширили площади занятые однолетними травами: в 1925 г. — 21,5 тыс. га., а в 1926 г. — 34,9 тыс. га.²⁶ Это, безусловно, содействовало развитию мясного и молочного животноводства. Именно ему крестьяне уделяли особое внимание, так как доходы от реализации молока и мяса (пользующихся устойчивым спросом на городских рынках), занимали важное место в структуре крестьянского бюджета.

К 1925 г. деревня смогла превысить довоенную планку в численности поголовья свиней, крупного и мелкого рогатого скота, однако значение свиноводства в крестьянских хозяйствах было еще невелико.²⁷ В 1924-1926 гг. более интенсивно происходил процесс воспроизводства стада, так как крестьяне, занимаясь селекцией, не стремились реализовать молодняк на рынках. Успешными следует признать мероприятия по восстановлению конского поголовья, проводившиеся в соответствии с решениями III Всесоюзный съезд Советов (май 1925 г.) В частности, в Московской губернии поголовье лошадей увеличилось в 1,2 раза, в Тверской и Тульской губерниях соответственно в 1,1 и 1,4 раза.²⁸ Тягловую силу стремились приобрести те хозяйства, которые лишились ее в годы гражданской войны или нуждались теперь в связи с наделением их землей.

В итоге, уверенный подъем животноводческой отрасли благотворно сказался на росте и усилении сельскохозяйственного производства, что в свою очередь вселяло в единоличника надежду на «взаимовыгодное сотрудничество» с властью.

Активная роль в таком сотрудничестве отводилась кооперации, которая должна была стать посредником между аграриями и государством. К 1926 г. удельный вес кооперированных крестьянских хозяйств в СССР достиг 35 процентов. К сентябрю 1926 г. 36 % жителей Подмосковья были заняты в различных формах кооперации.²⁹ С 1923 г. руководство страны стало уделять значительное внимание идее производственной кооперации. Особой популярностью среди деревенских жителей пользовались ТОЗы, так как они, сохраняя значительные элементы индивидуального хозяйства, при этом решали важную для крестьян проблему улучшения обработки земли. В Московской

губернии в 1925 г. было зарегистрировано 67 товариществ по совместной обработке земли.³⁰ В Тульской губернии вчетверо выше — 267, а в Тверской работало только 3 товарищества.³¹ Положительно воспринимали крестьяне и деятельность артелей, особенно если в губернии или уезде такие объединения работали эффективно. Примером для тульских крестьян являлась артель «Луна» в д. Лукино, которая работала дружно, имела племенной скот на коллективных началах, а также оказывала помощь местной школе. Такое образцовое хозяйствование повлияло на жителей соседних сел Никулино и Глинище, где 30 домохозяев также приняли решение об организации артели.³² А вот существующие коммуны, в большинстве своем, не пользовались авторитетом среди деревенских мужиков, что объясняется не только высокой степенью обобществления собственности, но и их неэффективной работой. В частности, обследование коммуны КИМ, находящейся в Бронницкой уезде и состоящей всего из 5 человек, выявило ее большую задолженность по кредиту и крайне слабую работу.³³

К вновь создаваемым коллективным хозяйствам селяне относились с большой опаской, несмотря на существенную помощь, которую государство им оказывало. Осторожность крестьян вполне понятна, ведь доверие к аграрной политике большевиков было попорчено в период «военного коммунизма» и возрождалось медленно, с большим трудом. Между тем, ВКП (б), исходя из идеологических соображений, все больше делала ставку на коллективные хозяйства. Их землеустройство проводилось в первую очередь, причем большую часть расходов брали на себя административно-хозяйственные органы. Инструкция Тверского губисполкома рекомендовала при отводе земли сельскохозяйственным коллективам выдавать ссудный кредит до 90% таксовой стоимости работ.³⁴ Значительные скидки предоставлялись колхозам в приобретении сельхозинвентаря и сложной техники. Несмотря на это, процесс численного увеличения и укрупнения колхозов шел медленно. Так, в Тверской губернии в 1924 г. насчитывалось 85 колхозов, в 1925 г. — 91, а в 1926 г. всего 59.³⁵ Численность колхозов в Московской и Тульской губерниях была выше и составляла к 1926 г. 287 и 208 соответственно.³⁶ По данным ЦСУ, в середине 1927 г. на отдельный колхоз приходилось 13 крестьянских хозяйств, 50-52 га. посевов, 3-4 лошади, 6-7 голов крупного рогатого скота, 9-10 овец, 4 свиньи. Стоимость обобществленных средств производства исчислялась всего в 4 тыс. руб.³⁷

С целью интенсификации производственного кооперирования власть стала увеличивать масштабы льгот. На всей территории СССР к 1925 г. скидка по сельскохозяйственному налогу для коллективных хозяйств достигала 25%, а более трети вообще были освобождены от уплаты налогов.³⁸ Однако большинство колхозов Московской, Тверской и Тульской губерний платили налог на уровне середняцкого хозяйства или даже несколько выше. Так на одну колхозную семью в этих губерниях приходилось 35 руб. налога; на одного едока — 4 руб.; на одну десятину земли — 4 руб. 65 коп.³⁹ Показатели же обложения середняцкого хозяйства составляли на одну семью 20 руб. налога; на едока — 4 руб.; на одну десятину земли — 4 руб. 45 коп.⁴⁰ Очевидно, такая

налоговая практика была связана с небольшим количеством губернских колхозов, а также с их невысокой рентабельностью. К тому же партийные функционеры в этот период продолжали рассматривать колхозы как одну из возможных форм развития производственной кооперации, но отнюдь не единственную.

Таким образом, к концу восстановительного периода аграрный сектор, при поддержке государства, смог не только приблизиться к до-военным уровню, но и по некоторым показателям превысил его. Прорыв, осуществленный в сельском хозяйстве, благоприятно сказался на социально-экономическом развитии деревни, способствовал росту посевных площадей, увеличение поголовья скота, положительно повлияв на товарность сельскохозяйственной продукции, в следствие чего оживилась повседневная жизнь села, жители которого стали задумываться о реальных перспективах будущего сотрудничества с властью.

Вместе с тем, реализация принципов нэпа в сельском хозяйстве была сопряжена и с новыми трудностями. В начале 1925 г. власти впервые столкнулись с кризисом хлебозаготовок. В Тульской губернии возникла реальная угроза голода, причем, по некоторым данным, число недополучающих хлеба колебалось в пределах 83 тысяч человек.⁴¹ Оценивая ситуацию, автор статьи в журнале «Тверской край» резюмировал, что общая тенденция среди крестьян воздерживаться от продажи хлеба. При анализе потоков продажи хлеба он приводит следующие данные: «12 волостей сбывают хлеб на ближайших базарах, 8 — в местных кооперативах и лишь 3 волости государственным органам».⁴² Ожидание сельхозпроизводителями более высоких цен на хлеб вызвало раздражение у власти, начались разговоры (инициируемые самими верхами) о крестьянском саботаже.

— 126-Изменения в налоговой системе, увеличение денежной массы, в том числе за счет кредитов, привело к росту количества продуктов, выброшенных на рынок. У Сталина и его окружения создалось впечатление, что платежеспособность деревни неконтролируемо поднималась. Чтобы погасить ее были пересмотрены цены на промышленные товары и снижены закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию. К примеру, в Тульской губернии закупочные цены на растительное масло в 1924 г. составляли 25 коп. В 1925 г. масло у населения покупали уже за 23 коп., а в 1926 г. всего за 18,5 коп.⁴³ «Ножницы цен» взрастившие в 1923 г. кризис сбыта, в 1925 — 1926 гг. привели к так называемому «товарному голоду», который «есть та же инфляция, но только скрытая, в том числе и под рассуждением о диспропорции в развитии промышленности и сельского хозяйства, к которой она на самом деле никакого отношения не имеет, и иметь не может».⁴⁴ Лишь высокий урожай 1926 г. позволил на время решить хлебную проблему.

Следует подчеркнуть, что большевики не умели руководить экономикой экономическими мерами. По мнению ряда историков, все нэповские мероприятия имели политизированный, идео-логический налет: «если налог, то классовый; если кредит, то це-левой; если прибыль, то социалистическая; если аренда, то крат-косрочная».45 Действительно, руководство страны, опасаясь пере- рейти грань, за которой деревня станет неуправляемой, стало по-степенно сворачивать те уступки, которые им были сделаны.

Столкнувшись с серьезными трудностями, представители власти пытались найти решение в административно-хозяйственной плоскости, установив твердые обязательные цены для государственной, кооперативной и частной торговли, снижая цены на промышленные изделия и поднимая заготовительные це-ны, хотя III съезд Советов в своих резолюциях гарантировал кре-стьянству гибкое государственное регулирование. В результате, такая ценовая политика «под самым святым предлогом борьбы с кулаком, помогла бедноте, как волк помог лошади, когда от нее остались хвост и грива».46

В связи с медленными темпами хлебозаготовок в конце 1925 г., право торговли хлебом для частных было резко ограничено, хотя еще летом единоличная торговля в Московской, Тверской и Тульской губерниях специально была освобождена от промыслово-го налога.47 Вмешательство государства способствовало переводу товарных потоков в кооперативную торговлю (увеличив долю гос-торговли) и уменьшило товарооборот частного.

Апрельский (1926 г.) пленум ЦК ВКП (б) и XV партийная конференция требовали использования всех средств экономическо-го подъема деревни в интересах социализма. С 1926 г. начинается перестройка системы налогообложения. Теперь в поле зрения нало-говых органов попадают не только доходы от основных отраслей хозяйственной деятельности крестьянина, но и от второстепенных, таких как садоводство, огородничество и т. д. В окладные листы включаются доходы от кустарных промыслов и неземледельческих заработков. Для единоличных хозяйств вводится «самообложение», прекращается доступ к кредитам, идут в ход принудительные зай-мы, резко повышается подоходный налог не только на зажиточные, но и на средние слои деревни. Курский крестьянин В.С. Халин в письме «Всесоюзному старосте» в 1926 г. горько сетует: «У серед-няков уже и так горб вырос, как у верблюда».48 Растерянность и уд-рученность односельчан высказывает крестьянин Д.А. Васюков из Вологодской губернии: «К великому сожалению, всех передовых крестьян, стремящихся поднять свое хозяйство по-культурному, одергивают и создают такие условия, что какой бы ни было пере-довик не захочет больше продвигать свое хозяйство вперед».49 Из-менения в системе

обложения привели к потере крестьянского интереса к трудоемким отраслям земледелия, что проявилось в значительном росте площадей под многолетние травы. Сельхозпроизводители фактически забрасывали свою пашню под сенокос. Если в Московской губернии в 1925 г. под многолетними травами находилось 45,8 тыс. га., то в 1926 г. — 72,6 тыс. га., а к середине 1927 г. — уже 120,1 тыс. га.⁵⁰ Одновременно в Подмоскovie начинает уменьшаться посевная площадь, занятая под озимыми: 1924 г. она равнялась 41,7% от общей посевной площади, в 1925 г. — 41,3%, а в 1926 году — 38,2%.⁵¹ Это было неслучайно, так как налоговые нововведения заставляли крестьян переориентироваться на травопольно-молочно-огородное производство.

В системе сельскохозяйственной кооперации шире, чем раньше, начинает применяться практика дифференцированных вступительных взносов в зависимости от социального статуса. Частично было ограничено кредитование верхушки деревни. По свидетельству современников: «крепких в кооперацию не принимают. Крестьян разделили, а кооперацию разорили и разложили»⁵². Вместе с тем, кредитование бедноты осуществлялись бесперебойно, из специального фонда. Тульские крестьяне из средств фонда получили в 1924 г. 249 тыс. руб., в 1925 г. — 1 млн. 354 тыс. руб., а в 1926 г. — 2,5 млн. руб.⁵³

Смещение акцентов в пользу директивных механизмов происходит также и в области поземельных отношений. По решению местных властей работы по разверстыванию на хутора и отруба проводились в последнюю очередь. На их проведение выделялось не свыше 50-процентной таксовой стоимости.⁵⁴ Одновременно правительство приняло решение о значительном сокращении предоставления кредитов единоличным хозяйствам для приобретения сельхозмашин. 3 декабря 1926 г. Совет Труда и Оборony запрещает дальнейшую продажу тракторов и других сельхозмашин единоличникам, вскоре сокращается до одного года сроки аренды земли, вводятся всевозможные барьеры по найму рабочей силы в сельском хозяйстве и только через «батрачкомы», принимается решение запретить субаренду, «ограничить эксплуататорские тенденции кулака».⁵⁵ Эти действия вызвали недовольство среди жителей деревни, что привело к некоторой стагнации аграрного сектора. Можно утверждать, что ее основная причина кроется в наметившейся с весны 1926 г. такой корректировке нэпа, которая снижала его потенциал и хозяйственную привлекательность для сельских тружеников. Здесь и отказ от неналоговых методов накопления, и товарный дефицит, и ошибочная ценовая политика. Как следствие, крестьянские хозяйства в эти годы продолжают сохранять направленность на самообеспечение всем необходимым.⁵⁶

Тщетные попытки руководства страны справиться с рыночной стихией привели не только к свертыванию кампании «лицом к деревне», но и сужали рамки новой экономической политики в аграрном секторе. И хотя время с 1925 по 1927 гг.

действительно явля-лось благоприятным для села, можно согласиться с мнением ряда историков, что это был слишком короткий период, чтобы появилась целостная и всеохватывающая система.⁵⁷ Возникшие трудности и противоречия требовали постепенного и весьма деликатного реше-ния, которое не должно было лежать в плоскости внеэкономическо-го принуждения.

Но большевики избрали другой путь. Давление партийно-государственного администрирования все сильнее сказывалось на крестьянском хозяйстве, заставляя искать пути самосохранения, подталкивая единоличников к новой конфронтации с господ-ствующей политической и экономической системой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Данилов В.П. Коллективизация сельского хозяйства в СССР /История СССР. № 5. 1990. С.8
2. РГАСПИ. Ф. 17.Оп.112. Д. 732. Л. 140.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. Т3. М., 1984. С. 344.
4. Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. С. 175-176.
5. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 179. Л. 65.

6. Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. С. 189.

7. История крестьянства. Советское крестьянство. Т. 1. С. 356

8. Ковалев Д.В. Подмосковное крестьянство в переломное десятилетие 1917:1927. М.: «Прометей». 2000. С. 103.

9. Отчет Тверского губернского исполнительного комитета за 1924-25гг. к XIV съезду Советов. Тверь. 1926.С. 109

10. Статистический справочник по Тульскому округу. Тула. 1929. С. 178.

11. А. Ноув. О судьбах НЭПА. /Вопросы истории. №8. 1989. С. 172.

12. Бюллетень Тверского губисполкома№2. Май. 1925. С. 13.

13. Бюллетень Тверского губисполкома№8. Ноябрь 1925. С. 18.

14. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 1173. Л. 201.

15. ЦАОДМ. Ф. 1581. Оп. 1.Д. 130. Л. 97. Об.

16. Ковалев Д.В. Подмосковное крестьянство в переломное десятилетие 1917-1927. М., 2000. С.80.

17. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 17. Д. 122. Л. 54.

18. История крестьянства. Советское крестьянство. Т.1. С.275.

19. Там же. С. 274.

20. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 23. Д. 8. Л. 394.

21. История крестьянства. Советское крестьянство. Т. 1. С. 277.

22. Там же. С. 276.

23. Москва и Московская губерния. Статистико-экономический справочник 1923/24-1927/28 гг. М. 1929. С.398.

24. Отчет Тульского губернского исполнительного комитета за 1925-26 гг. Тула. 1927. С. 51.

25. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 3232. Л. 23.

26. Москва и Московская губерния. Статистико-экономический справочник г. Москвы и Московской губернии 1923/24-1927/28. М: Моск. стат. отд., 1929. С. 398

27. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 4. Д. 918. Л 34.

28. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 17. Д. 122. Л.12.

29. Статистический справочник СССР за 1928 г. М., 1929. С.785, 791.

30. На борьбу с разрухой (Тульская губерния в период восстановления народного хозяйства 1921-1925 г.) Тула. 1980. С. 161.

31.Краткие сведения о состоянии сельского хозяйства в Московской губернии. С. 15. Статистический справочник по Тверской губернии. Тверь. 1929. С. 409.

32. Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. С. 269.

33. ЦАОДМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 130. Л. 78.

34. Бюллетень Тверского губисполкома № 3. Июнь 1925. С. 29.

35. Тверская губерния в 1926 — 28 гг. Тверь, 1929. С. 27.

36. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 6222. Л. 24; РГАСПИ. Ф. 17. 6п. 21. Д. 1822 Л.18.

37. История крестьянства. Советское крестьянство. Т. 1. С.376

38. Там же. С.300

39. Тверской край № 5. Май 1926 г. Тверь. 1926. С. 20.

40. Там же.

41. ГАРФ. Ф. 7820. Оп. 1. Д. 64. Л. 94.

42. Полосин И. Тверская деревня в 1924-25 г. / Тверской край №3. Март 1926. С.11-12.

43. На борьбу с разрухой (Тульская губерния в период восстановления народного хозяйства 1921-1925 г.) Тула. 1980. С.166.

44. Симонов Н.С. Советская финансовая политика в условиях НЭПа (1921-1927) /История СССР. № 5. 1990. С. 53.

45. Дмитренко В.П. Четыре измерения НЭПа // НЭП. Приобретения и потери. М., 1994. С. 38.
Кужба О. А. Местные органы власти в 1925-1927 г //НЭП: завершающая стадия/ Соотношение экономики и политики. М.,1998. С.167.

46. К.Д. Савченко — И.В. Сталину. /Известия ЦК КПСС. 1989. №8. С. 204.

47. БюллетеньТверсокго губисполкома № 5. Август 1925. С. 24.

48. Письма во власть... Указ.соч. С. 472.

49. Отечественная история. № 1. 1993. С. 200.

50. Москва и Московская губерния. Статистико-экономический справочник г. Москвы и Московской губернии 1923/24-1927/28. М: Моск. стат. отд., 1929. С. 398

51. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 23. Д. 8. Л. 394.

52. К.Д. Савченко — И.В. Сталину /Известия ЦК КПСС. 1989. №8. С. 205.

53. На борьбу с разрухой (Тульская губерния в период восстановления народного хозяйства 1921-1925 г.) Тула. 1980. С. 160.

54. Бюллетень Тверского губисполкома № 3. Тверь. 1925. С. 29

55. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. I Издание седьмое. М. 1953. С. 850, 927, 851.

56. Рогалина Н.Л. Новая экономическая политика и крестьянство. В кн НЭП. Приобретения и потери. М., 1994. С. 141

57. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. С. 16

Х. НЭП И КРЕСТЬЯНСКИЙ МИР

Общий хозяйственный подъем 20-х годов постепенно изменял и социально-экономическую структуру деревни. Большие подвижки в земледелии и животноводстве способствовали сокращению беспосевных, безлошадных и бескоровных хозяйств, увеличилось количество хозяйств с посевом более 10 десятин. В 1923-1926 г. на базе экономического подъема деревни еще ярче обозначилась социальная дифференциация крестьянских хозяйств.

Что же представляли собой в 1923-1926 г. основные группы крестьянских хозяйств? По данным крестьянских бюджетов Центрального промышленного района бедняцкое хозяйство в этот период располагало средствами производства, средней стоимостью 235,1 руб. Оно являлось малопосевным (до 3 десятин), безлошадным (около 66% хозяйств) и более 20% хозяйств были бескоровными.¹ Значительная часть бедноты сдавала землю в аренду, так как не могла самостоятельно справиться с ее обработкой. По данным НК РКП СССР около 84% бедняцких хозяйств являлись сдатчиками земли в аренду. Те хозяйства, которые все же осваивали землю, зачастую прибегали к найму скота и инвентаря за неимением собственного. Более 70% бедняцких хозяйств Черноземного центра вынуждены были нанимать рабочий скот, 64% хозяйств — инвентарь, 26% хозяйств — сдавать землю в аренду. Аналогичные показатели по Центральному промышленному району равны соответственно 63, 50 и 50%.² Причем, формой оплаты найма чаще всего выступали отработки, найм за хлеб, найм за деньги, смешанный найм. Так по данным из 5 волостей Киевской, Тамбовской, Самарской, Смоленской и Московской губерний нанимали лошадь: за отработки — 41%, за хлеб — 33%, за деньги — 3%, смешанно — 16%, бесплатно — 7%. На натуральные формы оплаты приходилось 75% случаев аренды лошадей. В 1925 г. 43% бедняцких хозяйств почти целиком зависели от чужих средств обработки или сочетали использование своего инвентаря и скота с наймом чужих, а также супрягой.³ Практически все бедняки деревень Московской, Тверской и Тульской губерний выступали как продавцы рабочей силы, которая должна была в месячный срок зарегистрирована нанимающими хозяйствами.⁴ В РСФСР в 1924/25 г. 56% хозяйств отчуждали рабочую силу.⁵ Производственная помощь, налоговые льготы и кредитная политика размывали бедняцкий слой. Ярким показателем положения крестьянского хозяйства является структура его доходов и расходов. Данные бюджетных обследований показывают

низкий уровень доходов и расходов, а также их неблагоприятное соотношение в этой группе сельхозпроизводителей. В 1924/25 г. в расходах бедноты от 87 до 90% принадлежало личному потреблению, на покупку товаров хозяйственного потребления приходилось от 1,8 (Тамбовская губерния) до 6,8% (Смоленская губерния). Доход же в бедняцком хозяйстве по отдельным районам колебался от 163 до 276 руб., причем поступления от продажи своей рабочей силы составляли от трети до половины чистого дохода. При этом доходы бедняцкой группы отставали по темпам роста от доходов всех иных социальных слоев.⁶ Часть этих хозяев так и не сумевших наладить свое производство порывала с землей и уходила в города. Другие становились сельскохозяйственным пролетариатом, который выступал как продавец рабочей силы и был весьма неоднородным по составу. В частности, в подмосковной деревне 42,1% батраков имели рабочий стаж до 3 лет, 32,8% — стаж до 10 лет.⁷ Зачастую численность сельскохозяйственного пролетариата была подвержена сезонным колебаниям. Лишь небольшая часть бедняцких дворов смогла не только восстановить свои хозяйства, но и перейти в разряд середняков.

Семья середняка к 1925 г. в среднем включала в себя 3,8 едока, 2,3 работника, имела 4,4 десятины посева, 1,1 лошади, 1,4 коровы. Производственные фонды хозяйства стоили 998,5 руб., а средства производства 767,2 руб.⁸ В составе последних основное место принадлежало рабочему скоту (37% стоимости), затем постройкам (24%) и запасам (22%), наконец, сельскохозяйственному инвентарю (17%).⁹ Избыток средств производства и рабочих рук, в данной группе хозяйств Московской, Тверской и Тульской губерний способствовал тому, что их большая часть (около 92%) прибегала к аренде земли. Исследователи тех лет отмечали положительное воздействие аренды земли на середняцкие хозяйства. Как показывали выборочные обследования, в середняцких дворах, прибегавших к аренде земли, запашка увеличивалась на 25-30%.¹⁰ В Тульской губернии число хозяйств арендующих землю в 1924 г. равнялось 1439, а в 1925 г. уже 1785. Из них — бедноты 34,9% (в 1925 г. — 27,7%), середняков — 61,7% (в 1925 г. — 68,2%), кулаков — 3,4% (в 1925 г. — 4,1%).¹¹ Циркуляр Тверского губисполкома разъяснял, что сдача земли в аренду должна допускаться беспрепятственно, хотя категорически запрещал передачу арендуемой земли в субаренду.¹² Кроме того, середняки активно сдавали в наем средства производства, которые как уже говорилось, пользовались повышенным спросом у бедняцкой части деревни. Так, по бюджетным данным 1924/25 г. 15 % середняцких хозяйств по Центральному промышленному району и 22% по Центрально-земледельческому району нанимали средства производства, а сдавали их соответственно 25 и 42%.¹³

Еще одной группой сельхозпроизводителей являлись так называемые кулацкие хозяйства. В 1924-1926 гг. по стране в целом насчитывалось 728 тыс. таких хозяйств, что составляло 3,3% общей численности единоличных хозяйств. Общеизвестно, что вопрос об отношении к зажиточной верхушке деревни дебатировался в партийной среде еще в 1924 — 1925 г. Было совершенно неясно, по каким критериям разделять крестьянство, и

дискуссии об этом носили весьма острый характер. С одной стороны, руководство страны по-прежнему не считало, что существует экономическая необходимость роста благосостояния крестьянства, а с другой стороны, оно не могло уйти с позиций классовой борьбы, которая, безусловно, была несовместима с политикой развития производительных сил в аграрном секторе. Зажиточного крестьянина пытались оценивать и по стоимости средств производства, и по масштабу применения аренды и найма. Однако единой позиции по данному вопросу не существовало. Какой же была верхушка деревни в эти годы?

Стоимость средств производства в кулацких хозяйствах Московской, Тверской и Тульской губерний была в 7,5 раз выше стоимости средств производства в бедняцких хозяйствах и в 2 раза выше, чем в середняцких.¹⁴ В основном зажиточные крестьяне развивали свое производство не за счет улучшения обработки земли (большинство крупных хозяйств в этот период были малопосевными), а за счет аренды и сдачи внаем инвентаря. По данным крестьянских бюджетов за 1924-1926 гг., 44% этих хозяйств прибегали к аренде земли, 16-17% — скота и инвентаря, а сами сдавали в аренду землю, скот и инвентарь — 39-40%.¹⁵ Это способствовало увеличению доходности в данной группе хозяйств и давало возможность расширять сферу своей деятельности. В 20-х годах доходы предпринимательской группы превышали доходы бедняцкой группы в 4-5 раз, а середняцкой — 2-2,5 раза.¹⁶ Существенным источником пополнения бюджета зажиточного хозяйства являлся такой «наим», когда сам состоятельный крестьянин с лошадью, инвентарем «нанимался» в хозяйства середняков и бедняков под видом сдельного рабочего. Весьма распространена была польщина — обработка земли чужим скотом и инвентарем за половину собранного урожая. Из видов найма особым преимуществом пользовались поденный и краткосрочный.

Противоположный полюс деревни был представлен сельско-хозяйственным пролетариатом. Если накануне введения нэпа в стране насчитывалось 816,2 тыс. наемных рабочих, то в 1924/25 г. — 2184 тыс. человек. Значительная часть батрачества по-прежнему главной своей целью считала приобретение собственного хозяйства. М.И. Калинин говорил об этой крестьянской мечте так: «У каждого батрака есть всегда стремление сделаться крестьянином, мелким хозяйчиком». ¹⁷ И у некоторых это действительно получалось.

Несмотря на заметный экономический подъем, быт деревни в эти годы изменился чрезвычайно мало. Внешний вид селений, состояние домов и построек улучшались крайне медленно. Грязные улицы, покосившиеся заборы, заброшенные колодцы — такую безрадостную картину можно было встретить почти в каждом селе. Однако среди этого уныния, порой то здесь, то там поблескивала на солнце новая крыша, появлялся рядом с состоятельным двором еще один сруб, начинали ремонтироваться общественные

постройки. Деревня постепенно оживала. Одной из самых серьезных проблем оставалось для крестьян конокрадство. Тверской губернский Ад-министративный отдел сообщает, что в 1925 г. было украдено по Тверскому уезду 58 лошадей (найдено 30), по Ржевскому — 38 лошадей (найдено 14), по Бежецкому — 82 лошади (найдено 27). Приказом №82 требовалось «углубить работу и повернуть лицо к крестьянину в этом вопросе», так как потеря рабочего скота зачастую была для жителей села невосполнимой утратой.¹⁸ Встречались и другие виды правонарушений. Так в Бронницком уезде, по докладу уполномоченного Мосгубсуда, особенно часто фиксировались случаи самогонварения, хулиганства, краж, шинкарства. Справиться с ростом правонарушений сельские власти пытались не только с помощью милиции, но и привлекая комсомол, женотделы и культурно-просветительские комиссии.¹⁹ Рост этих общественных организаций в 20-х г. продолжался, но темп его оставался невысоким. В частности, к 1926 г. в деревнях РСФСР численность комсомольцев увеличилась с 890 до 1055 тыс. Однако сверка учетных материалов с наличием членов сократила эту цифру до 1015 тыс.²⁰

Социальный облик деревенских комсомольцев был преимущественно крестьянским. По данным формального учета в составе комсомольских ячеек насчитывалось 3,7% рабочих, 12,5% батраков, 41,9% бедняков, 34,6% середняков и 7,3% служащих.²¹ В решение наиболее острых вопросов сельской жизни «партийная смена», чаще всего, участия не принимала. Это объясняется как и достаточно юным возрастом комсомольцев, так и их экономической несамостоятельностью. В основном молодежь привлекали к пропагандистской и культурно-просветительской работе. Тем более, что партийное руководство стало уделять этому направлению повышенное внимание. Так в постановлении Президиума ВЦИК от 18 сентября 1924 г. «О проведении культурно-просветительской работы в деревне» отмечалось, что «эта деятельность должна занять виднейшее место во всей нашей работе. Все органы власти Союза ставят эту задачу, как насущнейшую».²² А в постановлении ВЦИК от 15 октября 1924 г. «О мероприятиях по народному просвещению» подчеркивалась крайняя необходимость и неотложность переноса центра внимания Наркомпроса на село. Волостные и сельские Советы были обязаны вести наблюдение за исправным состоянием школ, принимать меры к ликвидации безграмотности и повышению культурного уровня населения, содействовать политико-просветительской работе, распространению среди хлеборобов изданий советской печати, развитию самодеятельности сельского населения.

Однако эти меры, улучшающие культурное строительство, были направлены не на весь деревенский мир, а лишь на его бедняцкую часть, что в конечном итоге способствовало дальнейшему расколу среди земледельцев. Об этом в своем выступлении на совещании секретарей деревенских ячеек недвусмысленно говорила Н.К. Крупская: «Надо дать знания, и дать знания не деревне вообще, а главным образом бедняцким и середняцким слоям: дать грамотность... дать знания законов советских, дать умение пользоваться книгой и газетой. Дать им это — значит вооружить их для борьбы, которая идет в

деревне».23 Но искусственно насаждаемая классовая борьба не могла заглушить интереса всей крестьянской массы к политическим, социально-экономическим и культурным вопросам. Деревенские мужики хотели знать — как они будут жить дальше?

Удовлетворению их интереса способствовала деятельность изб-читален, красных уголков, школ и пр. Наблюдался бурный рост культурных учреждений, открывавшихся по местной инициативе. «Внесетевые» избы-читальни содержались, в большинстве случаев, за счет населения, а избачи работали либо на общественных началах, либо за минимальное вознаграждение. Такие избы-читальни зачастую работали лучше государственных, несмотря на то, что материального обеспечения им не хватало.

Широкое распространение на селе получили и красные уголки, которые не только являлись своеобразным филиалом изб-читален, но и занимались ликвидацией неграмотности. Иногда на местах образовывались и так называемые «дикие» красные уголки и «курилки». В обычных крестьянских избах собирались хлеборобы обсудить самые насущные проблемы своей нелегкой жизни; они вели «вольные», как считали власти, разговоры. Это очень беспокоило местный актив, который боялся потерять контроль над своими односельчанами. Поэтому с подобными «самодеятельными учреждениями» велась непримиримая борьба.

Постепенно стало повышаться значение школ в деревне. Улучшалось и их материальное положение. В 1924/25 г. СНК РСФСР в счет сметы 1925/26 г. отпустил 1 млн. руб. на бесплатное снабжение сельских школ I ступени учебниками, 1 569 тыс. на снабжение письменными принадлежностями и 500 тыс. руб. на наглядные пособия, педагогическую и детскую литературу. Эти средства удовлетворяли потребности в учебниках от 30 до 70% учащихся.24 Политическим содержанием были пронизаны новые буквари, которыми начиная с 1924 г. деревня снабжалась в миллионах экземпляров. Все буквари строились по общему принципу: разъяснение в популярной форме основ Советской власти и политики РКП (б). С 1925/26 г. курс политграмоты стал обязательным в обучении взрослых.

В середине 20-х г. усилилась и агрокультурная пропаганда. Деревенское население участвовало в работе сельскохозяйственных советов, получало знания в сельскохозяйственных кружках. Существовали и другие кружки. В 1925/26 г. в РСФСР функционировало 25 018 кружков при избах-читальнях. Из них: театрально-драматические (24,5% общего числа), общественно-политические (20,3), культурно-просветительные (10,4), корреспондентские и газетные (4,8), музыкальные и

хоровые (2,7), литературно-художественные (2,6), физкультурные (1,7), кооперативные (1,6), естествознания (1,03), военные (0,8), авиа — радио — кинокружки (0,7), юридические (0,6), санитарные (0,2), прочие (6,7%).²⁵

Разнообразным кружкам требовались не только квалифицированные преподаватели, но и специальная литература, которой в деревне практически не было. Книжный фонд сельских библиотек в 1924 г. продолжал оставаться неудовлетворительным. В нем преобладали агитационные брошюры периода гражданской войны, а кое-где еще сохранились экземпляры монархической литературы. В 1925 г. началась чистка библиотек, которая к 1927 г. была в основном закончена. Однако охват грамотного деревенского населения библиотечной сетью в 1926-1927 гг. колебался по различным районам страны от 3,5 до 10%.²⁶

Своеобразным заменителем книжной продукции для хлеборобов призвана была стать крестьянская периодика. Наиболее массовыми газетами по аграрной тематике стали такие издания как «Крестьянская газета», «Беднота» и другие. Именно по их типу строились предназначенные для крестьян губернские издания (дешевизна, понятный язык, крупный шрифт и т.п.)

В 20-х г. в российской глубинке появился кинематограф. В то время Ленинградский государственный оптический завод приступил к массовому производству передвижной киноаппаратуры. Однако, как и радио, кинематограф на селе продолжал оставаться большой редкостью. Несмотря на это большевики старались использовать любые возможности и средства для пропаганды своих идей и взглядов, активно внедряя в сознание деревенских мужиков новые идеологические клише.

Пытаясь расширить свою опору в деревне, Советское правительство проводит с сентября 1924 г. по апрель 1925 г. в два этапа выборы в местные советы. Результаты первого этапа (сентябрь — декабрь 1924 г.) явились весьма неутешительными для большевистского руководства. Так, в Уральской области в начале 1925 г. несмотря на административное давление, оказанное на деревенское общество, в сельских Советах число зажиточных крестьян составляло 5,5% общего числа их членов, а в райисполкомах — 3,8%.²⁷ Было решено провести второй этап выборов, объяснив его целесообразность многочисленными нарушениями советской демократии. Кроме того, в этих выборах участвовало крайне малое количество сельских избирателей. В 1924 г. в среднем по РСФСР явка избирателей в сельской местности составила 36,9% против 37,2% в 1923 г., в Белоруссии — 35,5% против 45,3% в 1923 г.²⁸ Среди подмосковных крестьян на избирательные участки пришло лишь 29,3% имеющих право голоса.²⁹

Президиум ЦИК СССР 29 декабря 1924 г. признал необходимым отменять выборы в тех местах, где явка избирателей была ниже 35%, или где были нарушены инструкции о выборах. Формальное отношение местных органов к выборам, слабость агитационной и организационной работы, незаконное лишение части крестьян избирательных прав, администрирование при выдвижении кандидатов в Советы — все это вело к недовольству хлеборобов, влияло на их политическую активность. Тульский журнал «Авангард», выполняя социальный заказ властей, так писал о настроениях крестьян, накануне нового тура выборов: «Среди крестьянства пробудились все те нездоровые настроения, которыми деревня вообще богата: тут и уравнительность, и «ревность» к рабачему, и собесовские требования к партии и государству и даже — антисемитизм».30 Безусловно, такие или подобные им разговоры велись селянами, но ведь возникали они не на пустом месте, а как реакция на непродуманную политику руководства страны, да и значение их было явно преувеличено властью. Отсюда, вполне объяснимое желание ангажированных журналистов опорочить крестьян и доказать нелегитимность прошедших выборов, результаты которых не устроили партийных чиновников. В октябре 1924 г. было принято решение о расширении прав местных Советов: ВЦИК утвердил положение об уездных и волостных съездах Советов и их исполкомах, а так же положение о сельских Советах.

Вышеназванные документы давали право Советам производить денежные займы, предъявлять судебные иски, выступать от-ветчиками по суду и т.д. Расширив права Советов, государство на-чало подготовку ко второму этапу выборов. Здесь уже партийные руководство использовало весь имеющийся у него арсенал средств, чтобы добиться желаемых результатов. 21-24 октября 1929 г. состоялось расширенное заседание Совещания по работе в деревне при ЦК РКП (б) с участием секретарей деревенских ячеек, где было уделено внимание и вопросу предстоящих выборов. Пленум ЦК РКП (б), прошедший 25-27 октября 1924 г., принял резолюцию «Об очередных задачах работы в деревне», в которой подчеркивал, что «оживлять» Советы надо за счет малоимущих крестьян. Для этого предлагалось активно задействовать школы-передвижки, комсомольские ячейки, а также организовать прием хлеборобов бедняков и маломощных середняков в партию. Решение о приеме вынес ЦК РКП (б) в этом же 1924 г. В течение года ряды коммунистов пополнились 15 734 крестьянами «от сохи», в 1925 г. в партию вступило 50 800 сельских жителей.31 Одновременно с этим примерно 700тыс. одиночников в РСФСР оказались в числе лишенных избирательных прав, что составило около 1,5% общего количества избирателей в деревне. Большая часть «лишенцев» относилась к крепким хозяйствам. Тем не менее, несмотря на широкое задействование административного ресурса, значительное число именно состоятельных крестьян были избраны в местные органы власти. Выборная кампания стала весомым предупреждением для большевиков, показывая — их политика в деревне не находит массовой поддержки. Как считает М. Венер «несмотря на громкие слова, политика партии, проводимая с весны 1925 г., оказалась в основном отброшенной назад из-за принятия новой линии на индустриализацию».32

Несомненно, новая экономическая политика оживила хозяйственную жизнь деревни, позволила увеличить сельхозпроизводство, улучшить снабжение городов, поддержать промышленность, давала надежду на стабильность в обществе. Но одновременно она вызывала социальную и имущественную дифференциацию крестьянства, что приводило к росту напряженности между различными слоями. НЭП был противоречив по сути. Дозволенные экономические свободы не сопровождались реформированием политической системы. Отсюда главное противоречие новой экономической политики — несовместимость рыночных отношений и коммунистической доктрины, что и предопределила ее демонтаж.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. История крестьянства. Советское крестьянство. Т. 1. С.286

2. Там же.

3. Там же.

4. Бюллетень Тверского губисполкома №4. Июль 1925. С. 28.

5. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 2. Д. 4. Л. 131.

6. История крестьянства. Советское крестьянство. Т. 1. С. 287

7. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 32. Д. 59. Л. 4-5.

8. История крестьянства. Советское крестьянство. Т. 1. С. 288

9. Там же.

10. Там же.

11. На борьбу с разрухой. С. 163.

12. Бюллетень Тверского губисполкома №3. Июнь 1925. С. 32-33.

13. История крестьянства. Советское крестьянство. Т. 1. С.288.

14. Там же. С. 289

15. Там же.

16. Там же.

17. Там же.

18. Бюллетень Тверского губисполкома №2. Май 1925. С. 28.

19. ЦАОДМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 130. Л. 176.

20. История крестьянства. Советское крестьянство. Т. 1. С. 394.

21. Там же.

22. Там же.

23. Там же. С. 399.

24. Там же. С. 402.

25. Там же. С. 400.

26. Там же. С. 401.

27. Там же. С. 301.

28. Там же.

29. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 22. Д. 107. Л. 178.

30. Черкасов А. Итоги изучения решений XIV партсъезда в нашей организации./Авангард №4. 1926. С. 29.

31. История крестьянства. Советское крестьянство. Т. 1. С.307.

32. Венер М. Лицом к деревне: Советская власть и крестьянский вопрос (1924-1925 г.) /Отечественная история. №5. 1993. С. 103

XI. ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ РЕАЛИИ В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ. НАСТУПЛЕНИЕ НА ДЕРЕВНЮ

Переход к нэпу, как для всей страны, так и особенно для деревни не только обеспечивал восстановление основных отраслей народного хозяйства, но и намечал перспективы поступательного развития. В рамках существовавшего мелкого крестьянского производства центральным вопросом в эти годы продолжает оставаться вопрос заинтересованности хлеборобов в конечном результате своего труда. Крайне важной для земледельцев была возможность распоряжаться произведенным ими продуктом по своему усмотрению, в сочетании с разумным регулированием рыночных отношений со стороны государства. В силу этого проблема хлебозаготовок как и прежде являлась барометром отношений между деревней и властью. К тому же власти не забывали и об экспорте. Конечно, трудности с экспортными поставками хлеба возникали у государства и раньше (как только в 1923 г. экспорт был возобновлен), но они носили, в большей степени, локальный характер. До 1927 г. большинство советских руководителей объясняли задержку реализации зерна со стороны крестьян общеэкономическими и конъюнктурными причинами. Лишь с 1927/28 г. аналогичное поведение основной массы производителей хлеба было квалифицировано партийными функционерами как контрреволюционное и спровоцированное кулачеством.¹

Смена в декабре 1925 г. руководства ЦСУ способствовала тому, что управление стало

предоставлять сведения угодные Сталину и его окружению. Это, по словам В.П. Данилова, сыграло не малую роль в деревенской трагедии.²

Санкционированные свыше цифровые манипуляции привели к переоценке производства зерна по стране в среднем на 10-20%, что автоматически взвинчивало масштабы государственных хлебозаго-товок, обеспечивая хлебом и растущие города, и экспорт. Следствием этого стали многократные корректировки хлебозаготовитель-ных планов в сторону их увеличения. В рассматриваемый период в Московской губернии одновременно существовало 4 варианта годового среза и 3 квартальных варианта хлебозаготовительного пла-на.³ Тульская губерния представила 3 варианта плана. По первому, баланс сводился к дефициту в 1000 тонн. Во втором, речь шла уже о товарном излишке в 231 тонну. В третьем, размер излишков ис-числялся в 10000 тонн.⁴ Плановая чехарда способствовало сбоям в снабжении городов продовольствием, возникшим весной 1927 г. В Московской, Владимирской, Рязанской, Псковской и некоторых других губерниях повысились цены на мясо и картофель, было зна-чительно урезано снабжение рыбой.⁵ Очереди за продуктами стали приметой времени.

Для улучшения положения на столичном хлебном рынке был предпринят ряд дополнительных мер, например, ввоз муки из дру-гих регионов, что позволило создать необходимый хлебный резерв. Кроме того, предлагалось произвести тщательный учет бедноты, батрачества и колхозников, и обеспечивать их продовольствием в первую очередь.⁶ Несмотря на предпринятые правительством шаги ржаная мука по сравнению с предыдущим годом подорожала с 1 руб.40 коп. до 1 руб. 80 коп. за кг.⁷ Крестьяне, не желая сдавать хлеб государству по мизерным ценам, и не имея возможности при-обрести необходимые им промышленные товары, старались при-держаться зерно до более высоких весенних цен или реализовать его через частника. В некоторых индивидуальных хозяйствах в случае крайней необходимости продавали скот, оставляя хлеб.

Фактически речь шла об установлении неблагоприятного для деревни соотношения цен на промышленные и сельскохозяйствен-ные товары: цены на промышленные товары постоянно росли, а на сельскохозяйственную продукцию занижались. Неэквивалентный обмен между городом и деревней на деле превратился из чрезвычайной меры в правило. Помимо обычных налогов для деревни был установлен еще и «сверхналог», «нечто вроде дани», как выразился Сталин. По первоначальному расчету такое положение должно бы-ло сохраниться в течение нескольких лет. Большевистское руково-дство решило хлеб у крестьян взять любой ценой, убедив в необхо-димости такого шага не только рядовых коммунистов, но и партий-но-государственные верхи. Протестовавший против такого подхода Н.И. Бухарин дал иную, чрезвычайно резкую характеристику по-добной политике, назвав ее «военно-феодальной эксплуатацией

крестьянства».8 Его точка зрения была поддержана и рядом других видных политических деятелей, резко критиковавших сталинскую «революцию сверху»: А.И. Рыковым (председатель Совнаркома), М.П. Томским (председатель ВЦСПС и кандидат в члены Полит-бюро), Н.А. Углановым (секретарь ЦК и МК партии) и их сторонниками. Н.И. Бухарин делал акцент на хозяйственно-экономические ошибки и просчеты самого партийного руководства. Отсюда и предлагавшаяся им альтернатива, направленная на «совершенствование работы партии и государства, на осуществление индустриализации страны и кооперирования сельского хозяйства в меру созревания объективных и субъективных условий, при сохранении и совершенствовании экономического механизма, складывающегося в годы нэпа».9 Старый большевик С.И. Сырцов в своем письме к И.В. Сталину предупреждал вождя и его окружение: «Я не хотел бы быть пророком, но хорошо знаю деревню, как потому, что вырос в ней, так и по письмам, какие в последнее время получаю... Мне кажется, что мы слишком круто поворачиваем».10 Даже далекие от экономических премудростей сельские, осознали пагубность проводимой государством политики. Газета «Московская деревня» в декабре 1927 г. опубликовала одно из типичных крестьянских писем следующего содержания: «Сейчас урожай удовлетворительный, а хлеба нет. Даже удивительно, куда он девается... Вероятно, все потому, что промышленные товары вздорожали в 3-4 раза, а на хлеб удвоенная цена. Значит, производители хлеба его не продают государству. Тут не смычка, а трещина в союзе рабочих и крестьян».11 Им вторили жители Тамбовской губернии заявляя, что «мы не против того, что хлеб стоит 70 коп. за пуд, ко-рова 40 руб., лошадь 100 руб., но пусть и ситец будет 25 коп. метр. сапоги 7 руб. и колеса не 24 руб. стан, а 10 руб.»12

Возникшие проблемы внутри страны призвана была закамуфлировать широкая идеологическая компания, главным аргументом которой стала внешняя опасность, прямая угроза войны. В 1927 г. этот аргумент «был использован сверх всякой меры, с явным пере-хлестом, и, конечно, для доказательства не только необходимости применения «чрезвычайных мер» при проведении хлебозаготовок, но и в гораздо большей мере необходимости сосредоточения власти в сталинских руках, уничтожения любой оппозиции».13

Газеты того времени пестрят статьями, нагнетающими военный психоз.14 Ухудшение отношений с Англией в 1926-1929 гг. и с Китаем в 1927-1929 гг. отнюдь не требовали всеобщей мобилизации сил внутри страны и начавшихся репрессий, обрушившихся в первую очередь на деревню. Оказанное частью высшего партийного руководства (Н.И. Бухариным, А.И. Рыковым) сопротивление военной истерии, а также активное недовольство на местах заставило Сталина временно «отыграть назад», пытаясь несколько успокоить советских граждан и тем самым ослабить разразившуюся панику. Однако факты свидетельствуют, что население в целом продолжало верить в военную угрозу, в связи с чем, активно делало продовольственные запасы. Как выразился один из участников XVIII Тверской губернской конференции, «военная опасность въезжает

нам в слишком большую копеечку, вся проблема в этом».15 Пресса Московской губернии тех лет писала: «Разговоры о войне создали в деревне нервное и тревожное настроение. Слухи о возможности войны проникают во все темные уголки и служат предметом разных сплетен. Темное крестьянство уже начинает за-пасаться продовольствием на всякий случай, боясь повторения го-лода, и даже придерживают серебряные монеты в карманах».16 В столицу с мест шли многочисленные сообщения о чрезвычайном усилении спроса на товары среди сельских жителей. Ярославские и ивано-вознесенские хлебоборобы активно скупали соль, мыло, про-дукты. Орловские крестьяне, в связи с циркулирующими слухами о скорой войне, в течение одной недели раскупили цистерну кероси-на и один вагон соли. В Рязанской губернии в кооперативных мага-зинах, в качестве вынужденной меры ввели ограничение на прода-жу соли до 10 фунтов в одни руки.17 Искусственное углубление трудностей все больше отодвигало власть от взвешенного подхода в решение острейших проблем, заменяя его применением очеред-ных репрессивных мер.

Хлебозаготовительный кризис начался в октябре 1927 г. Резкое снижение темпов хлебозаготовок, политика цен, налоговые платежи крестьянства вновь стали предметом ожесточенных деба-тов в правительственных кругах. На октябрьском Пленуме ЦК и ЦКК 1927 г. была высказана мысль о плановом влиянии на эконо-мику деревни.18 Экономист — эмигрант первой волны А. Югов пришел к заключению, что в политике коммунистической власти боролись две тенденции: одна из них требовала в интересах всего народного хозяйства содействовать подъему крестьянского хозяй-ства, другая страшилась, что ставший экономически на ноги зажи-точный крестьянин утопит в частновладельческом море социали-стическую промышленность.19 Ряд современных историков, разви-вая данную точку зрения полагают, что кампания в политике хлеб-ных цен отражала борьбу в высшем партийно-государственном ру-ководстве.20 Однако практически до конца 1927 г. действия пар-тийных чиновников в области хлебозаготовок продолжали носить подготовительный, достаточно скрытный характер, что подтвер-ждают многочисленные циркуляры, требующие обеспечить в прессе постановку такой информации, которая «не акцентировала бы излишнего внимания на переживаемых затруднениях».21

Ситуация изменилась после XV съезда ВКП (б). Ускоренное развитие промышленности, потребности в сырье и средствах при-водили к замене экономических методов управления народным хо-зяйством страны на административно-волевые. Начало 1928 г. было ознаменовано резким поворотом в аграрной политике. С новой си-лой заявил о себе хлебозаготовительный кризис. Сталин считал, что основная причина кризиса — это усиление классовой борьбы и как ее следствие — открытый саботаж со стороны зажиточных слоев де-ревни. Средство для ликвидации хлебного дефицита он видел в за-мене индивидуального сдатчика коллективным, в необходимости «покрыть все районы страны без исключения колхозами».22 Исто-риками выделяются два этапа чрезвычайных мер: январь — март 1928 г. и апрель — июнь 1928 г. В основу такой

периодизации положен размах хлебозаготовительной кампании и степень давления на крестьянство. Если на первом этапе деревня не была еще полностью экономически подорвана, то в апреле — июне 1928 г. из нее изымался уже нетоварный хлеб, необходимый для нужд крестьянской семьи. Из Московской губернии (в апреле 1928 г.) в буквальном смысле слова было выжато 225,5 тыс. тонн, что все равно составило лишь 29,3 % от намеченного плана. Майский план этих заготовок был выполнен только на 34,5 % (203,5 тыс. тонн).²³ В Орловской губернии план заготовок был выполнен всего на 25%.²⁴ Одно из объяснений невыполнения плана хлебозаготовок дал на апрельском 1929 г. Пленуме ЦК ВКП (б) сторонник Н.И. Бухарина Н.А. Угланов: «В основном нам приходится иметь дело с середняком. У кулака при всем нажиме мы смогли взять 10-15 млн. пудов, а надо 100 с лишним». ²⁵ Даже СНК РСФСР в секретном постановлении констатировал, что хлебозаготовительные планы, с одной стороны, являются «напряженными для исполнения», а с другой, «не покрывают минимальные нужды потребляющих губерний РСФСР». ²⁶ Сложившаяся ситуация требовала незамедлительного решения. Нужно было либо идти навстречу требованиям крестьянства (повышать хлебозаготовительные цены, снижать темпы хлебозаготовок, ограничивать экспорт), либо вступать в конфронтацию с большей частью населения страны. Председатель СНК СССР А.И. Рыков предлагал решать возникшую проблему не экономическими мерами, а с помощью массовой политической кампании в деревне и усиления взыскания платежей с сельских жителей. ²⁷ Тождественное мнение высказывал и народный комиссар финансов РСФСР Н. Милютин, который заявлял, что только экономическими мерами «нельзя рассосать создавшиеся затруднения» и необходимо незамедлительно принять административные меры». ²⁸ Фактически была признана невозможность изъятия хлеба у крестьян на добровольных началах.

Постепенно волна насилия стала приобретать массовый характер. Власти решили прибегнуть к экстренным мерам, апробированным еще в период «военного коммунизма». Когда всевозможные обещания и уговоры хлебозаготовителей не помогали, крестьянам начинали угрожать: «Вы не думайте, что Советская власть будет с вами церемониться, не сдадите добровольно, так 20-й год вернется, заберем хлеб и ничего не заплатим». ²⁹ Вновь стали осуществляться обыски, изымалось зерно (даже посевное). Из Рязанской губернии селяне так писали об этом в Москву родным: «Тут отбирают хлеб и так отбирают — предпишут сколько привезти пудов, а если не привезешь, то сажают и отбирают пшеницу, но вы наверное ничего не знаете, я читал в газете, где пишут, что крестьяне будто хлеб везут добровольно, но вот тут-то такая лавочка, так что крестьянам жизнь ни к черту». ³⁰ Имущество селян описывалось, продавалось с торгов. В Тульской, Рязанской и Владимирской губерниях к крестьянским хозяйствам, не продавшим в срок хлебофураж стали применять такие меры воздействия, как прекращение отпуска товаров, исключение из членов кооператива, занесение на черную доску, общественно-экономический бойкот. ³¹ В Самарской губернии милиция и советы производили облавы на базарах, выставя заградительные отряды для задержки хлеба, отбирая его и ссылая по твердым ценам; «кое-где начинал практиковаться метод вызовов кулаков с попыткой заставить их сдать хлеб. Крестьяне, даже бедняки и середняки, стали принимать меры к тому, чтобы спрятать куда-нибудь

подальше свой хлеб».32

Держателей хлеба все время преследовал страх судебных разбирательств. Резолюция о ходе хлебозаготовок Тверского губернского комитета призывала судебно-следственные органы принять активное участие при разборе дел, связанных с хлебозаготовками и в своих решениях не смазывать классовую линию.³³ От прокуратуры Московской губернии партийное руководство потребовало «ускорить проведение судебных процессов по отношению к кулацко-капиталистической части деревни, активно противодействующей хлебозаготовительной кампании, проводя судебные процессы, как политические с широким освещением их в печати».34 Еще до знаменитой Сталинской поездки по Сибири была поставлена задача борьбы с кулаком, как держателем хлеба.³⁵ С января 1928 г. статья 107 УК РСФСР стала применяться к «держателям хлеба», т.е. к тем крестьянам — производителям, кто отказывался сдавать хлеб по низерным ценам. Тем самым государство первым нарушило закон, недопустимо расширив его применение. За четыре месяца с начала 1928 г. во Владимирской губернии было привлечено к ответственности 72 человека, в Ярославской губернии — 10 человек, в Иваново-Вознесенской — 17 человек, в Орловской губернии — 168 человек.³⁶

В апреле 1928 г. состоялся объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП (б). Он констатировал, что «по мере ликвидации затруднений в хлебозаготовках должна отпасть та часть мероприятий, которая имела экстраординарный характер».37 Но, получив в свое распоряжение практически весь реализуемый единоличниками хлеб, большевики стали стремиться к монополии на его производство. Тем самым нарушались элементарные права собственника и, прежде всего, право производителя распоряжаться произведенным им продуктом по своему усмотрению.

В июле 1928 г. партия под мощным давлением крестьянства временно отменила чрезвычайные меры. Сознательно бездействуя, не устраняя последствий «чрезвычайщины», власть лишь ожидала удобного момента для нового наступления на деревню. И такой момент настал. Вторая волна чрезвычайных мер, начавшаяся в августе, оказалась более масштабной, хотя экономическая эффективность ее мероприятий была крайне низкой. Несмотря на сверхдавление командно-административной системы, в этот период смогли заготовить гораздо меньше хлеба, чем на первом этапе. В частности, Тульская губерния выполнила план по хлебозаготовкам лишь на 73,6%.³⁸ В Пензенской губернии хлебозаготовки преодолели барьер лишь в 9%, в Орловской и Тамбовской губерниях — 17%.³⁹

В промышленности и торговле продолжали сужаться возможности рыночной и

предпринимательской деятельности, все большее значение приобретал государственный сектор. Падение объемов хлебозаготовок было обусловлено недостаточным снабжением селян промтоварами. Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «О хлебозаготовках» от 24 декабря 1927 г. требовало увязать отпуск промтоваров крестьянам со сдачей хлеба в данном районе.⁴⁰ Фактически дефицитные товары распределялись только среди кооперированного населения, вынуждая некооперированное крестьянство воздерживаться от реализации продуктов, так как на вырученные деньги хлеборобы не могли сделать необходимые закупки.⁴¹ Деревня вынуждена была начать продавать часть запасов предыдущих лет, что привело к их сокращению более чем вдвое.

Проводниками решений правящей партии в деревне стали комсоды (комитеты содействия хлебозаготовкам), которые были порой более жесткими к односельчанам, чем государственные чиновники, в том числе из меркантильного интереса, т.к. по закону 10% изъятого хлеба отходила им и той части деревенской бедноты, которая с ними сотрудничала. Тем не менее, кризис 1928 г. показал, что власть ошиблась, делая ставку на обострение классовых противоречий среди хлеборобов. Осуществление чрезвычайных мер вызвало недовольство всех слоев, затронув их интересы, ибо грань между бедняком, середняком, и зажиточным крестьянином была слишком условной. Удар по одной из групп рикошетом бил и по другим. Сводка информационного отдела ЦК ВКП (б) о ходе хлебозаготовок за январь-март 1928 г. свидетельствует: «Факты, характеризующие активное участие бедноты в выявлении излишков у кулаков, приводятся крайне редко».⁴² Составители этого документа отмечали отдельные случаи поддержки беднотой чрезвычайных мер, как правило, в те месяцы, когда деревне угрожал голод. Однако ее основная масса не принимала участия в выявлении излишков у кулаков. Для понимания социального поведения крестьян следует учесть феномен общинной психологии: ведь еще в 1927 г. 95% земель находилось в пользовании общины, что способствовало сохранению чувства солидарности у хлеборобов.⁴³

Однако директивы, идущие из центра, настаивали на дальнейшем «закручивании гаек», способствуя расколу деревенского мира. От заготовителей требовалось не ослаблять нажим «вплоть до полного выполнения плана». Нарком торговли РСФСР Г.В. Чухрига так охарактеризовал проводников хлебной политики партии в деревне: «Жесткое административное регулирование из центра всех заготовителей способствует бюрократическому их перерождению, превращению в чиновников, лишенных всякой целесообразной хозяйственной инициативы».⁴⁴ Многочисленные подтверждения этому приходили с мест. Так ряд подмосковных комсодов давали задания наобум, по плану спущенному сверху. Как рассказывали сами крестьяне, «порой налагают задание по 150 пудов овса, когда овес в наших хозяйствах вообще не сеялся».⁴⁵ Среди исполнителей приказов было немало тех, кто внутренне был расположен к командно-репрессивным действиям. Но были и действовавшие «из боязни», в надежде избежать обвинений в халатности и сочувствии кулаку, тем более что партийные

директивы недвусмысленно разъясняли: «Установить личную ответственность руководителей партийных, советских и кооперативных организаций за выполнение возложенных на них заданий по заготовкам, немедленно отстраняя тех из них, которые не проявят способностей и умения добиться успеха хлебозаготовок».46 Периодические «чистки партии» растили новое поколение функционеров, способных слепо проводить в жизнь волю руководства. Наступала, по выражению А.Г. Авторханова, эра господства партийного аппарата.47

Летом 1929 г. был вновь изменен порядок хлебозаготовок. Государство узаконило установление плановых заданий по селам и отдельным дворам, что означало отказ от рыночных связей с деревней. Одновременно была зафиксирована обязательность сдачи товарного хлеба, который принадлежал зажиточным слоям крестьянства. В Белгородском уезде наблюдались случаи разверстки подлежащего вывозу хлеба по дворам, с указанием количества, которое обязан ссыпать каждый двор.48 В Московской, Тверской и Тульской губерниях раскладка заданий по дворам вызвала негодование сельского населения и массовую волну разговоров о возвращении продразверстки.49 Из Владимирской губернии в газету «Правда» шли письма одиночников, в которых они рассказывали о последствиях поворота в аграрной политике партии: «Большая и страшная голодовка, нет ни хлеба, нет ни пшена, нет ни овса совершенно ни за какую цену».50 Призрак голода, впервые после 1921 г., реально появился перед советской деревней. Информотдел ОГПУ в своей докладной записке от 1 июня 1929 г. сообщал о массовых случаях употребления в пищу крестьянами суррогатов, мякины, дуранды, фасолевой муки и т.п. В Даниловском уезде Ярославской области были зарегистрированы 10 случаев заболевания от голода. В Некрасовской волости Калужской губернии 10% населения нуждались в хлебе. В Псковском округе были отмечены 5 случаев смерти от голода.51

Руководство страны, «разыгрывая хлебную карту», сознательно отказывалось от использования достижений новой экономической политики. Опасаясь потерять контроль над деревней, большевики целенаправленно стали осуществлять политику отчуждения крестьян от собственности, от результатов труда, от средств производства. Поражение «правых» на апрельском (1929 г.) пленуме ЦК и ЦКК во многом определило тот радикальный поворот, который произошел в аграрной политике. Таким образом, наметившаяся коллективизация обуславливалась не хозяйственной необходимостью, а являлась следствием «чрезвычайных» хлебозаготовок. Ликвидируя экстренно правовые нормы неповского времени, Сталин и его окружение шли от перманентного применения чрезвычайных методов управления экономикой к созданию системы постоянно действующих хозяйственно-политических органов чрезвычайного управления.52

Ко второй половине 20-х г. для правящей элиты стало абсолютно очевидно, что осуществить курс на индустриализацию, не отказываясь от нэпа в принципе невозможно. Деревня, в создавшейся ситуации, не давала необходимых для реорганизации промышленности средств. Но она оставалась основным их источником. Следовало по мнению руководства лишь более умело добывать ресурсы из аграрного сектора. С этой целью власть предпринимает конкретные шаги по реформированию налоговой системы, максимально наращивая размеры прямого и косвенного обложения деревни. Проект, предложенный в 1927 г. Наркомфином, требовал учитывать доходы как от основных отраслей сельскохозяйственного производства (полеводство, животноводство, луговодство), так и от второстепенных (садоводство, огородничество).⁵³ Теперь налог начислялся не с размера объекта: пашни, посева, луга, а с учета совокупного дохода от всех источников. В этот совокупный доход входил, как составная часть, налог на неземледельческие заработки, в размере 100%. В Центральном промышленном районе он составил 5,2% к общему доходу села.⁵⁴ По утверждению руководства Тульской и Рязанской губерний каждый второй двор вынужден был искать побочный заработок вне пределов своего хозяйства, а следовательно неземледельческие доходы такого двора были весьма значительными (неземледельческие заработки были включены в облагаемый доход, который возрос по сравнению с предыдущим годом на 75%, а общая сумма налога увеличилась на половину и достигла 480000 руб.)⁵⁵ Однако сами крестьяне придерживались иной точки зрения. Жители Богородского уезда Московской губернии считали, что «процент изъятия у кустарей и отходников слишком велик, и в будущем его нужно уменьшить, иначе кустари совсем разорятся и тогда вся тяжесть сельхозналога ляжет на бедняка и середняка. К тому же ведет и дообложение нетрудовых доходов».⁵⁶ В 1927 г. было принято решение о введении прогрессивного налогообложения.⁵⁷ В маломощных хозяйствах сельхозналог устанавливался в 2% от исчисляемого дохода, в обеспеченных хозяйствах не более 14-16%.⁵⁸ Постепенно повышаясь, процент изъятия налогом в зажиточных хозяйствах доходил до 25%.⁵⁹ В Московской губернии в этот период средние хозяйства платили налога 10 руб. 4 коп., хозяйства выше среднего — 15 руб. 30 коп., а крупные 34 руб. 11 коп. Ставки налога для верхних групп все время повышались, достигая восьмикратного разрыва по сравнению с низшей группой, с которой начиналось обложение.⁶⁰ «Правительство скверно делает, что сельскохозяйственным налогом не дает развиваться крестьянскому хозяйству, — делали вывод хлеборобы Смоленской губернии, — чуть хозяйство поднимется, его сейчас же начинают прижимать налогом».⁶¹

Экономическое наступление на верхние слои деревни было продолжено Постановлением ЦИК и СНК СССР от 21 апреля 1928 г., по которому в целях усиления обложения кулацких хозяйств было введено индивидуальное обложение с максимальной ставкой изъятия сельхозналогом из доходов в 30%. В Тульской губернии к индивидуальному обложению было привлечено 3% или 7.766 хозяйств, в Московской губернии повышенное индивидуальное обложение должно было коснуться 2-3% высокодоходных крестьянских хозяйств.⁶² В резолюции по налоговой линии Тверской окружком ВКП (б) требовал довести индивидуальное налогообложение до 3% несмотря

ни на что.⁶³ В Постановлении Президиума Облисполкома от 26 июня 1929 г. приводился перечень признаков хозяйств подлежащих обложению сельскохозяйственным налогом в индивидуальном порядке. К таким хозяйствам в изучаемых губерниях относились дворья, занимающиеся торговлей, скупкой и перепродажей (кроме молока и овощей, не свыше 1000 руб. в год); занимающиеся ростовщичеством; применяющие наемный труд свыше 100 «человекодней» в год (в огородничестве, ягодном садоводстве — свыше 200 «человекодней»; плодово-декоративном садоводстве — 150 «человекодней»; кустарно — промысловые хозяйства — 300 «человекодней»); имеющие ветряную или водяную мельницу, маслобойню, плодovou или овощную сушку; сдающие в наем постоянно или на сезон обособленные помещения или имеющие не облагаемый и облагаемый доход не ниже 550 руб. (в Московской и Тульской губерниях) и 500 руб. в Тверской губернии. Хозяйства, имеющие доход ниже этого предела к индивидуальному обложению не привлекались.⁶⁴ Поскольку индивидуальное обложение носило не только экономический, но и политический характер, местные власти стремились расширить круг хозяйств, облагаемых в индивидуальном порядке. Поэтому уже в ноябре 1929 г. Президиум Облисполкома потребовал от руководства губерний «провести работу по дообложению кулацких хозяйств в течение 7 дней, которые первоначально не были привлечены лишь потому, что сумма их дохода была ниже указанного предела».⁶⁵

Обложение в индивидуальном порядке по фактическим доходам нанесло предпринимательским хозяйствам сильнейший удар. Для охвата индивидуальным обложением большинства предпринимательских хозяйств в деревне было расширено число признаков, при наличии которых хозяйство признавалось предпринимательским и подлежало обложению единым сельскохозяйственным налогом в индивидуальном порядке. Этому также способствовало, принятое в мае 1929 г. Постановление СНК СССР «О признаках кулацких хозяйств». В нем выделялось 5 признаков кулацких хозяйств, а именно: «систематическое применение наемного труда, наличие мельниц, маслобоен и других промышленных предприятий, систематическая сдача в наем помещений и сложного сельскохозяйственного инвентаря, наличие членов хозяйств, занимающихся торговлей, извлечение своих доходов за счет нетрудовых источников».⁶⁶ Современные историки полагают, что к одному из пяти признаков можно было отнести чуть не каждый крестьянский двор.⁶⁷ Но по сравнению с инструкцией НКФИНа, по которой в 1928 г. в кулаки могли зачислить за хорошую обработку земли, Постановление СНК СССР «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс законов о труде», вносило определенную ясность в понятие — «кулацкое хозяйство». Гораздо хуже другое — по этому постановлению «краевым исполнительным комитетам представлялось право видоизменять указанные признаки применительно к местным условиям».⁶⁸ Это означало, что местным органам власти представлялись неограниченные возможности в вопросе определения кулацкого хозяйства,» что, в конечном счете, чаще всего вело к произволу. Кроме того, местным органам разрешалось самостоятельно решать — какой доход на хозяйство считать кулацким. В постановлении подчеркивалось, что кулацким считается хозяйство с доходом не менее 300 р. на едока, но не более 1500 руб. на хозяйство. В 1927/28 году хозяйства, причисленные к кулацким уплатили 25,9% всей суммы сельскохозяйственного

налога, а в — 1928/29 году — уже 48,7%. Из дохода кулацких хозяйств изымалось путем налогового обложения 22,3% средств. Некоторая часть кулацких хозяйств, не выдержав усиления налоговых тягот, ликвидировались или утратили свой предпринимательский характер.

В 1929/30 окладном году налоговая политика в деревне проводилась на основе норм постановлений ЦИК и СНК СССР от 8 февраля 1929 г. и от 20 февраля 1929 года «Положения о едином сельскохозяйственном налоге», которые внесли изменения в систему налогообложения крестьянских хозяйств в соответствии с рекомендациями, данными ноябрьским пленумом ЦК ВКП (б) 1928 г. В основном нововведения касались неизменяемости налоговых норм при сохранении действовавшей ранее системы обложения, обязательности учета числа едоков в хозяйстве, улучшения техники определения и взимания налога, его приспособления к особенностям жизни крестьян отдельных районов страны. Практическую работу по выявлению кулацких хозяйств закон возлагал на местные органы (сельсоветы и др.), решения которых утверждали районные и волостные налоговые комиссии (последние обязывались опрашивать плательщиков о размере их доходов, а в необходимых случаях сами производили обследование хозяйств). В общем порядке было обложено единым сельскохозяйственным налогом 69,2% крестьянских хозяйств, индивидуально — 1,8%. По необлагаемому минимуму, было освобождено от уплаты налога 26,6%, и 10,4% освобождались от уплаты налога за счет фонда скидок. Общая сумма поступлений по единому сельскохозяйственному налогу в бюджет страны была меньше, чем в предшествующем году. К обложению привлекался максимальный процент учтенного дохода. Повышенному обложению подлежали все доходы от предпринимательской деятельности крестьян: от промышленных предприятий с применением механических двигателей, от применения наемной рабочей силы, от применения сложных сельскохозяйственных машин.

Было усилено налоговое обложение доходов от тракторов, находившихся во владении зажиточных хозяйств. Государство, проводя мероприятия по изъятию тракторов у кулаков, одновременно усилило налогообложение той части тракторов, которые все еще находились в руках верхушки деревни — их в РСФСР на 1 октября 1928 г. было свыше 1000 единиц.⁶⁹ Если трактор использовался для выполнения работ в хозяйстве самого крестьянина, то он облагался налогом по нормам, устанавливаемым губернскими и окружными исполкомами советов. Доход от использования тракторов вне личного хозяйства исчислялся районными (волостными) налоговыми комиссиями и облагался как доход от неземледельческих заработков — такой порядок был установлен на территории РСФСР.

Принцип прогрессивности обложения, формально сохранявшийся согласно закону о

ЕСХН на 1929/30 г., на практике отсутствовал. Постановление от 22 марта 1929 г. устанавливало, что льготы, предусмотренные в «Положения о едином сельскохозяйственном налоге» на 1929/30 год, не предоставляются следующим видам кулацких хозяйств:

- 1) всем хозяйствам, платящим в 1929/30 окладном году единый сельскохозяйственный налог индивидуально;
- 2) сдающим в наем систематически сложные сельскохозяйственные машины с механическим двигателем
- 3) хозяйствам, арендующим пахотную землю в размерах, превышающих трудовую норму, а также арендующим промышленные сады и огороды и применяющие систематически наемный труд.⁷⁰

Признаки кулацких хозяйств разрешалось уточнять СНК АССР, краевым, областным и губернским исполкомам. Введение законодателем такого порядка применения налоговых норм загромождало налоговое законодательство, усложняло его действие, способствовало допущению ошибок и злоупотреблений.⁷¹

Одновременно с осуществлением широкомасштабного давления на зажиточную верхушку деревни, большевистское руководство предприняло тактические шаги по освобождению 35% бедняцких хозяйств от налогового бремени, о чем заявила юбилейная сессия ВЦИК в октябре 1927 г. В Тульской губернии было освобождено от налога 33% малообеспеченных хозяйств, в Псковской и Владимирской губерниях — 35%.⁷² Бедняцкие хозяйства Центрального промышленного района уплачивали лишь 6,1% общей суммы налога.⁷³ В 1928 г. был повышен необлагаемый минимум доходов, применявшийся при налоговом обложении бедняцко-маломощных крестьянских хозяйств. Государство предусматривало создание специального фонда, за счет которого освобождались бы от уплаты сельхозналога некоторые маломощные хозяйства, доход которых превышал необлагаемый минимум.⁷⁴

Несовершенство системы налоговых льгот приводило к появлению в крестьянской среде иждивенческих настроений, уменьшало стимулы к более производительному

труду, что в конечном итоге понижало стремление бедняцких хозяйств подняться до уровня середняцких. В среде беднейшего населения все еще господствовало восприятие нэпа как предательства прежних идеалов, переориентация власти на союз с зажиточными.⁷⁵ Порой сами бедные крестьяне считали себя обиженными властью. Многие из них, вполне справедливо, указывали на существенную разницу между пого-рельцами и вдовами с одной стороны, и теми, кто пьянствует, намеренно забрасывает свое хозяйство, с другой. Селяне недоумевали: «Почему же помощь всем оказывают одинаковую?»⁷⁶ Как пишет К.Б. Литвак, подробно изучавший жизнь крестьян 20-х годов, «лишь «маргинальные слои», да новые должностные лица из крестьян, «те кто предпочитал портфель плугу», только они в отличие от других бедных домохозяев имели гарантии неуплаты сельхозналога».⁷⁷ Думается, что такая точка зрения несколько категорична. Вряд ли все 33% малообеспеченных хозяйств, освобожденных по закону от сельхозналога, в Московской, Тверской и Тульской губерниях относились к «маргинальным слоям» или должностным лицам. Кроме того, дифференциация крестьянства в целом и беднейшего, в частности, была весьма сложной и многогранной.

Увеличение разрыва между различными слоями крестьян делало и так достаточно неопределенное положение середняка еще более шатким. По официальной статистике середняцкие хозяйства в 1928-1929 гг. уплачивали в 10 раз меньше налога, чем кулацкие в расчете на одно хозяйство.⁷⁸ Совершенно естественно, что большинство середняков, прежде всего, были озабочены тем, чтобы их случайно не зачислили в кулаки и не заставили платить налог в 10 раз больше, тем более, что четкого определения, кто же такой середняк не существовало. Тульские губернские власти руководствовались в своей работе следующей формулировкой: «середняк тот, кто работает в своем хозяйстве без наемного труда, для себя, имеет какой либо побочный, кустарный промысел или что-нибудь в этом роде».⁷⁹ Несомненно, такой расплывчатый критерий предоставлял партийным чиновникам широкие возможности при его трактовке. Крестьяне Московской губернии опасались, что «в процессе установления дохода особенно будет переобложено середняцкое население: примерно, середняцкое хозяйство платило налога в прошлом году 20-25 руб., в текущем же году будет платить 60-70 руб. и выше».⁸⁰ В то время, когда бедноту освобождали от налога, у середняцкой — зажиточной части деревни налоги росли. Это приводило к снижению товарности производства, дроблению хозяйств, о чем говорили на губернских съездах и сами селяне: «Положение сейчас таково, что в случае малейшего недорода или стихийного бедствия крестьянское хозяйство на длительный период выбивается из колеи. В прежние годы, когда были кое-какие сбережения, кое-какие переходящие запасы, эти недороды не ударяли так больно по основному капиталу крестьянского хозяйства».⁸¹ Натуральное, патриархальное хозяйство, отличавшееся крайней неустойчивостью, опустилось до нижнего предела выживания.

За три года (с 1927 г. по 1929 г.) суммы сбора сельскохозяйственного налога с

средняцкой части деревни увеличились в Московской губернии в 1,4 раза, в Тверской, Владимирской и Рязанской губерниях в 1,3 раза. Количество же учтенных крестьянских хозяйств увеличилось незначительно (0,4%), что свидетельствовало об увеличении тяжести сельхозналога.⁸² По словам жителей Тульской губернии, «в деревне бывает так: не успела курица снести, а крестьянин уже тащит это яйцо продавать, так как ему нужно купить соль и керосин».⁸³ Руководство Московской губернии достаточно откровенно прокомментировало происходящее: «Если бедняк сделается культурным — он поднимет свое хозяйство и быстрее поймет необходимость бросить его и организовать в коллектив. А если будут такие случаи, что из бедняка благодаря культурности вырастет крепкий середняк (почти кулак), то ему будет оказана честь наравне с прочим кулачем».⁸⁴ Очень часто налогообложение вынуждало середняка делать выбор: уплатить налог и перейти в разряд бедняков или радикально изменить жизнь: забросить свое хозяйство, уйти в город, на стройки. Тем не менее, государству крайне редко удавалось собрать полную сумму налоговых платежей с крестьян. Чаще всего налоговый сбор колебался в пределах 44,5% от годового задания.⁸⁵

Единоличники, стремясь увернуться от налоговой наковальни, стали отдавать предпочтения отраслям, продукция которых могли быть быстро реализованы на сторону, например, огородничеству и садоводству. Но и здесь фискальные органы не давали «оборотистому мужику» развернуться. Тотчас для указанных отраслей ввели повышенные налоговые ставки: для садов яблочных и грушевых в 30 корней, садов косточковых деревьев в 150 сажень, для огородов — 200 сажень на хозяйство. В Тульской губернии сады от 10 корней облагались по нормам пашни. В Московской губернии сады и огороды облагались даже по повышенным нормам, превосходящим плату за пашню. Так за 1 десятину пашни платили — 44 руб., а за десятину сада — 150 руб.⁸⁶ Хотя официально считалось, что изменение налоговой системы было осуществлено в пользу середняка, в действительности мартовское постановление 1929 г. все больше нарушало рыночные отношения в деревне и разрушало мелкотоварное производство. Неприязнь к бедняку и страх быть зачисленным в кулаки обрекали середняка на одиночество, что подтверждает выступление одного из подмосковных крестьян на губернском съезде: «мы все трудящиеся, стыдно подходить к крестьянству таким темпом, если вы с себя свалили продналог, а навалили на меня».⁸⁷

Стремление государства к еще большему регулированию аграрного сектора выразилось в активной поддержке колхозного строительства, в связи с чем был закреплен принцип: обложение налогом колхозов не должно превышать размеров среднего обложения хозяйств единоличников средней ставкой налога на рубль дохода или средний облагаемый доход на едока. До 1928 г. колхозы платили сельскохозяйственный налог по повышенной ставке, превышающей ставку налогового обложения единоличного середняцкого хозяйства. В 1928 г. колхозы получают существенные льготы по налогам. Так, колхозы с доходом на одного едока до 30 руб. полностью освобождались от налога, с доходом, не превышающим среднего дохода

единоличного хозяйства, получали скидку: сельскохозяйственные артели — до 40%, коммуны — до 60%, с доходом выше среднего колхозы — до 25%, а коммуны — до 30%.⁸⁸ Таким образом, средний колхоз стал платить почти в два раза меньше, чем середняк. Такое налогообложение в глазах крестьян было чрезвычайно привлекательно. Немаловажную роль играл и порядок сбора налогов. Единичный крестьянин платил налог лично, а коллективизируемый крестьянин не принимал личного участия в выплате налога. Однако зачастую крайне неэффективное распоряжение полученными от власти средствами отталкивали крестьян от коллективных хозяйств.

Жизнь крестьянина — налогоплательщика стала цепью бесконечных поборов и ограничений со стороны государства. Индивидуальные хозяйства, лишённые властью дальнейших перспектив развития, скатывались к самообеспечению, к свертыванию производства, ведь нормальное мелкотоварное производство не могло функционировать без торговли, без использования сложного инвентаря, без свободного найма рабочих рук.

Большую роль в процессе выкачивания денежных средств из деревни сыграло самообложение. Впервые оно было узаконено 29 августа 1924 г., постановлением ЦИК и СНК СССР. Самообложение было местным налогом, который собирался жителями деревни на общественные нужды (строительство школ, дорог, больниц). Закон разрешал устанавливать сборы в денежной форме, в натуральной форме, а также в виде трудового участия. Первоначально предполагалось, что тяжесть самообложения будет раскладываться среди крестьян по принципу добровольности, и сумма сбора станет устанавливаться на общем собрании граждан.⁸⁹ Те, кто голосовал против принятия решения о самообложении или не присутствовали на собрании, имели право не платить сборов. Принятие раскладки налога часто срывалось из-за того, что на собрание являлось менее половины граждан селения, имевших избирательные права. Поэтому закон предусмотрел понижение количества присутствующих на собрании до одной трети общего числа избирателей граждан.⁹⁰ Использование собранных средств не по назначению преследовалось по закону, хотя это положение повсеместно нарушалось. Газета «Московская деревня» печатала письма своих читателей, которые сообщали о незаконных расходах на зарплаты уполномоченным, секретарям райсельсоветов и т.п.⁹¹

С 1928 г. государство стало расходовать собранные средства по собственному усмотрению, в том числе и на нужды промышленности. В том же году принцип добровольности был нарушен: самообложение разделили на обязательное и добровольное.⁹² Обязательное самообложение также принималось на общем собрании граждан, на котором присутствовало не менее половины общего числа лиц, имевших избирательные права. Сельский совет представлял решение собрания о

самообложении в волостной или район-ный исполком (вместе с раскладкой суммы предстоящего сбора по хозяйствам). После его утверждения волисполкомом или райиспол-комом, оно становилось обязательным для всех и реализовывалось сельским советом. Крестьянство было недовольно таким нововве-дением: «в некоторых местах на суммы и методы сбора самообло-жения больше жалуются, нежели на уплату сельхозналога».93 Даже некоторые представители власти на местах, председатели и члены сельских советов Московской губернии не поддержали обяза-тельного самообложения. Они заявили на заседании Губисполкома, что «самообложение пусть проводят те, кому оно нужно».94 В этой свя-зи представляет интерес отчет члена Губисполкома Стрельцовой, посетившей несколько сельских собраний, на которых обсуждалось самообложение. На вопрос Стрельцовой «почему крестьяне его не принимают», крестьяне ответили, что «уполномоченные, прислан-ные из города не разбираясь в местных проблемах, сразу же поста-вили вопрос ребром. А на возражения крестьян и жалобы на отсутствие денежных средств сказали, что это обязательное постанов-ление. Мужики возмутились и разошлись, несмотря на то, что в деревне много нужды».95 Другой уполномоченный некто Маслов, был хорошо знаком местным крестьянам. Уйдя в город на зара-ботки, он быстро сделал карьеру, став секретарем партячейки на заводе, но затем был уличен в воровстве, снят с должности и в со-ставе уже группы уполномоченных направлен осуществлять сборы налоговых платежей в деревню. Земледельцы недоумевали: «Это все равно, что волка пустить в овчарню. Разве есть таким комму-нистам вера?».96

Тем не менее, руководство Московской губернии предлагало при сборе самообложения широко привлекать рабочие бригады.97 На помощь «городским товарищам» приходили местные активи-сты, комсомольцы, селькоры. Уполномоченные и актив действова-ли уговорами, а иногда и угрозами, заявляя: «кто станет противить-ся выполнению постановления — отправим к белым медведям».98 Однако, несмотря на все старания властей, в 1928 г. не удалось вы-полнить задания по самообложению: Московская губерния собрала лишь 48,1%, Тверская — 21,3%, Тульская-17,6% от намеченного плана.99 В 1929 г. в Московской губернии самообложение провели 6856 селений, 397 сел от его сбора уклонились.100 Даже губернское руководство признавало, что «результаты кампании настолько не-достаточны, что по существу она сорвана».101

В соответствии с нормами нового закона все бедняцкие хо-зяйства, освобожденные от единого сельскохозяйственного налога, не выплачивали и сборов по самообложению. В Тульской губернии, например, от самообложения было освобождено 33,7% хозяйств.102 Колхозы привлекались к самообложению только тогда, когда они сами были в этом заинтересованы. Все это еще больше осложняло внутридеревенские отношения. Как сообщает Можайская уездная исполнительная комиссия: «Почти на всех собраниях чувствова-лось очень яркое нежелание середняков поддерживать бедняков и актив в вопросе самообложения. Средняк шел за зажиточной ча-стью деревни. Надо отметить сильно выраженное антибедняцкое настроение среди середняков и кулаков».103 Порой

на собраниях обсуждающих вопрос самообложения дело доходило до скандалов и драк.¹⁰⁴

В 1928-1929 гг. вместе с ростом сельхозналога увеличилась и сумма самообложения. Сбор платежей по самообложению в 1928 г. проводился ускоренными темпами, в основном в январе-феврале, что вынуждало рачительных хозяев продавать хлеб, не дожидаясь повышения хлебных цен на рынках весной, и тем самым облегчало ликвидацию кризиса хлебозаготовок. Сохранившиеся в 1929 г. ку-лацкие хозяйства Московской и Тульской губерний заплатили 578 759 руб. самообложения при общем объеме самообложения в 644 208 руб.¹⁰⁵ Значительную часть суммы сбора выплачивали серед-няцкие хозяйства, так как размеры самообложения определялись размерами сельхозналога, а основная налоговая нагрузка, как из-вестно, приходилась опять же на середняка.

По закону размеры самообложения не могли превышать 35% единого сельскохозяйственного налога. Но повсеместно это положение нарушалось. Так, в Тверской губернии всего лишь за год (1927/1928гг.) сумма самообложения увеличилась вдвое (с 644 208 руб. до 1 349 401 руб.)¹⁰⁶ В некоторых селениях Московской губернии суммы от самообложения значительно превышали общую сумму сельхозналога. Например: в д. Корост Круговской волости в среднем на одно хозяйство приходилось 17 руб. 13 коп. самообло-жения (всего на деревню 992 руб. 70 коп.), а сельхозналог исчис-лялся в размере 12 руб. 32 коп. на крестьянский двор (всего 714 руб. 80 коп.)¹⁰⁷ По данным обследования НК РКИ СССР, охваты-вавшего 66 тыс. хозяйств, расходы по самообложению составляли от 30 копеек до 28 руб., достигая от 10 до 241% суммы сельхозна-лога на хозяйство.¹⁰⁸ В Московскую, Тверскую, Орловскую, Вла-димирскую, Рязанскую и Тульскую губернии было направлено рас-поряжение Наркомфина о проведении самообложения в 1928-1929 гг. в размере 50% к сумме сельхозналога. В отдельных случаях до-пускалось обложение и в районном масштабе, т.е. выше, чем уста-навливалось Наркоматом.¹⁰⁹ На местах самообложение зачастую продолжало принимать уродливые формы: его превращали в нату-ральный налог, который взимался хлебом даже у бедноты.¹¹⁰ А в Московской губернии даже предлагалось ввести самообложение дачных поселков.¹¹¹

В ответ на это крестьяне на своих собраниях стали принимать заниженные размеры самообложения. В «Воскресенском уезде Мос-ковской губернии самообложение было принято лишь в размере 25% от сельхозналога, в Сергеевском уезде — 19%.¹¹²

В итоге, самообложение, утратив свою первоначальную суть, стало обыкновением

побором с крестьянства. Оно наряду с хлебо-заготовками и сельскохозяйственным налогом подрывало и основы индивидуального крестьянского хозяйства, теряющего рыночную инициативу.

Еще одной формой экономического давления являлся крестьянский займ. В нашей литературе длительное время считалось, что займ — это добровольная финансовая помощь государству. Вместе с тем, в исторической науке не скрывалась связь хлебозаготовок с займами. В структуре платежей займ занимал второе место, уступая только сельхозналогу. Распространение займа проходило с затруднениями, встречая сопротивление крестьян. К зажиточным слоям, среди которых органы местного управления добивались наиболее полного размещения займа, применялось общественное и моральное воздействие, звучали призывы на самом высоком уровне не отставать и перед мерами принудительного размещения.¹¹³ Со-звучная идея высказывалась на XVIII Тверской губернской конференции (ноябрь 1927 г.), делегаты которой требовали: «Если кулачество не пойдет на добровольный займ, надо провести принудительный. Эти же средства направить по линии строительства нашего хозяйства».¹¹⁴ Таким образом, снова революционная целесообразность возобладала над законностью.

С июня 1929 г. облигации займа должны были приниматься в уплату сельхозналога. В Московской губернии реализация крестьянского займа проходила слабо и грозила срывом компании.¹¹⁵ Реальная контрольная цифра, определенная Наркомфином составляла в — среднем свыше 10 руб. на каждое крестьянское хозяйство, а по отношению к сельхозналогу до 70% годового задания.¹¹⁶ Из суммы вырученной от продажи займа 10% отчислялось в распоряжение волостных исполнительных комитетов. В Тульской губернии, в ходе распространения III займа индустриализации, несмотря на все принятые меры, было реализовано лишь 23% от намеченной суммы.¹¹⁷ Обследования, проведенные по размещению займов, подтвердили частые случаи принуждения крестьян. Так, в Московской губернии крестьянину деревни Станиславль, члену кооператива, Кокореву вследствие того, что он отказался взять займ, не дали муки. Крестьянину Федосееву из деревни Толстикovo, тоже члену кооператива, муку отпустили только после подписки на займ.¹¹⁸ Житель Подмосковья Хромышев рассказывал о распространении займа в своем селе следующее: «Я получал жалование, и вместо денег мне дали облигацию займа. Я сделал попытку отказаться, однако денег не дают, говоря, что не смеешь отказываться, а то хуже будет».¹¹⁹

Увеличение различных платежей приводило к значительному сокрытию доходов, что влекло за собой ужесточение административной и уголовной ответственности. Статья 60 УК РСФСР за неуплату налогов и сборов в установленный срок осуждала на шесть месяцев или год лишения свободы с конфискацией имущества¹²⁰.

В налоговой политике конца 20-х г. было допущено множество перегибов и ошибок. Формы и методы налогообложения сразу вызвали резкое недовольство всех слоев населения деревни, т.к. переобложение коснулось не только зажиточных крестьян, но и бедняков с середняками. Чрезвычайщина в налогообложении, усугубленная стараниями местных властей, не дала ожидаемых результатов и не вывела страну из кризиса. Пытаясь избежать повышенного обложения, крестьяне меняли структуру полей, сокращали посевные площади, резали скот. Часть товарных хозяйств, не выдерживая экономического давления со стороны властей, забрасывали свою землю, уходили в город, где пополняли ряды низко квалифицированной рабочей силы. Действующая налоговая система ослабляла деловую активность единоличников вместо того, чтобы превратить ее в настоятельную потребность каждого крестьянского хозяйства вне зависимости от его социальной категории.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ильиных В.А. Государственное регулирование заготовительного хлебного рынка в условиях НЭПа (1921-1927). // НЭП. Приобретения и потери. М., 1994. С. 167.

2. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927-1939. / Т.1. Май 1927 — ноябрь 1929/0. М., 1999. С. 17.

3. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 23. Д. 8 Л.227.

4. Там же. Л. 207.

5. ЦАОДМ. Ф. 2867. Оп. 1. Д. 225. Л. 57.

6. Там же. Л. 60.

7. ЦГАМО. Ф. 66. Оп.19.Д.358.Л.394.Об.

8. Борисов Ю.С. Эти трудные 20-30-е годы //Страницы истории Совет-ского общества: факты, проблемы, люди. М.,1989.С.140.

9. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. С.49.

10. Тамже. С. 156.

11.ЦГАМО. Ф.66. Оп.22. Д.786. Л.8.

12. Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. С. 587.

13. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. С. 21.

14. «Московская деревня». 9 декабря 1927г.

15. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1822. Л. 28.

16. «Московская деревня» 13 февраля 1927 г.

17. Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. С.512.

18. Большевик.1927. №19-20.С5.

19. Югов А. Народное хозяйство Советской России и его проблемы. // НЭП. Взгляд со стороны. М., 1991. С. 209.

20. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. До-кументы и материалы. 1927-1939/ Т.1. Май 1927 — ноябрь 1929./ М., 1999. С.28.

21. ГАРФ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 2057. Л. 163.

22. Сталин И.В. О хлебозаготовках и перспективах развития сельского хозяй-ства. Соч. Т.Н. С.7.

23. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 22. Д. 853. Л. 56.

24. Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1923-1929. С. 661.

25. РГАСПИ. Ф.П.Оп.2. Д.417. Л.70.

26. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 23. Д. 8. Л. 339.

27. Там же. Л. 356.

28. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 23. Д. 8. Л. 398

29. Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. С. 711.

30. Там же. С.842.

31. Бюллетень Тульского Окрисполкома и Горсовета № 3. 21 сентября 1929. С. 3.

32. Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. С. 664.

33. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1822. Л. 72.

34. ЦАОДМ. Ф. 2867. Оп. 1. Д. 225. Л. 49. Об.

35. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. С.147.

36. Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1923-1929. С. 738,740.

37. Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления коммунистической партии и советского правительства. 1927-1955. М., 1994. С. 174.

38. Баженов В. На хлебном фронте. /Авангард № 1-2. Тула, 1929. С. 40.

39. Трагедия советской деревни С. 240.

40. Там же. С. 110.

41. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1837. Л. 28.

42. РГАСПИ. Ф.17.ОП.32.Д.125.Л.4.

43. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1976. С.211.

44. Трагедия советской деревни. С. 116.

45. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1837.Л.180.

46. Трагедия советской деревни. С. 137.

47. Авторханов А.Г. Технология власти /Вопросы истории № 2-3. 1991. С. 123.

48. Трагедия советской деревни. С. 151.

49. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 23.Д. 8. Л.282.

50. Трагедия советской деревни. С. 317

51. Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1923-1929. С. 879

52. Симонов Н.С. Проблема социального генезиса СССР в 20-30 гг. //Историческое значение НЭПа. М., 1990. С. 20.

53. СЗ СССР. 1925. №31. Ст. 208.

54. Положение о едином сельскохозяйственном налоге на 1927/28 г. СЗ СССР. 1927. №17. Ст. 189. С.375.

55. ЦГАМО. Ф.66.Оп.22.Д.528.Л.21.

56. Там же. Л.24.

57. РГАСПИ. Ф. 17. Оп.2. Д.211. Л. 18.

58. Всесоюзное совещание по единому сельскохозяйственному налогу при Наркомфина Союза ССР. 1-8 февраля 1927 г. М., 1927. С.4.

59. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 274. Л. 95.

60. Рогалина Н.Л. Новая экономическая политика и крестьянство. /НЭП. Приобретения и потери. М., 1994. С. 14.

61. Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918-1939. С. 836

62. ЦГАМО. Ф.66. Оп.11.Д.96.Л.19.

63. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1837. Л.67.

64. Бюллетень Тверского Губисполкома № 5-6. 1июля 1929 г. С.10-11.

65. Бюллетень Тверского Губисполкома № 14. 25 ноября 1929 г. С.33.

66. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 1250. Л. 4.

67. Солопов А.Н. Кого считали кулаком в 20-е гг.//Вопросы истории КПСС.1990.
№10.С.70.//

68. О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться кодекс законов о труде //Важнейшие постановления Коммунистической пар-тии и Советского правительства 1927-1935 гг. М.,1957. С.113.

69. Данилов В.П. Создание материально-технических предпосылок кол-лективизации сельского хозяйства в СССР. М.,1957. С.315.

70. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 1250. Л. 4.

71. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 7. Д. 275. Л.273.

72. Бюллетень Тульского губернского комитета ВКП(б). № 2. 30 октября 1928. С3.

73. Сельское хозяйство Союза ССР в 1927-28 г. М.,1929. С.448-454

74. СЗ СССР. 1928 г. №24. Ст. 212. С.474.

75. Литвак К.Б. Жизнь крестьянина 20-х. Г.: современные мифы и исторические реалии.// НЭП. Приобретения и потери. М., 1994. С. 201

76. РГАЭ. Ф. 7733. Оп.4. Д. 1044. Л.25.

77. Литвак К.Б. Жизнь крестьянина 20-х г.: современные мифы и исторические реалии./НЭП. Приобретения и потери. М., 1994. С. 197.

78. История крестьянства СССР. История советского крестьянства. М. 1986. Т.2.С.97.

79. ЦГАМО. Ф. 665. Оп. 1. Д. 478. Л. 35.

80. Там же.

81. Бюллетень № 5. XII Тульский Губернский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Тула. 1927. С. 22.

82. ЦГАМО. Ф.66. Оп.11. Д.96.Л.52.Об.

83. Бюллетень № 3. XII Тульский Губернский съезд Советов рабочих, крестьянских и

красноармейских депутатов. Тула. 1927. С. 15

84. ЦГАМО. Ф. 665. Оп. 1. Д. 478. Л. 33.

85. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 23. Д. 8. Л. 399.

86. ЦГАМО. Ф.66. Оп.11. Д.4011. Л.36.

87. ЦГАМО. Ф. 665. Оп. 1. Д. 478. Л. 35.

88. Абрамов Б.А. Коллективизация сельского хозяйства в РСФСР. /Очерки коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках /М.,1963.С78.

89. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 23. Д. 8. Л. 509.

90. О дополнении и изменении постановления ЦИК и СНК СССР от 24 августа 1927 г. О самообложении населения. Постановление ЦИК и СНК СССР от 10 января 1928 г. СЗ СССР. 1928 г.

91. «Московская деревня» 17 октября 1927 г.

92. СЗ СССР.1927. №51. Ст.509.П.1-15.

93. «Московская деревня» 17 октября 1927 г.

94. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 22. Д. 782. Л. 45

95. ЦГАМО. Ф. 66. Оп.25.Д.266.Л.54

96. Там же. Л.56

97. ЦАОДМ. Ф. 2867. Оп. 1. Д. 225. Л. 66.

98. ЦГАМО. Ф.66.Оп.25.Д.266.Л.54

99. Там же.

100. Там же. Л. 575.

101. Бюллетень Тульского Окрисполкома и Горсовета № 3. 21 сентября 1929. С. 1.

102. Бюллетень Тульского Окрисполкома и Горсовета №11. 14 ноября 1929. С. 6.

103. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 17. Д. 81. Л. 63

104. «Московская деревня» 5 января 1927 г.

105. Бюллетень Тульского Окрисполкома и Горсовета №11. 14 ноября 1929. Сб.

106. Тверская губерния в 1926-28 г. К отчету губисполкома к XVI губерн-скому съезду Советов. Тверь. 1929 С. 159.

107. «Московская деревня» 17 октября 1927 г.

108. Гензель П.П. Налоговое законодательство СССР. М., 1927 . С. 191.

109. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 23. Д. 8. Л. 398.

110. «Московская деревня» 17 октября 1927 г.

111. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 23. Д. 8. Л. 577.

112. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 17. Д. 81. Л.67

113. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 114. Л.139. 114.РГАСПИ. Ф.17 Оп. 21. Д. 1822. Л. 53.

115. ЦГАМО. Ф.66.Оп. 19.Д.357.Л. 176.

116. Там же. Оп.18.Д.893.ЛЛ.2-3 Об.

117. Бюллетень Тульского Окрисполкома и Горсовета №9. 31 октября 1929. С.7.

118. ЦГАМО. Ф.66.Оп.22.Д.721.С13.

119. «Московская деревня» 1 апреля 1928 г.

120. Литвак К.Б. Политическая активность крестьянства в свете судебной статистики 20-х годов. //История СССР. 1991. №2. С. 20.

XII. ДЕФОРМАЦИИ АГРАРНОЙ СФЕРЫ. КРИЗИС ПОЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИИ

Наступление командно-административной системы по всему фронту не могло не затронуть поземельные отношения в предкол-хозной деревне. Здесь, традиционно, сталкивались интересы различных слоев деревенского общества. С одной стороны, именно в этой сфере лежала перспектива развития единоличного предпринимательского хозяйства, а с другой стороны, государство, усиленно регламентируя правила землепользования, аренды, субаренды, условия найма рабочей силы, могло не дать такому хозяйству возможностей для роста. Деструктивная политика конца 20-х годов как в зеркале отразилась в нормативных земельных актах рассматриваемого периода.¹

Издание земельных законов было отнесено к компетенции Союза ССР еще Конституцией 1924 года. Накануне XV съезда партии 20 октября 1927 г. ЦК принял «Директивные указания для выработки союзного закона о землеустройстве и

землепользовании». Несколько ранее, 15 октября 1927 г. согласно Манифесту ЦИК СССР по случаю десятой годовщины Октябрьской революции, был создан фонд с уставным капиталом 10 млн. для землеустройства всех бедняцких хозяйств и маломощных хозяйств середняков.² Почти одновременно, правительство РСФСР лишило зажиточное крестьянство права на получение кредита для производства земле-устроительных работ.

Как правило, политика ограничения верхушки деревни в области земельных отношений проводилась по двум направлениям: во-первых, путем установления режима наибольшего благоприятствования для бедняцких хозяйств и, во-вторых, посредством принятия запретно — ограничительных норм, снижавших размеры землепользования зажиточных хозяйств. По первому направлению в течение 1927-1929 гг. партийными функционерами были предприняты ряд конкретных шагов: 15 декабря 1928 г. ЦИК СССР утвердил принятие закона «Общие начала землепользования и землеустройства», состоявшего из 63 статей, разделенных на 13 разделов.³ Статья 7 «Общих начал» декларировала, что право на пользование землей предоставлялось всем трудящимся с признанием права выбора форм землепользования. Однако в этой же статье законом подчеркивалось, что «преимущественное право на получение земли в трудовое пользование имеют сельскохозяйственные коллективы, а также бедняцкое безземельное население».⁴

В этом же году Наркомзем РСФСР определил новые задачи и формы землеустройства, подчинив все виды работ в единоличном секторе задачам коллективизации. Землеустройство индивидуального сектора должно было проходить так, чтобы оно облегчало переход к общественному производству.⁵ Этому содействовал принцип — от выборочного землеустройства отдельных сел, деревень и хозяйств к землеустройству, охватывающему определенные районы в целом. Заседание Тверского губкома ВКП (б) постановило проводить землеустройство так, чтобы оно способствовало организации колхозов, «взяв при этом линию на организацию крупных колхозов, стремясь к вовлечению целых селений».⁶ Поселки при расселении многодворных селений должны были создаваться «с таким расчетом, чтобы... эти поселки переходили к общественной обработке земли».⁷ Земельные наделы крупных общин рекомендовалось разбивать «на отдельные клетки», объединяющие группы бедняцких и бедняцко — середняцких хозяйств (20-25 дворов). Создание таких групп облегчало возникновение так называемых открытых колхозов, земля которых не выделялась сразу к одному месту, а оставалась в полях общинного севооборота и «собиралась» постепенно путем присоединения новых членов (в этих случаях и производился обмен полос).⁸

Для членов коллективных хозяйств также положительно был решен вопрос о выделе земли из надела общины. Колхозники могли выделяться в любое время, не ожидая

общего передела или земле-устройства. Земельная площадь, на которой вводилась общественная обработка, не могла уменьшаться при передачах земель в обществе или при землеустройстве, если даже она превышала долю, причитающуюся данному коллективу, по разверсткам и нормам. После проведения землеустройства и производства выделов, когда любые новые изменения землепользования, «требующие досрочных общих переделов земли», допускались «лишь с согласия общества», для колхозов было сделано исключение: выдел земли для них производился беспрепятственно.

Таковыми же преимуществами колхозы и бедняцкие группы населения пользовались в отношении качества и расположения предоставляемых им земель. Передача колхозам, беднякам и маломощным середнякам лучших земель и оттеснение кулака на неприличные для него худшие земли в ходе землеустройства было равносильно новому и более глубокому социальному перераспределению земли. Это свидетельствовало о начинающейся коренной ломке общинных традиций, связей и норм.⁹ Безусловно, классовость землеустройства выражалась не в том, что для бедных крестьян оно осуществлялось бесплатно и вне очереди. Главным образом классовость проявлялась в том, что при землеустройстве лучшие земли изымались из пользования тех, кто их обрабатывал до сих пор, и передавались колхозам или бедным крестьянам, что вызывало массу раздоров и злоупотреблений.¹⁰ В результате, землеустройство, всегда служившее предметом социальных антагонизмов, стало одним из важнейших участков острой борьбы в деревне. При этом власть продолжала активно внедрять запретно-ограничительные меры, по отношению к предпринимательским хозяйствам.

«Общие начала» сохранили нормативные ограничения частых переделов земли. Вместе с тем, закон разрешал проводить переделы при «необходимости борьбы с кулачеством» и в случаях «перехода к улучшенным формам хозяйства».¹¹ Специально против предпринимательских земледельческих хозяйств было направлено постановление Пленума Особой коллегии высшего контроля по земельным спорам (от 21 июня 1928 г.), на основании которого у крестьян, использующих наемный труд, могли изыматься не только полевые, но и усадебные участки. Причем коллегия не приняла во внимание тот факт, что практически все крестьянские дворы, в той или иной степени использовали наемный труд. Тем более что сельские труженики могли вообще больше не иметь других угодий, кроме усадебного участка.

В конце 1929 г. СНК РСФСР с целью дальнейшего ущемления при землеустройстве верхушки деревни и большего охвата землеустроительными работами коллективных земель повысил втрое для наиболее обеспеченных хозяйств и в полтора раза для середняцких хозяйств предельные погектарные расценки землеустроительных и земельно — регистрационных работ, возложив на сельские советы составление списков

таких хозяйств.¹² По закону лицам, лишенным избирательных прав земля могла предоставляться в последнюю очередь и лишь в исключительных случаях. Вводилось запрещение на предоставление «бывшим помещикам и другим землевладельцам, выселенным из принадлежавших им хозяйств, в случае желания их вести трудовое хозяйство, земли в тех губерниях и округах, где они раньше владели землей». ¹³ Новый закон, основанный на классовом принципе пользования землей, требовал «землеустройство по заявкам на хутора и отруба производить в последнюю очередь, вплоть до полного оставления этих заявок без исполнения в тех случаях, когда образование хуторов и отрубов ведет к росту и укреплению кулачества (ст. 18) Выделение на хутора зажиточных хозяйств запрещалось. Руководство Тверской губернии рапортовало в Москву: «Землеустройство хуторов и отрубов сведено до 2,5% к общему количеству общинного землеустройства за 1928 г.» ¹⁴ Причем этот вид землеустройства был произведен преимущественно за счет неоконченных дел прошлых лет.

Реакция крестьян на землеустроительную политику большевиков была крайне негативной. Жители Каширского уезда Московской губернии в своих выступлениях на общих собраниях отмечали, что «целесообразнее помочь средствами зажиточному, а потом с него лишним налогом эту помощь взять обратно — этим и бедноту изживем. А то дают ряд льгот бедняку, который все не может поднять хозяйство. Новый закон делает травлю в деревне и бедноту не изживет, ибо дает бедняку лучшую землю, а обрабатывать ему нечем и земля постепенно будет ухудшаться». ¹⁵ Подмосковный крестьянин — бедняк Власов считал неправильным «закрепление земли за коллективами при переделе. Плохо, что закон не дает права распоряжаться землей по своему усмотрению. По моему мнению должно быть так: раз государство налог за землю с мужика дерет, то должно дать ему право распоряжаться землей свободно». ¹⁶ В Коломенском уезде крестьяне составили петицию, в которой заявляли: «по-нашему мнению, преимуществ на получение более лучших по качеству земель никто не должен иметь. Все должны иметь одинаковое право на землю. Хочешь трудиться на земле — получай землю на общих основаниях. Коллективам и бедноте дается много льгот, а кто там, в этих коллективах — лодыри и выходит, что закон хочет помогать лодырям за счет тружеников мужиков». ¹⁷

Используя все имеющиеся в своем распоряжении рычаги давления, государство стремилось не только замедлить рост индивидуальных хозяйств, но и установить тотальный контроль над собственником. Указанная цель достигалась не только через вмешательство властей в вопросы землеустройства, но и посредством пересмотра арендных отношений.

С одной стороны — аренда позволяла наиболее полно использовать хлеборобам

пустующие земли, с другой, — затрудняла учет Доходов некоторых крестьянских хозяйств. В июле 1928 г. был издан закон «О предельном сроке аренды земли».18 По сообщениям Информотдела Президиума Моссовета предварительное обсуждение проекта этого закона на местах, проходило очень пассивно. Так, в Орехово — Зуевском уезде Московской губернии на общих собраниях крестьян «проект обсуждался недостаточно глубоко, а в некоторых волостях отмечается штампованность вынесенных предложений».19 В итоговом варианте закона были резко сокращены сроки аренды (до I севооборота, но не свыше 6 лет). Волостные и районные исполкомы получили право уменьшать сроки аренды до 3-х лет для тех хозяйств, которые, несмотря на оказываемую им помощь со стороны государства и кооперации, не обрабатывали сами предоставленную им землю, а сдавали ее из года в год в аренду. Если по истечении предельного срока аренды хозяйство не приступало к самостоятельному использованию земли, оно лишалось ее. Эта норма закона была направлена против тех хозяйств, которые, не занимаясь сельскохозяйственным производством (отходники, кустари и т.д.), сдавали землю в аренду. Данный закон, являясь непосредственным выражением политики усиленного наступления на верхушку деревни, оказал значительное влияние на размеры аренды земли этой категорией крестьян.

В том же 1928 г. в большей степени, чем прежде, проявилась характерная для губерний Центрального промышленного региона тенденция — сдача крестьянами земли в аренду и отход на несельскохозяйственные промыслы.20 В Московской губернии подобной практикой занималось 65% крестьянских хозяйств. Причем, этот вид заработка давал каждому двору до 40% дохода.21 Еще масштабнее это явление наблюдалось в Тульской губернии, где уже 95,5% крестьянских семей отпускали своих работников сезонно или постоянно на заработки в близлежащие города на фабрики и заводы.22

Чаще всего землю в аренду сдавали бедняки, полупролетарские элементы деревни. Это вызывалось главным образом отсутствием рабочего скота, инвентаря, иногда здоровых мужских рук. В Московской, Тверской, Тульской, Владимирской, Рязанской и ряде других губерний именно на эту категорию хозяйств падает 14,76% сданной в аренду всей пашни и до 20% частично.23 Оставшееся количество земли обрабатывалось преимущественно путем найма у односельчан средств производства, нередко вместе с их владельцами. Землю арендовали обычно середняки, зажиточные крестьяне. Для кулацких хозяйств, поставленных на учет, вводился запрет на аренду. В случае его нарушения, земельные комиссии в порядке наказания изымали землю из пользования сдающего двора. Наказывались и арендаторы. Крестьяне, бравшие у отходников землю в аренду, почти всегда стремились приуменьшить арендуемый клин с целью избежать повышенных налогов. В Новоторжском, Осташковском и др. уездах Тверской губернии широкое распространение получила скрытая обработка арендуемой земли наемным трудом.24 Наблюдалось и такое явление, когда сельские хозяева, стараясь избежать выплат больших налогов, вообще не сеяли на своей земле, а использовали за небольшую плату посевную площадь малоимущих крестьян и таким образом уходили из под

контроля налоговых органов. Прибегали деревенские жители и к другим ухищрениям. Параллельное существование Земельного кодекса и «Общих начал» толкали преуспевающее хозяйство на применение следующего способа обхода земельных законов: при заключении договора аренды земли в них указывали сроки, предусмотренные статьей 29 ЗК (до 12 лет), хотя эти сроки были понижены (до 6 лет и даже до 3-х) статьей 38 «Общих начал».25 В некоторых сельских советах договоры аренды регистрировались без учета последних изменений в законодательстве, придавая тем самым незаконным сделкам видимость правовой силы.26

Сдача земли трудового пользования в аренду признавалась законной только при условии регистрации договоров об аренде в сельсовете.27 Последний, имел право отказывать в регистрации в том случае, если земля сдавалась в аренду с нарушением закона: а) если условия аренды являлись кабальными для малоимущего крестьянства б) если земля сдавалась в аренду кулацким хозяйствам» («О предельном сроке аренды земли»). Поставив преграды расширению землепользования зажиточными хозяйствами и предпринимательской аренде, закон предусмотрел и средства борьбы с уже имевшими место до его издания нарушениями классового принципа в земельных отношениях: возможность проведения обязательного землеустройства, перераспределение земли, досрочные переделы.

К началу коллективизации произошло расширение арендных отношений в хозяйствах мелких товаропроизводителей, что было связано как с законодательными ограничениями, так и с измельчением предпринимательских хозяйств. В 1929 году по сравнению с 1927 г. по всем группам возросло число хозяйств, прибегавших к сдаче, и увеличилось количество сдаваемой земли. В группе мелких товаропроизводителей оно поднялось до 53,4%.28 В октябре 1929 г. по постановлению ЦИК и СНК СССР устанавливался предельный срок аренды в 6 лет. Кроме того, предусматривалась возможность его понижения до 3 лет.29 На поливных землях аренда допускалась во всех случаях на срок не более трех лет. Особенностью этих земель было интенсивное их использование и, как следствие, возможность получения значительных доходов, что противоречило проводимой партии политике в аграрном секторе.

Еще одной особенностью развития арендных отношений в Центральном промышленном районе являлся значительный удельный вес в составе арендного фонда государственных земель — до 52%. Однако в 1929 г. правительство ограничивает сдачу государственных земель в аренду, обратив их «для организации крупных сельскохозяйственных предприятий — советских, кооперативных и коллективных хозяйств».30 До тех пор, пока вся площадь государственных земель не была вовлечена в использование коллективных хозяйств, разрешалась их передача некооперированному населению. Для лиц, лишенных избирательных прав, а также для

пред-принимательских хозяйств сдача этих земель не допускалась. Этим же циркуляром НКЗ РСФСР предложил земельным органам «проверить социальный состав держателей земель из числа некооперированного населения с тем, чтобы в срочном порядке ликвидировать их использование кулацким населением.³¹ Договоры аренды с кулацкими хозяйствами расторгались в земельных комиссиях, которые, вопреки буквальному смыслу указанной нормы, признавали недействительными и договоры на аренду государственной земли, заключенные с кулацкими хозяйствами, входившими в состав кооперативов.³²

По закону категорически запрещалась субаренда земли, за нарушение этого запрещения устанавливалась возможность применения к участникам противозаконной сделки наказания в виде лишения права пользования землей и привлечения к уголовной ответственности. Несколько ранее, в марте 1928 г., в Уголовный кодекс РСФСР 1926 года была внесена дополнительно норма, которая прямо предусматривала уголовную ответственность за передачу арендованной земли.³³ Нарушение законов о национализации земли в форме купли-продажи, дарения и залога, самовольной мены — т.е. любое, не разрешенное законом, отчуждение прав трудового землепользования — наказывалось лишением свободы до 3 лет, лишением предмета сделки и вознаграждения по ней, а также лишением

надела до 6 лет. Субаренда наказывалась лишением свободы или исправительно — трудовыми работами до 1 года, либо штрафом до 500 руб., с лишением земли до 6 лет. Повторная субаренда — лишением свободы до 2 лет и отчуждением надела на срок до 6 лет или без такового. Нарушения законов о национализации земли были нередким явлением. Так, в Селижаровской волости Тверской губернии имела место субаренда, при которой верхушка деревни арендовала землю у бедняков, передавая затем земли втридорога ее середнякам хозяйствам, испытывавшим недостаток земли.³⁴ Подобные факты так же встречались в Рязанской, Псковской, Владимирской и ряде других губерний. Рассматриваемый период земельных отношений и земельного законодательства завершается полным запретом индивидуального землеустройства, решение о чем было принято постановлением Коллегии союзного НКЗ от 23 декабря 1929 года.

В течение 1927-1929 гг. государство последовательно проводило политику, на ограничение предпринимательской деятельности единоличных хозяйств, используя землеустройство как достаточно эффективный инструмент. Лишение наиболее активной части крестьян кредита для производства землеустроительных работ, способствовало развитию бедняцких и коллективных хозяйств. Наряду с этим, им давались лучшие наделы, облегчался выдел из общины, разрешалась сдача земли в аренду. Напротив, зажиточные хозяйства оттеснялись на худшие по качеству участки, а их

землеустройств-во проводилось в последнюю очередь и за определенную плату. Выдел на отруба и хутора был запрещен. Любой отход от положений «Общих начал» грозил потерей не только пахотных, но даже приусадебных наделов.

Неотделима от вопроса поземельных отношений и проблема найма рабочей силы и средств производства. В сельском хозяйстве страны работа по найму была главным занятием для 1032,4 тыс. деревенских жителей и побочным занятием для 531,1 тыс. человек.³⁵ По данным обследования труда и быта 1927 г. в Центрально-промышленном районе к продаже рабочей силы в сельском хозяйстве прибегло 48,2% бедняков, не имевших в своем хозяйстве рабочего скота, и 16,9% беспосевных.³⁶ Основная масса мелкокапиталистических хозяйств деревни была сосредоточена в сельском хозяйстве. Из 754 тыс. хозяев, использовавших наемный труд в своем главном занятии, 714,5 тыс. (94,8%) вели сельское хозяйство.³⁷ В Московской, Тверской, Тульской губерниях наем рабочей силы превышал средне российские показатели. В этой группе губерний в 1927 г. 62,6% предпринимательских хозяйств использовали наемную рабочую силу.³⁸ В 1928 г. 12,5% хозяйств прибегало к найму рабочей силы, а в 1929 г. — 16,3%.

В целом, в масштабе Центрального промышленного района, число срочных и помесечных наемных рабочих включая кустарно-промысловых, выросла с 1926 по 1929 г. на 17,4%.³⁹ Часто земле-владельцы прибегали к найму рабочей силы не из-за стремления извлечь прибыль за счет эксплуатации, а в связи с отсутствием необходимого числа рабочих рук в разгар полевых и уборочных работ. Средняцкие слои деревни использовали преимущественно поденный наем, т.к. дополнительная рабочая сила была необходима лишь на короткий промежуток времени в разгар сельскохозяйственных работ. Беднота обыкновенно нанимала рабочую силу вместе с инвентарем или лошадей для вспашки. Основным документом для определения статуса хозяйств, использующих наемную рабочую силу, были «Временные правила об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах трудового типа» (далее «Временные правила»). В соответствии с ними в 1927 г. хозяйства делились на две группы: во-первых, использующие подсобный наемный труд и, во-вторых, хозяйства промышленного типа. Вопрос о разделении промышленно-предпринимательских хозяйств от крестьянских хозяйств трудового типа, применяющих также наемный труд, был наиболее сложным и наименее разрешенным в трудовом законодательстве. Сами «Временные правила» этот вопрос не решали. Это приводило к значительному расширению круга хозяйств, на которые распространялось действие «Временных правил». В новой редакции «Временных правил» было оставлено в силе положение о том, что в хозяйствах промышленного типа при найме рабочих должны соблюдаться те же трудовые нормы, что и в совхозах и разработаны принципы, по которым те или иные хозяйства считались организованными по промышленному типу. В конце 1927 г. — начале 1928 г. в большинстве районов страны были приняты подзаконные акты, установившие ряд признаков хозяйств промышленного типа. Тем самым повсеместно была создана юридическая основа для регулирования отношений найма в обеспеченных

хозяйствах. В частности, Тверской губернский исполнительный комитет отнес к числу промышленных такие хозяйства, которые имели посева свыше 1,5 дес. на едока, более одной головы крупного рогатого скота на двух едоков и одной рабочей лошади на трех едоков; хозяйства имеющие предприятия, вне зависимости от применения наемного труда (мельницы, маслодельные заводы, сыроваренные заводы и т.д.); а также хозяйства, занимающиеся промыслом; имеющие торговые заведения, нетрудовые доходы, доходы от культовой службы.⁴⁰

В связи с развернувшимся наступлением на кулачество предпринимательские хозяйства сократили масштабы найма срочных рабочих, достигавшие в предыдущие годы до 206 дней в году на одно хозяйство, прибегавших к нему, и перешли к более широкому применению поденного найма, т.е. практически к не учитываемым его формам. В результате чего среднее число дней на одно нанимающее хозяйство к 1929 г. уменьшилось почти в 2 раза, тогда как число хозяйств с наймом осталось почти без изменений. Большинство кулацких хозяйств стало использовать наемную рабочую силу менее 50 дней.⁴¹ В хозяйствах крепнущих середняков происходил переход от кратковременного найма к более длительному найму. Применение труда наемных рабочих получило широкое распространение в кустарной промышленности. Число мелких предпринимателей, использовавших наемный труд, составляло до 10% в общей массе деревенских кустарей.⁴² Кроме того, крестьянское хозяйство не могло обходиться и без так называемого непроизводственного найма (печники, плиточники и т.п.).

Половозрастная структура наемных рабочих отличалась широким привлечением труда женщин, малолетних и подростков. По данным опроса 1926 г. число женщин в Центральном промышленном районе в общем найме составляло 48%, что было выше общероссийского (35,1%) и общесоюзных (34%) показателей.⁴³ Как правило, до половины женщин нанимались на работу в качестве нянь (49,5%). В Московской губернии нянями работали 10.871 женщин, в Тверской — 15.187, в Тульской — 1.650.⁴⁴ Широкое использование женского, детского и подросткового труда было связано с отходом трудоспособных мужчин на заработки, в связи с чем на рынке сельскохозяйственного труда возникал в разгар сельхозработ недостаток мужской рабочей силы. В Тульской губернии заработки отходников рабочих специальностей за сезон составляли в среднем до 70 руб., а у портных и сапожников — до 140 руб.⁴⁵ Это были достаточно серьезные суммы, превращающие промысел в альтернативный заработок который в свою очередь увеличивал наем других категорий сельскохозяйственного населения непосредственно в деревне. Наем женщин и подростков увеличивал долю неоплаченного труда. В 1927/28 гг. было выявлено значительное количество нарушений условий труда наемных рабочих, особенно в предпринимательских хозяйствах. Чаще всего незаконно удлинялся рабочий день; причем, таким он сохранялся на протяжении всего срока найма. Другим наиболее часто встречающимся нарушением трудовых прав являлись нарушения в вопросах оплаты

труда. На величину среднего месячного заработка известное влияние оказывал и срок найма. Чем короче срок найма, тем обычно была выше оплата труда. Необходимо отметить, что заработная плата батраков, занятых в состоятельных хозяйствах в целом (по РСФСР) была выше, чем у батраков, нанятых хозяйствами с подсобным наемным трудом. В среднем эта разница составляла 5% в 1927 г.⁴⁶ На оплату рабочей силы (срочной, поденной) затрачивались весьма значительные средства. Так, заработок взрослого батрака с переоценкой стоимости хозяйского питания составлял 25,3 руб.⁴⁷ В Московской губернии зарплата наемного рабочего в единоличном хозяйстве равнялась 25 руб. 16 коп. Причем мужчины получали выше средней планки — около 31 руб. 87 коп., женщины — 27 руб. 51 коп., а заработок детей колебался в рамках от 22 руб. 74 коп. до 24 руб. 10 коп.⁴⁸ В Тверской губернии зарплата наемного рабочего составляла 20,01 червонного рубля: мужчины получали в среднем 30 руб. 07 коп., женщины — 19 руб. 09 коп., дети в пределах 13 руб. 50 коп. — 18 руб. 76 коп.⁴⁹ В Тульской губернии зарплата наемного рабочего в среднем составляла около 18 руб. 50 коп.⁵⁰ На размер зарплаты оказывали влияние многие причины, в том числе и наличие договора найма в письменной форме.

Наиболее детально и жестко постановление «О порядке применения КЗоТ в кулацких хозяйствах», принятое в 1929 г., регулировало вопросы оплаты труда батраков, занятых в так называемых кулацких хозяйствах. Учет зарплаты должен был производиться путем ведения расчетных книжек, разработанных Наркоматом труда СССР специально для лиц, работавших в таких хозяйствах. Вводилась повышенная оплата сверхурочных часов и работы в выходные дни. Натуральная часть зарплаты (включая питание), не могла превышать трети всей зарплаты. Запрещалось включать в зарплату стоимость жилья и спецодежды. Наниматель не мог выплачивать деньги реже одного раза в месяц и устанавливать оплату ниже среднего заработка батраков в хозяйствах кулаков данного района. Вводился оплачиваемый отпуск (из расчета один день за один проработанный месяц по найму). Предусматривалась выплата пособий

в местностях, где к тому времени не было введено социальное страхование, а также в случае призыва батрака в ряды РККА. Закон безоговорочно запретил нанимателям производить какие-либо вычеты из заработной платы рабочих.⁵¹ Поэтому большинство нанимателей старалось юридически не оформлять двухсторонние соглашения.

В 1929 г. был издан специальный нормативный акт, регулировавший трудовые споры между батраками и нанимателями, — закон «О порядке рассмотрения трудовых споров (конфликтов) в крестьянских хозяйствах».⁵² В нем содержались специальные статьи, которые устанавливали правила рассмотрения конфликтов, возникших в предпринимательских хозяйствах. Такие конфликты рассматривались либо в расценочно — конфликтных комиссиях, либо в народном суде. В отношении

предпринимательских хозяйств закон установил более продолжительные сроки для обращения в суд и расценочно- конфликтную комиссию (от одного до шести месяцев со дня возникновения спора). Рассмотрение конфликтов, возникавших в хозяйствах кулацкого типа (не предпринимательских), про-водилось по общим для всех крестьянских хозяйств правилам. Та-ким образом, законодательство о порядке рассмотрения трудовых споров было призвано защищать интересы батрачества, способст-вовало усилению контроля за выполнением законов о труде всеми нанимателями в деревне, и в первую очередь — зажиточными.

26 октября 1927 г. ЦИК и СНК СССР был принят «Закон о со-циальном страховании лиц, занятых по найму в крестьянских хо-зяйствах». До издания этого правового акта социальное страхова-ние в деревне распространялось лишь на незначительную часть де-ревенского пролетариата. Новый страховой закон расширил кате-горию лиц, подлежащих страхованию за счет дополнительного на-логообложения предпринимательских хозяйств. Страхование наем-ных рабочих становилось обязательным. Промышленные хозяйства обязывались уплачивать страховые платежи в размере 10% зарпла-ты каждого рабочего. Такой размер платежей был установлен для той части хозяйств, которые попадали под признаки, установлен-ные во «Временных правилах» 1927 г. (примечание I к статье I — применение одновременно труда трех батраков на протяжении все-го сельскохозяйственного сезона, выработка хозяйством (одним из его членов) патента на владение промышленным предприятием не ниже 2 разряда либо занятие торговлей или посредничеством — неза-висимо от разряда). Кулацкие хозяйства, признанные таковыми в соответствии с признаками, установленными обязательными поста-новлениями губернских, краевых, областных исполкомов и СНК АССР, также уплачивали 6%-10% от суммы зарплаты нанятых рабо-чих в качестве страховых платежей.⁵³ Разница в размере страховых платежей, уплачиваемых промышленными и кулацкими хозяйства-ми была вызвана тем обстоятельством, что кулацкие хозяйства, при-знанные таковыми в соответствии с признаками «Временных пра-вил», были более мощными, богатыми. Это не могло не влиять на размеры найма батраков крупными хозяйствами и способствовало, наряду с индивидуальным обложением, сокращению размеров най-ма рабочих промышленными хозяйствами, которое наблюдалось к 1929 г. Высокие суммы взносов по страхованию наемных рабочих и их обязательность вызывали недовольство верхушки деревни и по-пытки невыполнения норм страхового закона.

В остальных крестьянских хозяйствах закон установил добро-вольный принцип страхования с резко уменьшенным размером страховых платежей по сравнению с платежами кулацких хозяйств (до 3% зарплаты работающего). В результате реализации этого за-кона процент добровольного страхования батрачества поднялся в среднем по стране до 52 — 55%, а по обязательному страхованию достигал 78-85%.⁵⁴ Страховому закону были присущи недостатки, характерные для многих правовых актов того времени. Он дубли-ровал «Временные правила» 1927 г., полостью повторяя признаки и порядок

признания крестьянских хозяйств кулацкими. Для определения сумм страховых платежей закон специально устанавливал порядок исчисления средней заработной платы наемных рабочих для определенной местности, хотя еще до издания закона было осуществлено нормирование зарплаты наемных рабочих путем установления государственного минимума, вполне пригодного для определения сумм страховых платежей.

В 1927-1929 г. значительные изменения прослеживаются в условиях и формах найма средств производства. В доколхозной деревне, по-прежнему, подавляющее большинство операций в сельскохозяйственном производстве осуществлялось с помощью самых примитивных орудий труда. Основными орудиями обработки земли во многих хозяйствах оставались простой плуг или даже соха. Уборка и обмолот хлебов производился вручную. Высокие затраты человеческого труда являлись показателем низкой производительности, отсталости, дороговизны производства. Как следствие, проблема трудоемкости решалась посредством расширения сельскохозяйственного найма. Губернии Центрального промышленного района выступали как территории с наиболее развитыми отношениями найма средств производства. В 1927 г. удельный вес таких хозяйств составлял 36,5%, в 1929 г. — 41,7%.⁵⁵ Особенно широкие размеры получила обработка пашни лошадьми и инвентарем (27,2%) и значительно реже — наемным скотом и своим инвентарем (1,1%, наемным инвентарем и своим скотом (1%), сурьгой (1,1%) и смешанным способом (13,8%).⁵⁶ Удельный вес хозяйств, вступавших в отношения найма средств производства (34,2%), почти полностью соответствовал удельному весу хозяйств без пахотного инвентаря (31,7%) и рабочего скота (33,1%). Это свидетельствует о том, что нанимавшие хозяйства не имели ни рабочего скота, ни инвентаря.

В Центральном промышленном районе наиболее широко найм средств производства практиковали представители пролетарских и полупролетарских слоев. Так в Тульской губернии 7,2% полупролетарских хозяйств нанимали средства производства (в среднем на одно хозяйство выходило 4,7 дня найма).⁵⁷ Крестьянство, ощущая острый недостаток в орудиях производства, искало выход из этого положения в разнообразных формах совместного пользования инвентарем. Самой распространенной формой была сурьга, чаще всего практиковавшаяся при молотье, первичной обработке льна и очистке зерна. Она носила трудовой характер, если в объединении участвовали хозяйства одинаковой мощности, использовавшие сообща инвентарь и рабочий скот. Наиболее распространенным было объединение от 2 до 5 хозяйств. Однако нередко сурьга маскировала отношения неравенства между хозяйствами различных групп деревни, когда сурьга объединяла рабочую силу бедняков и маломощных середняков и инвентарь или рабочий скот капиталистических хозяйств деревни. Как отмечалось в работе А.Гайстера, иногда под видом сурьги выступал «в скрытой форме наем скота и инвентаря мелкими хозяйствами и расплата за наем работой людей, т.е. отработкой».⁵⁸ О распространенности такого вида сурьги говорят данные динамического

обследования 1927 года: процент зажиточно-кулацких хозяйств, принимавших участие в супряге, был высок и достигал 30%, а стоимость орудий производства, с которыми деревенская буржуазия вступала в совместное пользование с менее мощными хозяйствами деревни, во много раз превышала стоимость орудий последних.

Скрытый кабальный характер был присущ и найму-сдаче рабочей силы, когда, зажиточный крестьянин шел со своим инвентарем в хозяйство бедняка. Это была одна из форм кабальной сдачи средств производства в аренду, когда хозяйство сдатчика получало скрытый доход в виде платы за сданный инвентарь от крестьян-наемателей. Бедняки оплачивали наем преимущественно работой, середняки — натурой или реже деньгами. В Тверской губернии имела место сдача бесплатно земли на один посев льна.⁵⁹ Деревенская верхушка, особенно связанная с мелкой промышленностью, торговлей нанимали на работу работников вместе с инвентарем и тягловой силой, используя их дешевый труд. В этом случае эксплуатация на базе найма средств производства смыкалась с эксплуатацией наемной рабочей силы.

Сдача средств производства в наем фактически расширяла рамки единоличного хозяйства, давая даже при незначительных площадях большой экономический эффект. Это делало сдачу средств производства очень привлекательной в глазах крестьян. Полупролетарские хозяйства и хозяйства товаропроизводителей чаще всего сдавали средства производства без владельца, что объясняется недостатком рабочей силы в этих крестьянских дворах. В Тульской губернии 12,36% полупролетарских хозяйств выступали в роли сдатчиков средств производства.⁶⁰ Средняцкие хозяйства нуждались в более сложном сельскохозяйственном инвентаре и некоторых машинах, преимущественно в молотилках, зерноочистительных машинах (17,6%) и т.д., значительно реже — в тягловой силе и простом инвентаре (11,2%). Возмещать недостаток средств производства эти хозяйства могли только наймом их у кулацкой верхушки деревни. В 1927 г. в РСФСР 37,4% хозяйств кулацкой группы сдавали в наем средства производства, а 25,9% хозяйств этой группы сдавали в наем главным образом машины. К 1929 г. удельный вес мелкокапиталистических хозяйств, сдававших средства производства, уменьшилась по сравнению с 1927 г. на 1,2%.⁶¹ Это было связано с ограничением верхушки деревни по линии сдачи средств производства.

Данные динамической переписи 1927 г. говорят о том, что хозяйства зажиточно-кулацкие получали от сдачи в наем машин и инвентаря в среднем на 63 рубля на хозяйство больше, чем хозяйства бедняцкие и на 52 руб. больше, чем середняцкие. Статистика позволила выявить строгую закономерность, сложившуюся при сдаче средств производства: чем выше стоимость сдаваемых средств производства, тем выше удельный вес капиталистических хозяйств в общей массе сдававших. Так, среди хозяйств, сдававших инвентарь за плату до 20 руб., предпринимательские

хозяйства занимали са-мое последнее место. В группе, где стоимость проката машин и ин-вентаря составляла 100 руб. и выше, такие хозяйства составляли 14,8% — т.е. в два раза больше, чем хозяйства зажиточных середня-ков и в 14-15 раз больше, чем хозяйств пролетарских и полупроле-тарских.⁶² В мелкокапиталистических хозяйствах сдача средств производства преобладала над их наймом. Это вполне закономер-ное явление, объясняемое наличием избытка средств производства в руках деревенской верхушки.

Особенно усилилось стремление состоятельных хозяйств к приобретению и сдаче в наем сложных машин в 1926-1928 гг., ко-гда увеличение площади посевов, применение наемной рабочей си-лы и аренда стали приводить к потере различных льгот и преиму-ществ. Руководство Тверской губернии на одном из совещаний подчеркивало, что предприимчивые крестьяне заняты преимущест-венно сдачей в наем, торговлей и ростовщичеством, а отнюдь не сельскохозяйственным производством. Вот из них то, по мнению местных властей, и появлялись кулаки.⁶³

Обеспеченные хозяйства, составлявшие незначительный про-цент в общей массе крестьянских хозяйств, в 1927 г. сдавали в наем машины и инвентарь в 20-25 раз чаще, чем бедняцкие хозяйства. Соответственно и размер доходов по этой статье был выше на 50-60 руб. в год, чем в хозяйствах бедняцко-средняцких. Как следствие, огромные доходы, получаемые от проката сложных машин, вызва-ли повышенный спрос на них со стороны предпринимательских хо-зяйств, которые тратили до 70% кредитов на покупку сложных ма-шин и тракторов. Сдача рабочего скота и инвентаря на прокат, от-дача машин и двигателей «в заработки на сторону» давали кулаче-ству значительные доходы. День проката сенокосилки приносил ее владельцу не менее 3 руб. дохода, пользование сеялкой обходилось в день до 3,5 рубля, а прокат жнейки стоил от 4 до 6 руб. в день.⁶⁴

Особенно дорого стоил прокат молотильных машин, состав-лявший до 8-11 руб. или 10% обмолоченного зерна, что позволяло получать владельцам до тысячи и более пудов зерна за сезон и окупать стоимость затрат на приобретение молотилки за один-два года. Колоссальная экономическая выгода проката молотилок при-вела к тому, что предпринимательские хозяйства стремились при-обрести их в первую очередь, и по мере возрастания мощности хо-зяйства увеличивался процент обеспеченности их молотилками. Значительную прибыль приносило техническое обслуживание и ремонт машин. Кузницы и мастерские обслуживали нужды самих оборотистых крестьян крайне незначительное время. В основном они работали по ремонту сельскохозяйственного инвентаря, при-надлежащего беднякам и середнякам. За ремонт плуга, например: владелец кузницы, брал до 20 руб., или ремонтировал в долг под будущий урожай. «Осенью он совершал своеобразное «полюдь», взимая с должников до 800-1000 пудов зерна». ⁶⁵ С помощью машин и инвентаря зажиточные крестьяне оказывали влияние не только на единоличников, но и на колхозы.⁶⁶

С 1927 г., когда был осуществлен переход к снабжению деревни сельскохозяйственным инвентарем и машинам по предварительным заявкам, введено планирование машиноснабжения и создана единая сеть сбыта, государство смогло в полной мере приступить к регулированию как спроса, так и размеров машиноснабжения различных социальных слоев деревни. Реализуя эту возможность, СТО СССР в апреле 1928 г. увеличивает проценты, под которые выдавались кредиты кулацким хозяйствам. А в июне того же года СТО СССР принимает постановление «О тракторостроении», законодательно закрепляя правило, по которому продавать в кредит зажиточным хозяйствам разрешалось лишь те орудия и машины, в которых не нуждались коллективные и бедняцко-средняцкие единоличные хозяйства данного района. Статистические данные свидетельствуют о том, что к 1928 г. основными владельцами тракторов были не отдельные крестьянские хозяйства, а различные виды товариществ и, прежде всего, колхозы и совхозы. Так, в Московской губернии в эти годы частным лицам принадлежало 0,3% тракторов; машинные товарищества владели 3,8% тракторов; на балансе подмосковных колхозов находилось 18,5% техники; самыми же обеспеченными являлись совхозы (34,6% тракторов)⁶⁷.

В декабре 1928 г. СТО СССР принял новое постановление «Об условиях продажи тракторов и производства их ремонта на 1928/29 г.» Вскоре началось изъятие у кулаков тракторов, и была запрещена продажа тракторов в местности, где не создавались машинно-тракторные станции. Конфискованные у кулаков трактора были использованы государством для усиления машиноснабжения колхозов.

С начала 1929 г. было приостановлено кредитование состоятельных хозяйств, приобретающих машины и орудия и допускалась их продажа зажиточным сельхозпроизводителям только за наличный расчет. Вводится также квота на количество машин и инвентаря, которое может быть продано этим слоям деревни (не более 10% от всего сбыта). Таким образом, во второй половине 20-х годов государство начинает более активно вмешиваться в вопросы найма и целенаправленно лишать крестьян возможности приобретения сложных машин.

Изменения в аграрной политике большевиков отразились и на развитии животноводства, что проявилось сначала в замедление прироста поголовья скота, а затем в его сокращении. Этому также способствовал ряд факторов. Во-первых, начиная с 1926 г. наблюдалось неуклонное падение цен на животноводческую продукцию (так в 1926 — 1927 гг. индекс цен на молоко снизился на 27,9%).⁶⁸ Во-вторых, в 1928-1929 году была усилена прогрессия в обложении скота. Облагаемый возраст рабочего и крупного скота в Московской, Тверской, Рязанской и Тульской губерниях был оставлен прежним,

как и в 1927/28 г., но теперь стал облагаться и племенной скот, а также и мелкий: овцы, козы, свиньи, что вызывало негатив-ную реакцию крестьянства.⁶⁹ И, наконец, остро ощущалась нехватка кормовых трав и зернофуража. Действительно, в Московской, Тверской, Рязанской и Тульской губерниях потребность животно-водческого сектора в кормовых травах была удовлетворена лишь на 27%.⁷⁰ Однако, вывод С. Мерля, полагающего, что именно вывоз зерна из деревни способствовал уничтожению почти половины поголовья скота, на наш взгляд не применим, к ситуации в вышена-званных губерниях.⁷¹ Безусловно, вывоз зерна из деревни это важ-ный фактор, оказавший существенное влияние на состояние живот-новодства, но отнюдь не единственный. Думается, что определяю-щую роль сыграла все-таки налоговая и ценовая политика. Под-тверждение этому мы можем найти в протоколах собраний коллек-тива Мосгубсуда, где после изучения нового налогово-го законода-тельства пришли к следующему заключению: «скотоводство в на-ших губерниях сократилось вследствие обложения скота большим налогом, а не от неурожая кормовых трав, т.к. нет смысла держать молодняк, который с полутора лет уже подлежит налоговому обло-жению наравне со взрослым, уже приносящим доход».⁷²

В конце 20-х годов, вновь предпринимались попытки обоб-щественения скота, вызывавшие вполне обоснованный пессимизм в крестьянской среде: «падение количества скота — грозный признак — писал К.Д. Савченко И.В. Сталину, — он свидетельствует о низком Уровне сельского хозяйства; количество скота вследствие отсутст-вия корма падает, а регулирование цен на молочные продукты, ичастично налога, и в довершение опасность за лишней коровий хвост попасть в кулаки, лишиться избирательного права — довер-шают дело сокращения скота».⁷³ Крестьяне не могли и не хотели помимо забот о личном хозяйстве заботиться еще и о коллективи-зированной скотине, поэтому забивали и съедали свой скот, чтобы не отдавать мясо, молоко и молокопродукты городам.⁷⁴ Как свиде-тельствовали сами партийные чиновники: «в части животноводства имеется весьма неприятная картина».⁷⁵ В РСФСР, как и в целом по стране, отмечалось сокращение поголовья крупного рогатого скота (87,5% к 1924 г.) Поголовье коров составило 95,8% к уровню 1925 г. В 1928 г. продолжился процесс снижения показателей. По срав-нению с 1926 г. они уменьшились на 8,3%, поголовье коров на 9,5%, свиней на 24%.⁷⁶ В результате в 1927 г. поголовье крупного рогатого скота составило 80,3% к уровню 1924 г., коров 86,6% к 1925.⁷⁷

Крестьянство в неблагоприятных условиях сокращало в пер-вую очередь продуктивный скот. По отдельным группам произош-ло следующее уменьшение показателей: количество лошадей со-кратилось на 2,2%; коров на 8,8%; овец 10, 9%; свиней 3,8%.⁷⁸ Су-щественные сдвиги видны и при распределении скота по крестьян-ским хозяйствам. С 1927 г. по 1929 г. количество бескоровных хо-зяйств увеличилось. В Тверской губернии — в 1,9 раза, в Москов-ской — в 2,3 раза. В целом средняя прослойка крестьянских хозяйств (главным образом однокоровных и двухкоровных) несколько уменьшилось, за счет увеличения бедняцкой группы. Крестьянство стремилось до

известной степени компенсировать сокращение поголовья крупного рогатого скота за счет увеличения рабочего, что могли себе позволить в основном крупные хозяйства. Поголовье лошадей в Центральном промышленном районе в 1928 г. составляло 2770,4 тыс. голов, увеличившись на 5,2%. В РСФСР же с 1925 г. оно увеличилось на 27,2%.⁷⁹ В исследуемых губерниях темпы роста поголовья были значительно ниже, чем по РСФСР. В Тверской губернии за это же время число безлошадных уменьшилось с 17,3% до 15,4%, однолошадных выросло с 74% до 74,9%, двухлошадных — с 8,3% до 9,3%. Количество хозяйств с тремя и более лошадьми осталось без изменений (0,4%).⁸⁰ Несколько другая картина наблюдалась в Московской губернии. Произошло увеличение безлошадников (22,4% в 1925 г., 31,7% в 1928), сократилось число однолошадников (71,3% в 1925 г., 62,7% в 1928 г.), а также хозяйств с двумя лошадьми (6% в 1925 г., 5,3% в 1928 г.) Число многолошадных хозяйств осталось без изменений (0,3%).⁸¹ Таким образом, крестьяне старались всеми возможными способами сохранить рабочий скот, понимая, что его потеря неминуемо приведет к общему упадку хозяйства.

Для выхода из кризиса животноводства власти предпринимали паллиативные меры, не менявшие в сущности аграрной политики. Большинство проблем решалось по старой схеме — с применением методов внеэкономического принуждения. И, как следствие, ответом на политику, проводимую партией в деревне, стал массовый забой скота крестьянами.

Свертывание большевистской властью политики нэпа, жестко ударившее по животноводству, не могло не отразиться и на судьбах сельскохозяйственной кооперации в российской деревне. Сельско-хозяйственная кооперация объединяла крестьян с целью производства, закупки, эксплуатации сельхозинвентаря, разведения скота, сбыта и переработки сельскохозяйственной продукции, получения выгодного кредита, пропаганды агрономических знаний. Кооперативное движение в деревне, зародившееся в начале XX в., получило товые импульсы для развития в условиях нэпа и к 1926 г. сельскохозяйственная кооперация выросла в мощную систему, состоящую из 13 различных товариществ, объединявших более четвертой части всех крестьянских хозяйств. К октябрю 1926 г. в товариществах 10сковской, Тверской и Тульской губерний было объединено 1306 тыс. членов, хотя надо помнить, что эти данные весьма условны, т.к. значительное число членов кооперации состояли одновременно нескольких кооперативах.⁸² Хозяйства с наибольшей товарностью легче объединялись в простейшие формы кооперации, и поэтому удельный вес бедняков в составе членов кооперативов был меньше, чем в общей массе крестьянства, а удельный вес кулаков — больше, «осударство политическими и экономическими мерами усиливало тозиции бедноты в кооперации, вытесняя предпринимательские хозяйства из низовых кооперативных организации.⁸³ Предпринимательские хозяйства, члены кооперативов обслуживались кооперативной сетью в последнюю очередь. Те кто были лишены права участвовать в выборах в советы и впоследствии этого не могли быть учредителями кооперативов, не должны были избираться в состав правлений кооперативов, советов,

ревизионных комиссий.⁸⁴ 1926/27 г. стала шире применяться практика дифференцированных вступительных и паевых взносов по социальным признакам. Серьезный удар по позициям деревенской буржуазии в кооперации нанесло решение ЦК ВКП (б) «Об организационном построении сельскохозяйственной кооперации» (июнь 1929 г.), в котором содержалось требование о лишении кулаков права голоса во всех видах кооперации (в потребительской кооперации права кулачества были ограничены еще в январе 1928 г.)

Особенно большую роль в изменении сущности кооперации сыграла кредитная политика. В силу сезонности производства крестьянское хозяйство для поддержания производственного ритма вынуждено прибегать к кредитам, т.к. оно особенно нуждается в кредитах на покупку скота, семян, инвентаря. Классовая направленность кредитования достигалась благодаря льготным условиям для бедняцко-среднеяцких слоев деревни (большая величина ссуды, пониженный ссудный процент, удлинение сроков возврата кредитов). Усилению кредитования маломощных и среднеяцких хозяйств способствовало также установление правила о первоочередном получении ими кредитов.⁸⁵ В январе 1928 г. было решено, что беднота и колхозы будут получать кредиты в рассрочку платежей до 4-х урожаев. Причем, главная тяжесть платежей будет приходиться на 3 и 4 год. В то же время середняк, оставаясь основным товаропроизводителем страны, получал кредиты в количестве, не соответствующим его доле в общественном производстве.

С ноября 1927 г. кредитная политика была тесно увязана со сдачей крестьянами хлеба.⁸⁶ Рост цен в этот период значительно опережал увеличение сумм по кредитам. Росли платежи крестьян государству, а также закупочные цены на хлеб (в июле 1928 г. они сравнялись с рыночными ценами). В ноябре 1928 г. разница между государственными и рыночными ценами составила 200%, что привело к росту инфляции и, хотя государство увеличило кредит в 2 раза, этого было явно «недостаточно. Таким образом, несмотря на постоянное увеличение кредитов, в условиях жесточайшего кризиса хлебозаготовок, беднейшее крестьянство не могло эффективно ими воспользоваться. Это породило иждивенческие настроения среди крестьян и колхозников, полагавших, что все кредиты имеют безвозмездный характер и их не обязательно возвращать государству. По словам современника: « на местах часто полученные средства делят по носам и деньги вместо укрепления производства идут на сарафан и на селедку, деньги проедаются, рождая аппетиты к дальнейшему попрошайничеству, и, конечно, погашены быть не могут».⁸⁷

Частый кредит, несмотря на различные препятствия со стороны власти сохранял еще свое значение в предколхозной деревне. В ряде районов страны в кредитовании сохранилась система поручительства, и маломощный крестьянский двор при получении

креди-тов нередко попадал в зависимость от зажиточных односельчан, практиковалась выдача кредита и под залог. По данным Москов-ской губернии в 1927 г. частный кредит получало 12,1% хозяйств, в 1928 г. — 15,7%.⁸⁸ Кредиторами выступала сравнительно немного-численная группа преимущественно предпринимательских хо-зяйств. (15,3% в 1927 г. и 3,8% в 1928 г.)

Рекомендации XV съезда в области кредитования (1928 г.) были осуществлены изданием постановления СНК СССР «О пере-смотре структуры и основ работы сельскохозяйственного креди-та».⁸⁹ Этим законом ликвидировалась старая система учета соци-ального положения членов кредитных товариществ. Как следствие, в 1928/29 гг. сельскохозяйственный банк РСФСР предложил обще-ствам сельскохозяйственного кредита (местным банкам) для опре-деления социальной принадлежности членов первичной сети ис-пользовать оценку средств производства в крестьянских хозяйствах по данным налоговых списков, которые наиболее полно и точно характеризовали классовое лицо учитываемых хозяйств. Коопера-тивное законодательство вводит принципы деления крестьянства на социальные группы, общие с трудовым и налоговым законодатель-ством. Одновременно, в целях более полного и последовательного осуществления классового принципа в строительстве кооперации с сентября 1929 г. резко повысился размер ежегодных взносов в коо-перацию, вносимых ее членами для усиления финансирования про-изводственной деятельности кооперации, коллективизации, созда-ния паевых и неделимых капиталов.⁹⁰ В результате, кулаки, являв-шиеся членами кооператива, должны были вносить сумму, в 9 раз большую, чем батраки и в 4 раза больше суммы, вносимой бедня-ками. Причем, закон разрешал товариществам увеличивать вдвое размер паевых взносов для крестьянских хозяйств, платящих еди-ный сельскохозяйственный налог в индивидуальном порядке.⁹¹ От-ношение самих крестьян к кооперации было зачастую неоднознач-ным. Даже представители подмосковной бедноты считали, что кооперация существует только «для того чтобы сбыть нам гнилой товар».⁹² Тульские крестьяне утверждали, что кооперация для них «из родной матери превратилась в мачеху»⁹³. Государственный монополизм так и не позволил сельскохо-зяйственной кооперации стать самостоятельной хозяйственной и общественной организацией; в ней постоянно нарушался частный интерес, право собственности и все то, что составляло стержень добровольного кооперативного движения. Кооперация была по-ставлена большевиками в прямую зависимость от государства как в административном, так и в финансовом отношении. Как справед-ливо указывал Л.Е. Файн «дальнейшее разрастание партназначен-ства в кооперации, ужесточение «классового подхода» к ней и ор-ганизовали ее разрушение в результате административной пере-стройки 1927-1929 гг.».⁹⁴ Обеспечив за собой руководящую роль в кооперативных организациях, партия возложила на них исполнение своих заданий, которые порой противоречили сущности коопера-тивной работы. В целом изменения в кооперативном движении происходили в русле общего развития аграрной политики и рас-сматривались большевистским руководством, прежде всего как мощное средство давления на крестьянство.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 2470. Л. 173.

2. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1976 С. 178.

3. СЗ.1928.№69.Ст.642.

4. Та же.

5. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 674. Л. 26.

6. Там же. Оп. 21. Д. 1831. Л. 123

7. Там же. Л. 179.

8. Там же. Л. 179.

9. РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 9. Д. 200. Л. 45.

10. Югов А. Народное хозяйство Советской России и его проблемы. //НЭП. Взгляд со стороны. М., 1991. С. 209. Данилов В.П. Указ. соч. С. 180.

11. СУ. 1929. № 89-90. С.929.

12. Там же.С.929.

13.Там же.

14. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1831. Л. 122.

15. ЦГАМО.Ф.66.ОП.17.Д.122.Л.10.

16. Там же. Л.7.

17. Там же. Л.8.

18. Постановление ЦИК и СНК СССР от 18 г. СЗ. 1928.№44.Ст394.

19. ЦГАМО.Ф.66.Оп.17.Д.122.Л.2.

20. Там же. Оп.22.Д.428. Л. 12.

21. Краткие сведения о состоянии сельского хозяйства в Московской губернии. М, 1929.
С.5.

22. Коллективизация сельского хозяйства Центрального промышленного района (1927-1937 гг.) Рязань. 1971. С.48.

23. Там же. С.47.

24. Сергеев Г.С. Социально-экономическое развитие деревни Центрально-промышленного района накануне коллективизации 1926-1929 г. Калинин 1967. С.134.

25. СУ.1926. № П.Ст.69.

26. Большевик.1929.№ 12.С.51.

27 ТАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 2470. Л. 166.

28. Сергеев Г.С. Социально-экономическое развитие деревни Центрально-промышленного района накануне коллективизации 1926-1929 г. С.291

29. СЗ.1929. №69.Ст.642.

30. Там же.

31. Бюллетень узаконений... 1929. №44-45.С19.

32. Вестник советской юстиции. 1930.№2.С.6.

33. СУ.1928.№36.Ст.269.

34. Сергеев Г.С. Социально-экономическое развитие деревни
Центрально-промышленного района накануне коллективизации 1926-1929 г.С.224.

35. ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 2470. Л. 168.

36. Сергеев Г.С. Социально-экономическое развитие деревни
Централь-но-промышленного района накануне коллективизации 1926-1929 г. Калинин. С.
166.

37. Данилов В.П. Указ соч. С.55-56.

38. Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV-XVI партийными съез-дами.
Статистические сведения по сельскому хозяйству СССР за 1927-1930 г. М.-Л.,1932.С.80.

39. Сергеев Г.С. Социально-экономическое развитие деревни
Центрально-промышленного района накануне коллективизации 1926-1929 г. С.78

40. Бюллетень Тверского губисполкома № 1. 15 апреля. Тверь. 1929. С. 16-17.

41. Там же.

42. Данилов В.П. Указ. соч.С.56.

43. Наемный труд в сельском и лесном хозяйстве СССР в 1926 г. СЮ.

44. ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 2470. Л. 203.

45. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 4. Д. 116. Л. 15.

46. Батрачество и пастушество в СССР. М., 1929. С.76,81.

47. Там же. С. 125.

48. Москва и Московская губерния. Статистико-экономический справочник. 1923/24-1927/28гг. М.1929. С.176-177.

49. Статистический справочник по Тверской губернии. Тверь. 1929. С. 202.

50. Статистический справочник по Тульскому округу. Тула. 1929. С. 186.

51. СЗ. 1929. №14.Ст117.

52. Постановление ЦИК и СК СССР от 4 сентября 1929 г. — СЗ. 1929. №57. Ст.533.

53. СЗ 1927. № 60. Ст. 605 /Пункты 2 и 3/

54. Условия труда и быта сезонников и батраков. /Вопросы труда. 1929. №3-4.С.202/.

55. Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV-XVI партийными съез-дами. Статистические сведения по сельскому хозяйству СССР за 1927-1930 г. М.-Л.,1932.С.82.

56. Итоги десятилетия Советской власти в цифрах 1917-1927. М., 1927.С.159.

57. Коллективизация сельского хозяйства Центрального промышленного района (1927-1937 гг.) Рязань. 1971. С.48.

58. Гайстер А. Расслоение советской деревни. М.,1928. С.73.

59. Бюллетень Тверского губисполкома № 1. 15 апреля. Тверь. 1929. С. 16-17.

60. Коллективизация сельского хозяйства Центрального промышленного района (1927-1937 гг.) Рязань. 1971. С.48.

61. Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV-XVI партийными съез-дами. Статистические сведения по сельскому хозяйству СССР за 1927-1930 г. М.-Л.,1932.С.74,82.

62. Статистический справочник СССР за 1928 год. С.92-93.

63. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1822. Л. 281.

64. Силуянов А.С. Шефская помощь рабочего класса деревне в подготовке социалистических преобразований сельского хозяйства (1925-1929) М.,1968.С.46. 65. Там же.С.38.

66. РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 9. Д. 200. Л. 44.

67. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 19. Д.358. Л.199. Об.

68. ЦГАМО. Ф.66.Оп.11.Д.4770.Л.9.

69. Там же. Д.6222. Л.46.Об.

70. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1822. Л. 82.

71. Современные концепции аграрного развития (теоретический семинар) /
Отечественная история. №1. 1998. С. 103

72. ЦАОДМ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 9. Л. 26. Об.

73. К.Д. Савченко — И.В. Сталину /Известия ЦК КПСС. № 8 . 1989. С. 204.

74. Современные концепции аграрного развития /Теоретический семинар//
Отечественная история. № 6. 1995. С. 147

75. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1822. Л. 83. 76.ЦГАМО. Ф.66.Оп.11.Д.4770.Л.9.

77. Сельское хозяйство СССР 1925-28.М., 1929.С. 191,193,194.

78. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1822. Л. 83.

79. Там же.

80. Статистический справочник по Тверской губернии. Тверь, 1929.С.330.

81. Москва и Московская губерния 1923-24- 1927-28. М., 1929. С.417.

82. Сеть сельскохозяйственной кооперации СССР. М., 1929.С.2.

83. ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 2470. Л. 168.

84. СЗ.1927.№15.Ст.161.

85. СЗ. 1925.№32.Ст.222.

86. ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 2540. Л. 29.

87. К.Д. Савченко — И.В. Сталину. /Известия ЦК КПСС. 1989. №8. С. 206.

88. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 23. Д. 8. Л. 346.

89. СЗ. 1928.№34.Ст.301.

90. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1823. Л. 23.

91. СЗ.1929. №64.Ст.604.

92. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1822. Л. 260.

93.Бюллетень № 6. Двенадцатый Тульский Губернский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Тула. 1927. С. 39.

94. Файн Л.Е. Конец НЭПа и агония кооперации. /НЭП: завершающая стадия //Соотношение экономики и политики. М., 1998. С. 220.

XIII. НАРУШЕНИЕ РЫНОЧНЫХ МЕХАНИЗМОВ ТОРГОВЛИ

Кризисные явления в сельском хозяйстве в конце 20-х годов были следствием попыток правительства форсировать индустриализацию. Именно в этот период было нарушено хрупкое равновесие интересов различных слоев общества. Это вызвало к жизни целую цепочку негативных последствий: обострение товарного дефицита, рост инфляции, переход к карточной системе. Введение в 1928 г. чрезвычайных мер по отношению к деревне, резкое снижение государственных цен на зерно, ограничения на поставку

товарного крестьянского хлеба на рынок, вело к уменьшению посевных площадей и сокращению хлебозаготовок. В 1925-27 гг. цены на продовольствие, хотя и повышались, но не давали резких скачков. Однако в 1928 г. они увеличились на 40%, а в 1929 г. — уже на 119% по сравнению с уровнем цен 1927 г.¹ При этом, руководство страны видело «единственный корень наших трудностей» в накоплении в крестьянских хозяйствах большого количества денежных средств «чем когда бы то ни было» и в возможности крестьянина «купить больше, чем раньше». ² Некоторые «знатоки» деревенской жизни, объясняли нехватку муки тем, что «крестьянин, стал есть пшеничный хлеб каждое воскресенье, а раньше ел лишь 2-3 раза в год». ³

[Окончание книги по ссылке](#)